

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Научный журнал
№ 4 (20) 2017

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52827

Председатель редакционной коллегии

Матвеев В. В.,

доктор технических наук, кандидат экономических наук,
профессор, академик Академии геополитических проблем,
Академии военных наук, Петровской академии наук
и искусств, Метрологической академии (Санкт-Петербург)

Зам. председателя редакционной коллегии

Белов П. Г., доктор технических наук, профессор, член
экспертного совета Комитета Госдумы по безопасности,
вице-президент Академии геополитических проблем
(г. Москва)

Нурьшев Г. Н., доктор политических наук, профессор
кафедры Международных отношений, медиалогии, истории
и политологии Санкт-Петербургского экономического
университета, академик Петровской академии наук и искусств
и Академии геополитических проблем, член-корреспондент
Международной академии наук высшей школы
(г. Санкт-Петербург)

Комаров М. П., доктор военных наук, профессор Военного
учебно-научного центра ВМФ «Военно-морская академия»
(г. Санкт-Петербург)

Учредитель журнала:

Информационный издательский учебно-научный центр
«Стратегия будущего»

Распространяется в Российской Федерации и странах
ближнего зарубежья.

Подписной индекс журнала в объединенном каталоге
«Пресса России» – **320941**

Адрес редакции:

191002, Санкт-Петербург, ул. Социалистическая,
д. 4 литер А, пом. 2Н
E-mail: to-future@mail.ru
Сайт: www.to-future.ru

ISSN 2307-1400

Набрано, сверстано и отпечатано в Информационном
издательском учебно-научном центре «Стратегия
будущего»

Формат 60x84 1/8
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Редакция оставляет за собой право на стилистические
правки и сокращение присланных материалов. Мнение
редакции может не совпадать с мнением автора.

© Информационный издательский учебно-научный центр
«Стратегия будущего»

Редакционная коллегия:

Баранов В. Е., д-р филос. наук

Безлепкин В. В., д-р эконом. наук

Байнев В. Ф., д-р эконом. наук

Буг С. В., д-р пед. наук

Буйневич М. В., д-р техн. наук

Бутырский Е. Ю., д-р физ.-мат. наук

Варзин С. А., д-р мед. наук

Воронцов А. В., д-р филос. наук

Домаков В. В., д-р эконом. наук,
д-р техн. наук

Доценко С. М., д-р техн. наук

Дронов Р. В., д-р эконом. наук

Ефимов В. А., д-р эконом. наук

Иванов В. С., д-р физ.-мат. наук

Кефели И. Ф., д-р филос. наук

Лукин В. Н., д-р политич. наук

Матвеев А. В., канд. техн. наук

Марков А. А., д-р социолог. наук

Мусиенко Т. В., д-р политич. наук

Наумов В. Н., д-р воен. наук

Печников А. Н., д-р пед. наук,
д-р техн. наук

Попов А. Н., д-р воен. наук

Потапов Б. В., д-р техн. наук

Привалов В. Е., д-р физ.-мат. наук

Рищук С. В., д-р мед. наук

Розенберг В. Я., д-р техн. наук

Фотиади А. Э., д-р физ.-мат. наук

Цветков В. Ю., д-р геогр. наук

Щербак С. Г., д-р мед. наук

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

4	МУСИЕНКО Т. В., ЛУКИН В. Н.
Стратегическая культура и риски сохранения идентичности
11	БОБЫЛОВ Ю. А.
Крупные корпорации России – новое звено внешней деловой разведки
22	КОБЕЦ П. Н.
Совершенствование борьбы с незаконным оборотом наркотических средств на территории государств – участников Содружества Независимых государств – одно из условий обеспечения национальной безопасности Российской Федерации
28	СИМАНОВИЧ Л. Н.
Международные аспекты противодействия химическому терроризму
-

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

32	МАТВЕЕВ А. В.
Стратегическое планирование сил и средств МЧС России в Арктической зоне |
|----|---|
-

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

43	ИРОШНИКОВ Д. В.
Система национальной безопасности в действующем законодательстве Российской Федерации
48	ДОМАКОВ В. В.
Морфология собственности и ее правовое представление при ориентации на меняющиеся условия бытия
-

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

62	ДОМАКОВ В. В.
Что делать в России XXI века |
|----|--|
-

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

68	АФАНАСЬЕВ А. Д., АФАНАСЬЕВА Ж. С., МИЛЬКО Д. С.
Методические особенности практикума по искусственному интеллекту в области информационной безопасности |
|----|--|
-

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

73	РАЗВАДОВСКАЯ Ю. В., РУДНЕВА К. С. Капиталовооруженность труда и динамика воспроизводства основного капитала в отраслях промышленного сектора российской экономики
ТЕХНОСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ЭКОЛОГИЯ ЖИВЫХ СИСТЕМ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ	
79	КИРСТА Ю. Б. О климатической безопасности России и регуляции циклонов
ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
86	ФОКИН В. И. Особенности реализации публичной дипломатии России на евразийском пространстве
96	ЦВЕТКОВА Н. А. Публичная дипломатия США в Евразии: влияние на Русский Мир
100	ВАСИЛЬЕВА Н. А. ЕАЭС в условиях четвертой научно-технологической революции
107	БОГОЛЮБОВА Н. М., НИКОЛАЕВА Ю. В. Мега-события как форма культурной дипломатии в странах СНГ
117	ТРЕЩЕНКОВ Е. Ю. Евразийская интеграция России и неправительственные участники
126	РУЦИН Д. А. Переход публичной дипломатии России от «мягкой силы» к стратегической коммуникации и политическому маркетингу
132	БАТУР А. Г. Афганский вопрос в политике стран-членов ЕАЭС
136	ПЕРЕБОЕВ В. С. Евразийская публичная дипломатия: новые инструменты защиты интересов ЕАЭС на мировой арене
143	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 347.92

**МУСИЕНКО ТАМАРА ВИКТОРОВНА,
ЛУКИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ**

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И РИСКИ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ

Раскрыто основное содержание стратегической культуры, использование в формировании надлежащей идентичности; негативное влияние англосаксонской стратегической культуры на процессы национальной идентификации и на безопасность и степень суверенитета государств и регионов.

Ключевые слова: стратегическая культура; культурализм; идентичность, идентификация; суверенитет; риски; политика; безопасность; «турбулентный мир».

**MUSIENKO T.V.,
LUKIN V. N.**

STRATEGIC CULTURE AND RISKS OF IDENTITY PRESERVATION

АБСТРАКТ

The main content of the strategic culture, use in the formation of a proper identity is revealed; The negative impact of the Anglo-Saxon strategic culture on the processes of national identification and on the security and degree of sovereignty of states and regions.

Keywords: strategic culture; culturalism; identity, identification; sovereignty; risks; policy; security; «Turbulent world».

С началом XXI века внимание ученых вновь привлекла проблема стратегической культуры, в контексте которой осмысливается роль и значение политической культуры, национальной идентичности в сохранении суверенных прав государств или союзов государств.

Особую актуальность приобрела эта тема в связи с эффективным использованием США, западноевропейскими государствами всего арсенала стратегической культуры, направленного на изменение национальных стратегических культур и идентичностей в ряде стран Восточной Европы, Азии, Африки как способа ведения современной войны и отстаивания суверенитета в англо-саксонском понимании.

Для большинства работ, посвященных стратегической культуре, характерна общая позиция признания несомненного её значения для понимания и стратегического прогнозирования ключевых проблем и основных направлений сохранения или нивелирования идентичности, совершенствования политики в сфере международных отношений в целях эффективного решения возникающих угроз и снижения рисков сохранения суверенитета или определения его границ [см., напр., 1; 2, С. 25–27; 3, С. 197–221; 4, С. 19–28; 5, С. 261–268; 6, С. 21–26; 7, С.91–102; 8, С. 41– 47; 9].

Классическое определение стратегической культуры дано Джеком Снайдером (J. L. Snyder) в 1977 году: «Стратегическая культура может быть

определена как совокупность идей, обусловленных ими эмоциональных состояний, а также паттернов стандартного поведения, которые члены сообщества, являющиеся носителями национальной стратегической культуры, приобретают в процессе обучения или его аналогов и обмениваются ими в связи с определением соответствующей стратегии. В том, что касается стратегии, стандартное поведение в этом смысле рассматривается прежде всего как осознанное (когнитивное) поведение» [10, P.8; 11, P. 3–9; 12, С. 118–135].

Согласно теории стратегической культуры рациональные действия государственных акторов детерминированы культурной составляющей. Так, американский исследователь Дженни Джонсон (J. Johnson) обосновывает необходимость гибкого подхода в оценке факторов стратегической культуры и допущение о совокупности объективных и субъективных факторов ее изменения, включая национальную культуру как значимую переменную для анализа решений, принимаемых в сфере суверенитета и внешней политики.

«Политические приоритеты элит и их решения определяются национальной культурой, политическим процессом и организационной культурой, обусловлены материальными возможностями, ингибируются (ограничиваются), либо напротив продвигаются внешними политическими акторами. Но представители элиты могут включать в повестку дня и политического курса вопросы, направленные против норм и ценностей национальной культуры (разработанные фактически с позиций контркультуры, как в случае обоснования преимуществ США в возможности упреждающего применения силы) и продавливать принятие соответствующих пунктов, даже не взирая на сопротивление, связанное с действием механизмов традиционной стратегической культуры [13, P. 3, 8].

Стратегическая культура является, по мнению британского ученого К. Грея (Colin S.Gray), «полезным инструментом понимания самих себя, других и того, как эти другие видят нас». Он исходит из положения о взаимосвязи культуры, стратегической культуры, стратегической истории и геополитики, что в свою очередь определяет содержание собственно реальной политики.

Грей считает, что это должно предполагать гибкость в выборе методов и средств влияния. Поли-

тическое видение или политический менталитет Грей рассматривает как производную культуры в целом, и стратегической культуры, в частности. Именно культура определяет видение и понимание норм общего блага, качества жизни, безопасности и суверенитета конкретного сообщества.

В свою очередь, политическое видение определяет политику и ее возможности реализации этих общенациональных стандартов и норм с учетом реалий и ограничений, определяемых особенностями мироустройства, включая мировую политику. Соответственно, подчеркивает Грей, именно культура с большей вероятностью имеет приоритет, преобладает, а порой и господствует в управлении и политике, поскольку она находит воплощение в ментальности, оценочных суждениях и установках настолько, что никто не может препятствовать или блокировать ее влияние. С этим связано значение исследования культуры, политической культуры и собственно анализа стратегической культуры для понимания ее влияния на идентичность и сути современной политики [14, P. 1– 30].

Таким образом, К. Грей интерпретацию смыслов и значений исторического опыта осуществляет на основе культурологического подхода, соответствующей концепции культуры, а также концепции исторического нарратива.

Лоренс Фридман (L. Freedman) понимает нарратив как исторические сюжетные линии, имеющие целью убеждение людей в той или иной интерпретации и объяснении событий, из которых возможно сделать определенные выводы.

Нарративы, связанные с историческими событиями прошлого, по Фридману, создаются или передаются через систему образования и воспитания с целью структурировать у других людей определенную ответную реакцию на события настоящего. Нарративы имеют стратегическую природу, именно поэтому они не возникают спонтанно, отмечено у Фридмана, нарративы осознанно и обдуманно конструируются, либо в них могут быть заимствованы уже существующие идеи, которые развиваются и усиливаются в той или иной степени [15, P. 22].

Г. Экстейн (H. Eckstein), еще в восьмидесятые годы динамику социальных изменений и связанных с ними модификаций в сфере культуры усматривал в самой направленности культурализма на осмысление политического континуитета,

то есть целостности и стабильности как нормального состояния общества.

Основу такого подхода, по мнению Г. Экстейна, составляют четыре фундаментальных постулата культурализма: об ориентированности действия; об изменчивости, неустойчивом и непостоянном характере ориентаций; о культурной социализации; о кумулятивной социализации [16, P.790–792].

Особое внимание вызывает постулат о кумулятивной социализации. Раскрывая суть культуралистического подхода к пониманию динамики процесса социализации личности, теоретик подчеркивает важность ранней социализации как своеобразного фильтра, когда содержание и характер ранней социализации обуславливают последующий процесс социализации таким образом, что их коррекция крайне затруднена.

Во-вторых, тенденция к оформлению всего набора полученных в ходе обучения когнитивных, аффективных и эвалюативных ориентаций в некоторую стройную структурную целостность, чем и достигается определенный уровень согласованности диспозиций личности [16, P.791–792].

Изменения культуры и системы ориентаций Экстейн относит к процессам, обусловленным изменением ситуаций и объективных условий взаимодействия, когда человек постепенно проходит все ступени и институты социализации: вследствие процессов, происходящих в обществе и во внутренней политике государства; в результате внутренних социальных катаклизмов; в связи с привнесенными извне изменениями; как результат миграционных процессов и социальной мобильности и т. д.

Аарон Вилдавски (А. Wildavsky) в своей теории культуры утверждал, что культурной идентификации личности всегда предшествует конфликт культур, в результате которого и оформляется специфическое сочетание культурных компонентов, составляющих стержень культуры конкретной личности. Именно конфликт культур обеспечивает культурную идентификацию со смысловым значением, необходимым личности для своей идентификации и определения собственных предпочтений. Характерно, что предпочтения рассматриваются не как причина идентификации, а как ее следствие [17, P.593, 595].

Отечественные исследователи, в основном, ограничиваются анализом эволюции теории стратегической культуры.

Концепция стратегической культуры была сформулирована в рамках исследований проблем международной безопасности и стала одним из основных инструментов противостояния рискам и угрозам суверенитету и безопасности в целом.

Но в отечественной «Стратегии национальной безопасности», которая является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации в области сохранения суверенитета на основе равноправных международных отношений категория «стратегическая культура» не используется [см.: 18].

В отличие от российской Стратегии в Стратегии национальной безопасности США, подписанной президентом США 15 февраля 2015 года, было прямо заявлено: «Мы будем лидировать с позиции силы. Стратегический фундамент Америки прочен. Не существует замены американскому лидерству ни перед лицом агрессии, ни в вопросах всеобщих ценностей, ни в обеспечении более надежной безопасности самой Америки» [см.: 19]. Стратегическая культура обозначается в качестве одного из основных инструментов реализации американского глобального лидерства.

Большинство американских экспертов считает возможным и неоспоримым возвращение к однополярному миру под эгидой США в результате использования всех инструментов стратегической культуры в отношении национальных идентичностей. Еще более полувека назад А. Даллес считал возможным «перестроить» российскую идентичность через подмену истинных ценностей фальшивыми, культуры – масскультурой, создание хаоса и неразберихи в государственном управлении, возведение бюрократизма и волокиты в добродетель «с помощью единомышленников и помощников в самой России» [см.: 20].

Уже в XXI веке, согласно Збигневу Бжезинскому, в результате противодействия национальных стратегических культур «на фоне международной нестабильности и даже потенциально смертельной угрозы глобальному благополучию» наступит «продолжительный этап довольно хаотических перестановок глобальных и региональных сил, в которых проигравших будет гораздо больше, чем очевидных победителей» [см.: 21].

Американский политолог Ч. Купчан

(Ch. Kupchan) предлагает сценарий, который можно обозначить как сценарий «турбулентного мира»: ни государство, ни международная организация, ни межгосударственное объединение в одиночку не сможет и не будет осуществлять единоличное глобальное лидерство в XXI веке. В результате будет формироваться не система координации, но система конкуренции [см.: 22].

Стив Манн считает, что реакцией на мировую «турбулентность» может стать дальнейшее нарастание недоверия между ключевыми полюсами силы друг к другу и использование хаоса в качестве осмысленного орудия одного из полюсов, например, США [см.: 23].

На взгляд авторов, вполне закономерен начавшийся процесс выхода Великобритании из Европейского Союза. Это является свидетельством попытки двух англосаксонских государств через двойственный союз попытаться противостоять влиянию стратегических культур Европы, Китая и России [см.: 24].

Глобальный хаос, по мысли французского исследователя Ж. Аттали (J. Attali), может быть преодолен за счет формирования в мире системы «гипердемократии». В институциональном плане она может представлять собой «совокупность местных, национальных, континентальных и общемировых организаций, считающихся с мнением каждого человека». Это позволит избежать рисков и угроз глобальной турбулентности и вернуться к позитивной глобализации [25, С. 255].

Можно согласиться с Ж. Аттали, Дж. Фридманом [см.: 26] в том, что двигаться вперед, противостоять внешним и внутренним вызовам суверенным государствам невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения.

Человек и политические отношения, в которые он вступает в мире политики, – это микросистема, включающая в себя такие компоненты, как система мотивации (потребности) личности; система политических ориентаций (когнитивные, аффективные, эвалюативные, общие диспозиции) на микроуровне; система ценностных ориентаций (включая индивидуально значимые ценности, нормы, правила, паттерны политического действия) личности; соответствующие конкретной ситуации социополитического взаимодействия аттитюды (индивидуальные позиции), формы и виды политической

активности, а также другие структурные элементы субъективного микрополитического действия.

Содержание и качество социополитического действия и взаимодействия определяются в значительной мере характером политической и общенациональной культуры как системы ценностей, традиций, норм, принципов и стандартов социального действия, символов и их общих смысловых значений.

Фактор культуры, а также определяемая культурой структура идентичности и тип идентификации, доминирующий в обществе, являются определяющими в социально-экономическом развитии государства, степени его геополитического влияния и суверенитета.

Существенные ограничения суверенитета государств в Европейском Союзе, Молдавии Грузии, Украине, полная потеря его в ряде стран Северной Африки и на Ближнем Востоке в результате воздействия атлантической стратегической культуры на их национальные идентичности очевидны. Очередным объектом атаки избрана Сирийская Арабская Республика. В апрельские дни 2017 года вновь зазвучали обвинения в адрес правительства Б. Асада в «применении химического оружия, начиная с 2015 года», которое под строгим международным контролем было вывезено и уничтожено еще несколько лет назад. Повторяются эти бездоказательные обвинения и в ноябрьские дни 2017 года на Генеральной Ассамблее ООН. Полным ходом идет подготовка к «белорусскому майдану».

Подвергается рискам и российская идентичность. В средствах массовой информации зарубежных стран мартовские антикоррупционные демонстрации в России и реакция государства вызвали соответствующий комментарий министра иностранных дел С. Лаврова: «Когда одни и те же события вызывают разную реакцию, наверное, опять приходят на ум те самые пресловутые двойные стандарты. Я не помню, чтобы кто-то очень сильно переживал, по крайней мере публично, по поводу тех решений, которые были приняты не так давно в Германии, Нидерландах, Австрии, власти которых просто запретили проводить определенные митинги» [27].

Президент Российской Федерации В. В. Путин выделил следующие риски российской идентичности.

Во-первых, – это объективное влияние, по сути, давление глобализации на национальную идентичность России и других стран.

Национальную идентичность России и других стран может сохранить укрепление института международного права и национального суверенитета: главенство международного права; выработка ключевых решений на коллективной основе; равенство прав всех стран и народов; право на самостоятельный выбор своего развития.

Во-вторых, – это тяжелейшие последствия национальных катастроф XX века, когда наше Отечество дважды пережило распад государственности.

Кризис государственности способствовал формированию и сохранению ряда кливевжей – разломов, ставших основой возникновения противоречий и конфликтов, в том числе конфликта ценностей: разрыв традиций и единства истории, деморализация общества, дефицит взаимного доверия и ответственности. Результат – разрушительный удар по культурному и духовному коду нации.

Важнейшее направление преодоления последствий этого удара определяется следующим образом: ответственность перед самим собой, обществом и законом.

В-третьих, неустойчивость и уязвимость конструкции прежней идеологической монополии, не имеющей будущего в современном мире, и отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности.

Необходимы историческое творчество всего общества, вся история нашей Родины без изъятий должна стать частью и фундаментом российской идентичности.

В-четвертых, наличие мирового тренда отрицания нравственных начал, в том числе христианских ценностей, и традиционной идентичности.

Сохранить и укрепить национальную идентичность возможно путем сбережения ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях; норм нравственности, формировавшихся тысячелетиями; уважением права большинства и права любого меньшинства на отличие.

Анализ типов социального действия и социального поведения граждан России позволяет сделать вывод, что приоритетным в государственной стратегии укрепления национальной идентичности

является формирование ценностно-рационального действия как доминирующего с включением в качестве неотъемлемых составляющих рационального, аффективного и традиционного компонентов действия.

В-пятых, кризис мультикультурализма. Причина кризиса объясняется тем, что это была во многом привнесенная искусственно, сверху внедряемая модель. Но есть реальные пути укрепления национальной идентичности в многонациональной и многоконфессиональной стране. Прежде всего, это поликультурность, полиэтничность в историческом сознании, в духе, в историческом коде народов России, на которых естественным образом последнее тысячелетие строилась отечественная государственность [см.: 28].

Таким образом, стратегическая культура является действенным инструментом воздействия на национальных культуры и идентичности с целью их изменения.

Геополитическими акторами стратегическая культура используется для достижения геополитических целей.

Риски российской идентичности и пути их минимизации осознаются государством.

Список литературы

1. *Бякина В. П., Лукин В. Н., Мусиенко Т. В.* и др. Россия в глобальной политике: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.А. Литовченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 397 с. – (Бакалавр. Академический курс).
2. *Лукин В. Н., Мусиенко Т. В.* Стратегическая культура как элемент глобальной культуры // Советская культура в контексте глобальной истории: Мат. VI междунар. научн. конф. – Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2016 г. / Балт. гос. техн. ун-т. СПб., 2016. – С. 25–27.
3. *Лукин В. Н., Мусиенко Т. В.* Изменение стратегической культуры: подходы и модели, ориентации и нарративы // CREDO NEW. – 2015. – № 3 (83). – С. 197–221.
4. *Милаева О. В., Сиушкин А. Е.* Сравнительный анализ стратегической культуры США и Евросоюза (на материалах стратегий безопасности 2002–2010 гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 3 (23). – С. 19–28.

5. Мусиенко Т. В. Европа и Украина: идентичность как фактор геополитического самоопределения // Ученые записки, том 27: Политические уроки истории и актуальные проблемы современных международных отношений: сб. науч. ст. / редколлегия: С.М. Климов, М.В. Ежов, В.А. Ачкасов, Н.А. Баранов, Б.А. Ширяев. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2015. – С. 261 – 268.
6. Нурышев Г. Н. Геокультура России как геополитика справедливости // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 1 (5). – С. 21 – 26.
7. Ожиганов Э. Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2012. – № 2. – С.91 – 102.
8. Чижиков Э. Н., Лукин В. Н. Стратегическая культура как элемент геополитики // Геополитика и безопасность. – 2016. – № 2 (34). – С. 41– 47.
9. Комаров М. П., Матвеев В. В. Системная хроника развала СССР и становления новой России (1983-2014 гг.). – СПб.: «Стратегия будущего», 2017. – 423 с.
10. Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations, R-2154-AF (Santa Monica, CA: Rand, September 1977), P. 8 – 38;
11. Snyder J.L. The Concept of Strategic Culture: Caveat Emptor // Carl G. Jacobsen (ed.) Strategic Power: USA/USSR, London: Macmillan, 1990. P. 3–9;
12. Снайдер Джек. Мифы империи и стратегии гегемонии // Прогнозис. – 2006. – № 4. – С. 118 – 135.
13. Johnson J.L. Strategic Culture: Methodologies for a Research Program // Comparative Strategic Cultures Curriculum: Assessing Strategic Culture as a Methodological Approach to Understanding WMD Decision-Making by States and Non-State Actors. Advanced Systems and Concepts Officer Final Report. 31 October 2006 / Ed. by Jeffrey A. Larsen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libreriamilitareares.it/BIBLIOTECA/BIBLIOTECA%20MILITARE%20DIGITALE/I.%20TRATTATI%20MILITARI/USA%20Central%20Poers%20-Comparative-Strategic-Cultures.pdf> (дата обращения 15.11.2017).
14. Gray C.S. Out of the Wilderness: Prime-Time for Strategic Culture. July 2006 // Comparative Strategic Cultures Curriculum: Assessing Strategic Culture as a Methodological Approach to Understanding WMD Decision-Making by States and Non-State Actors. Advanced Systems and Concepts Officer Final Report. 31 October 2006 / Ed. by Jeffrey A. Larsen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libreriamilitareares.it/BIBLIOTECA/BIBLIOTECA%20MILITARE%20DIGITALE/I.%20TRATTATI%20MILITARI/USA%20Central%20Poers%20-Comparative-Strategic-Cultures.pdf> (дата обращения 15.11.2017).
15. Freedman L. Transformation of Strategic Affairs // Adelphi Series. The International Institute for Strategic Studies. 31 March 2006. Vol. 2006. № 379 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iiss.org/en/publications/adelphi/by%20year/2006-4d94/the-transformation-of-strategic-affairs-b272> (дата обращения 15.11.2017).
16. Eckstein H. Culturalist Theory of Political Change // American Political Science Review. 1988. Vol. 82, № 3. P. 790 – 803.
17. Wildavsky A. Political Culture and Political Preferences // American Political Science Review. 1988. Vol. 82, № 2. P. 593 – 595.
18. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420327289> (дата обращения 02.11.2017).
19. National Security Strategy. – Washington D.C.: The White House, February 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf; (дата обращения 02.11.2017).
20. Даллес Аллен, Гелен Рейнхард. Дождать Россию! Как осуществлялась Доктрина. – М.: Алгоритм, 2014. – 272 с.
21. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд. Америка и кризис глобальной власти. – М.: АСТ, 2013. – 285 с.
22. Charles A. Kupchan. No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. New York and Oxford: Oxford University Press. 2012. 272 p.
23. Манн С. Реакция на хаос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=175> (дата обращения: 03.11.2017).
24. План Терезы Мэй по поводу брексита: основные пункты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20170118/238546669.html> (дата обращения 10.11.2017).

25. *Аттали Ж.* Краткая история будущего. – СПб.: Питер, 2014. – 288 с.
26. *Фридман Дж.* Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века. – М.: Эксмо, 2010. – 336.
27. Сергей Лавров прокомментировал митинги в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lentasmi.com/full.php?id=539&SID=marketgid&PID=13612098&AID=53344996&CID=160841&DID=> (дата обращения 01.11.2017).
28. Выступление В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 09.11.2017).

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2017 г.

КРУПНЫЕ КОРПОРАЦИИ РОССИИ – НОВОЕ ЗВЕНО ВНЕШНЕЙ ДЕЛОВОЙ РАЗВЕДКИ

АННОТАЦИЯ

Дано обоснование возможной организации в ряде крупных наукоемких корпораций России собственных служб внешней разведки на основе лицензий от СВР России. Речь идет о ряде важнейших компаний страны, имеющих развитую промышленную базу, валютные средства и профессиональных кадры. Это предложение учитывает специфику начатой экономической войны США против России. Для России повышается защитная роль специальных операций для промышленной модернизации. Оперативное копирование лучшей зарубежной техники с её модификацией является проверенной стратегией в промышленном развитии стран. Шпионская информация может быть научной, технической, производственной, экономической, финансовой и иной. Создание служб корпоративной внешней разведки потребует поправок в ФЗ «О внешней разведке» (1996 г.) и другой нормативной базы. Свои кадровые задачи требуется решить высшей школе России.

Ключевые слова: промышленный шпионаж; инновации и инвестиции; новые кадры; специальные операции; мобилизационное управление.

BOBYLOV YU.A.

LARGE CORPORATIONS OF RUSSIA – A NEW LINK IN THE EXTERNAL BUSINESS INTELLIGENCE

ABSTRACT

The rationale for the possible organization of its own foreign intelligence services in a number of large knowledge-intensive Russian corporations on the basis of licenses from the Russian foreign intelligence services is presented in the article. The article examines a number of the most important companies in the country with a developed industrial base, foreign exchange funds and professional staff. This proposal takes into account the specifics of the US economic war started against Russia. For Russia, the protective role of special operations for industrial modernization is increasing. Operative copying of the best foreign equipment with its modification is a proven strategy in the industrial development of countries. Spyware information can be scientific, technical, industrial, economic, financial and other. The creation of corporate foreign intelligence services will require amendments to the Federal Law On Foreign Intelligence (1996) and another regulatory framework. Its personnel tasks are to be solved by the higher school of Russia.

Keywords: industrial espionage; innovation and investment; new frames; special operations; mobilization management

В 1991 г. в Издательстве «Международные отношения» вышла мемуарная книга крупного британского и позже советского шпиона Дж. Блейка «Иного выбора нет» (320 с.). В предисловии к.и.н. С. Кондрашова отмечено: «...В книге показана глубина переживаний человека, стремящегося найти свое место в многоплановой борьбе, которая происходила и в новых форма еще продолжается между двумя мировыми политическими системами. В этом отношении воспоминания Блейка уникальны» [1, с. 5]. Это было написано незадолго до странного распада СССР и перехода всей нашей жизни в «развитый капитализм».

К 2017 г. как в политическом, так и экономическом мышлении жителей России многое кардинально изменилось под натиском высоко конкурентного и эффективного мирового бизнеса. Отчасти Россия стала превращаться в сырье-

вую колонию США, стран Евросоюза и, наконец, Китая. Главные научные, технологические и промышленные битвы в современной экономической войне между высоко развитыми странами мира идут в *гражданской сфере* потребительского и промышленного производства. Потому цели, миссии и методы прежнего развитого военно-ориентированного шпионажа СССР и России сильно меняются, но суть тайной шпионской деятельности остается прежней. Ещё одно из признаний Дж. Блейка: «...Хочу добавить одно: нет ничего хорошего в том, что приходится обманывать тех, кому доверяешь, мне это никогда не нравилось и доставляло удовольствие. Шпионаж мне представляется печальной необходимостью...Я надеюсь, что придет день, когда отпадет надобность в шпионах» [1, с. 161].

Ясно, что в конце своей жизни многоопытный военный шпион совершил еще одну ошибку.

Шпионская деятельность ныне лишь усиливается в сфере НИОКР, большом и среднем бизнесе, мировой экономике и финансах.

1. Шпионаж и спецоперации России для противостояния экономической войне США

Мир крупного наукоемкого бизнеса России подвергся сильному западному удару. Президент США Д. Трамп 2 августа 2017 г. подписал «Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций» (HR 3364). США открыто начали против России системную экономическую войну. Закон нарушает многие действующие нормы мировой политики и экономики. Намечено ведение *все новых ограничений* на приобретение российскими управленцами в крупном и среднем бизнесе новой техники, оборудования, технической документации и информации. Впереди активизация иностранных разведок США и их союзников, а также опасные подрывные специальные операции против российского бизнеса и власти.

На этом мировом фоне Россия и ее спецслужбы вправе предпринять нужные защитные меры не только **оборонительного**, но и **наступательного** характера против США и их союзников [2]. В этой связи автор предлагает модернизацию системы весьма централизованной внешней научно-технической и экономической разведки России путем предоставления права ряду заинтересованных крупных корпораций иметь собственную службу внешней разведки по лицензии СВР России.

Возникшая по инициативе США «внешнеэкономическая проблема» России может рассматриваться как «военно-экономическая», но также как проблема «организации управления» на высшем уровне принятия и контроля решений. Важно отметить, что мощный военно-технический потенциал Минобороны России не может дать адекватного «асимметричного» ответа. Нужен комплекс особых военно-экономических мер со стороны Президента РФ в опоре на реформированный экономический блок федеральных министерств и потенциал таких спецслужб как СВР, ФСБ и ГРУ. Впереди назревший в последние годы переход к мобилизационной экономической политике России.

В новой «военно-экономической» ситуации возрастает роль **секретных управленческих технологий**, куда можно включить и более активную

шпионскую деятельность. Но это лишь часть таких секретных работ, среди которых велика значимость *специальных операций* в целях реализации новых проектов требуемой индустриализации на основе наукоемких технологий и включения в мировые производственные цепочки [3].

Анализ показывает, что можно попытаться тайно украсть на Западе или Востоке ценные научные идеи или наукоёмкие промышленные достижения, но даже в случае шпионского успеха это может оказаться напрасным делом, поскольку даже на «стратегически важных» направлениях менеджмента и производства возникшее в России после 1991 г. научное, технологическое и кадровое отставание от США, Англии, Германии, Швейцарии, Японии, Республике Корея, Израиле и др. делает крайне проблемным практическое использование таких «ноу-хау». Шпионские приемы и технологии достаточно полно описаны в научной и учебной литературе, а также мемуарах [4; 5]. Интересна популярная цитата от **Аллена Даллеса**, организатора американской внешней разведки: «Если ты нашел чиновника, который тебе передаст важную информацию – это разведка. Если же он оставил секретный документ на столе, а ты его украл, то это – шпионаж» [6]. Внешняя разведка в мире также повышает свой научный, технологический и организационный уровень в опоре на достижения информационной техники и глобальный Интернет.

Сила современных *аналитических процессов спецслужб (СВР, ФСБ, ГРУ)* с использованием секретных методов поиска и обработки информации намного выше, чем электронных поисковых работ в большом наукоемком бизнесе. Они сканируют и автоматически объединяют информацию Интернета из различных источников с огромной скоростью независимо от того, существует ли она в виде готовой базы данных или передается агентством новостей в виде целостного текста. При этом идет расшифровка текстов и баз данных [7].

2. Новая эра шпионажа для развития конкурентного производства

По признаниям экспертов СВР России, в научно-технической разведке время *тайных нелегалов* никогда не пройдет, поскольку они встроены в *коммуникативные информационные сети* и первыми узнают о новых технических новинках

от самих ученых и инженеров. Узнают до того, как такая информация появится в документах и статьях, став отчасти доступной для электронного шпионажа.

Пять лет назад в результате обмена заключенными между Москвой и Вашингтоном в Россию вернулся один из членов сети законсервированных разведчиков-нелегалов **А.О. Безруков** (по легенде его звали Дональд Хитфилд, и он руководил консалтинговой компанией в сфере стратегического планирования), проработавший за рубежом более 20 лет. С тех пор он работает советником президента компании «Роснефть» и преподает в МГИМО. Вот как Безруков ответил на вопрос журналиста «Коммерсанта», *нужны ли шпионы-нелегалы в эру глобального электронного шпионажа разведчики*: «Конечно, нужны. Если бы они не были нужны, их бы уже не было. Есть ряд вещей, которые никакими перехватами не закрываются. *Во-первых*, самая ценная информация – это информация упреждающая. И она, скорее всего, еще нигде не написана, а пока лишь существует в умах некоторых людей. Когда она будет записана, зарегистрирована и принята к сведению, будет уже поздно. Мы можем узнать о ней, перехватив документы, или же их кто-то в прессу сольет – но это будет уже очень поздно. *Во-вторых*, некоторые вещи, как, например, общественное настроение, просто непередаваемы. Я не говорю об общественном настроении в целом, а о настроении определенных групп, связанных с принятием решений. Оно чувствуется только теми, кто рядом с ними. А эта информация очень важна. Остальное можно узнать из открытых источников или перехватить, но вообще серьезные люди давно уже знают, что их перехватывают, и, естественно, учитывают это. Кроме того, как вы отличите информацию из открытых источников от дезинформации? Для этого разведка и существует» [8].

Современный промышленный мир таков, что тайный шпионаж становится важной, хотя и негласной/секретной функцией крупного и среднего наукоёмкого бизнеса. Приведенный выше случай с А.О. Безруковым, который руководил консалтинговой компанией в сфере стратегического планирования и проработавший за рубежом более 20 лет, говорит, что прежде всего «Роснефть» весьма близка в *особой информационной работе*, которая все-таки «двойного назначения».

Важно, что лучший технический шпион – это сам многоопытный ученый или инженер с полученными знаниями и навыками шпионской работы. Однако такой специалист с хорошим университетским образованием в высшей школе России (пример, МФТИ, МИФИ, МВТУ, питерский Политехнический университет, РГУ нефти и газа и др.) пока вне возможного вузовского «шпионского» образования (хотя бы его начальной стадии в рамках учебных курсов по «конкурентной разведке» или «информационной безопасности» [9]. Решающим итогом шпионского успеха является тайная денежная сделка (наличными) по приобретению информации, документации или мелких частей сложной техники.

3. Активнее красть перспективные идеи и «ноу-хау» для индустриализации России

В плане научно-технической разведки возможную *имитацию изделия* нужно рассматривать не изолированно, а *в паре с инновацией*. Очевидно, что без некоторой инновации имитация продукта или процесса вообще невозможна. В большинстве случаев невозможна и имитация без внесения каких-либо изменений в оригинал [10; 11]. Конкуренты анализируют результаты внедрения инновации, которую ввели другие организации, чтобы определить, насколько она им нужна. Если в ряде секторов российской промышленности практически нет своих научных сотрудников и НИОКР, то им не поможет ценная зарубежная документация, в том числе добытая по шпионским технологиям. Много новизны, сложно и технологически почти не реализуемо: «*Вроде все нам понятно, но сделать даже копируемый образец не можем!*»

Если имитация возведена в технологически сильной фирме в статус *сознательной стратегии*, а не сводится к спонтанным, разовым вспышкам интереса к чужим достижениям, она ведет к *постоянному мониторингу научно-технической, производственной или рыночной информации* [6]. Важно, что такой мониторинг затруднителен или даже невозможен для сотрудников СВР, ФСБ и ГРУ. Часто удачный промышленный шпионаж носит разовый или ограниченный во времени характер. Для разведслужб шпионский процесс носит турбулентный и вероятностный характер.

По этой причине необходима интеграция ряда

крупных наукоемких корпораций России в систему внешней разведки [12]. В условиях экономического и бюджетного кризиса разведструктуры СВР, ФСБ и ГРУ ограничены в финансовых средств при наличии квалифицированных кадров и целостных шпионских сетей в развитых странах мира, ТНК и международных организаций (типа ВБ, МВФ, структур ООН и др.). В это же время есть некоторая *валютная избыточность* в компаниях России, работающих на экспорт товаров и услуг, при отсутствии шпионских кадров и, главное, законных прав для работы в сфере внешней разведки. Эта противоречивость должны бы быть устранена по инициативе СВР России как головной и координирующей разведывательной службы страны. В создавшейся ситуации следует пойти на *коррекцию* ФЗ «О внешней разведке», разрешив на *лицензионной основе* ведение отдельным крупными компаниями России внешнюю разведку (особенно научно-техническую, промышленную и экономическую).

От руководителей Минпромторга, Минобрнауки и Минэкономразвития страны нужны определенные организационные инициативы/претензии к Службе внешней разведки России как головной разведывательной спецслужбы. СВР вправе координировать свои работы со службами электронной разведки ФСБ России и специализированными хакерскими структурами.

Изучение технологий научно-технической и экономической разведки, промышленного шпионажа и др. вполне возможно и актуально в наших ведущих инновационных университетах и не является незаконной деятельностью. В ряде университетов Минобрнауки России надо бы иметь не только **военную кафедру** (от Минобороны РФ), но и **кафедру национальной безопасности** (объединенную от ФСБ, МВД, СВР и других правоохранительных органов). Это также актуальная тематика *специального дополнительного образования* в системе повышения квалификации [9]. Однако не следует переоценивать возможности отдельных частных детективов даже с опытом профессиональной шпионской работы за рубежом. Они должны бы стать частью координируемых шпионских сетей.

Наша внешняя разведка должна опираться на растущую русскоязычную диаспору эмигрантов из СССР и России. По оценкам, лишь в 2008–2011 гг. из России на постоянное место жительства

за рубежом в среднем уезжало 35,5 тыс. человек в год. В 2012-м этот показатель вырос до 122,7 тыс., а в 2013-м – до 186,4 тыс. человек [10]. Как правило, такие эмигранты с высоким уровнем образования, большой предприимчивостью и рациональностью поведения иногда склонны «помочь Родине».

4. Реальность криминального рынка мировых производственных достижений

В США важнейшим объектом разведки являются квалифицированные инженеры, являющиеся источником ценной информации. В этой связи ФБР обновляет инструкцию для сотрудников секретных предприятий, которая включающая также рекомендации по поведению их вне работы.

По немецким источникам, получение разведывательной информации в Германии осуществляется разными способами. В 15% случаев конкуренты хакерскими приемами подключались к корпоративным базам данных. Случаи продажи информации собственными сотрудниками с целью получения дохода составили 20% всех нарушений. В 19% случаев сотрудники компаний оказывались завербованными фирмой-конкурентом или же зарубежной спецслужбой в целях передачи им закрытой информации (иногда ее продажей занимались бывшие ответственные работники фирмы). В нелояльности по отношению к собственной компании чаще всего замечены секретари и делопроизводители (31%), квалифицированные рабочие (23%) и менеджеры (17%). При этом в компетентные органы обращается лишь 25% немецких компаний, ставших жертвами промышленного шпионажа, поскольку они опасаются потери деловой репутации [2].

Проблема шпионажа и одновременно защиты ценной информации, документации или элементов новейшей техники и технологии – *глобально международная проблема*.

Анализ показывает, что *кражи ценной информации* весьма распространены внутри самой России. Так, случаи воровства корпоративной информации в 2015 г. зафиксировали 52% российских компаний, показало исследование компании «SearchInform». Авторы опросили 1700 специалистов служб безопасности из 25 городов России. Предотвратить утечку конфиденциальных данных не удалось, несмотря на то, что почти все работодатели (84%) заставляют сотрудников при найме

на работу подписывать договоры о неразглашении данных, а 72% проводят с сотрудниками инструктаж по информационной безопасности. Информация крадется как по материальным (деньги или иные блага), так и по моральным причинам. В последнем случае – это и месть работающих или уволившихся сотрудников, которые были обижены на свое руководство. В *кризисных условиях* почти все сотрудники находятся в стрессе из-за вероятной потери работы, поэтому подыскивают запасные варианты трудоустройства и новые способы заработка, отмечают авторы исследования. Такие инциденты чаще происходят в маленьких фирмах, где больше возможностей для добычи той или иной информации или документации. Крупные компании занимаются профилактикой утечек: 21% компаний взяли под контроль внешние носители информации, говорится в исследовании. Многие защищают электронную почту (32%). А вот за серфингом сотрудников в интернете следят всего 19% компаний [6]. Однако лишь 9% компаний контролируют документы, передаваемые на печать [11].

По мере материализации научного продукта и его вхождения в серийное производство возрастает и роль **промышленного шпионажа**, но здесь на первое место выходит тайная покупка технической документации и описания и фотографии технологических процессов. Можно нелегально купить почти «все» из запрещенного к импорту в Россию ценного оборудования, станков, приборов и материалов. Именно в этом заинтересованы некоторые конкурентоспособные сектора экономики России (и вне наукоемкой оборонной и атомной промышленности) [6]. В чем пока большая инновационная сила добывающих нефтегазовых компаний? У них была значительная валютная выручка для приобретения многих новейших видов промышленного оборудования.

5. Эволюция введения экономических санкций США

С введением экономических санкций с середины 2014 г. многие рыночные приобретения техники, оборудования, приборов и материалов стали ограничены или фактически невозможны. В создавшихся условиях взятые на себя Россией в рамках ВТО нормы честной мировой торговли теряют свою политическую значимость. Также видится

необходимость временно устранившись от принятых Россией некоторых обязательств по «добросовестной мировой торговле» и активизировать все возможные виды шпионажа и тайных спецопераций.

Ниже этапы усиления санкционной войны США против России:

Июль 2014 г.: введение секторальных санкций против компаний финансового и нефтегазового сектора, а также оборонной промышленности («Внешэкономбанк», «Газпромбанк», ВТБ, Банк Москвы и «Россельхозбанк»; «Роснефть» и «НОВАТЭК»; 4 оборонные Корпорации, включая ОСК) для ограничения заёмного финансирования и осуществления сделок с акциями и собственностью фирм;

Сентябрь 2014 г.: ужесточение секторальных санкций и расширение начального списка попадающих под них компаний, включая: Сбербанк; «Ростех»; а «Газпром», «Лукойл», «Сургутнефтегаз», «Транснефть» и «Газпром нефть»; энергетические компании. Им запрещено предоставлять им финансирование, проводить с ними какие-либо транзакции, операции с собственностью, покупать и продавать новые акции и облигации со сроком погашения более 30 дней;

2015 и 2016 гг.: Расширение санкционного списка за счет «дочек» компаний, в отношении которых уже действовали ограничения. Охвачено более 80 компаний, включая 51 «дочку» «Газпрома». Впервые попали 11 производителей электроники, которая может быть использована для нужд военной промышленности, в том числе лидеры российского рынка «Ангстрем» и «Микрон»;

Декабрь 2016 г.: США ввели санкции против ГРУ и ФСБ за информационные кибердействия;

Июль 2017 г.: предложены новые ограничения в отношении ряда ключевых для отраслей экономики России, Ирана и КНДР по «Закону о противодействии противникам Америки посредством санкций» (HR 3364). К санкционным спискам добавились компании из горнорудной и металлургической промышленности, железнодорожные компании и морские перевозчики. Вместе с тем, ограничительные меры не должны затронуть российско-американское сотрудничество в космосе и деятельность NASA и ряд высокотехнологических проектов, которые полезны бизнесу США.

Мировой опыт и наличие «сложных» отноше-

ний к США ряда развитых и богатых стран мира, включая Германию, Францию, Индию, Китай, Иран, показывает бесперспективность подобных экономических санкций по отношению к России. Это и потому, что Россия входит в первую десятку стран мира по *размерам ВВП* и в тройку стран мира по *размерам национального природного богатства* (территория, морские территориальные воды, месторождения полезных ископаемых, ресурсы флоры и фауны и др.). Кроме того, Россия отличается специфическим нелегальным богатством и криминальной мощью сети организованных преступных группировок (русской мафии), отчасти близких к высшей политической власти.

Однако все эти факторы так или иначе требуют усиления защитной и наступательной мощи спецслужб России и её крупнейших корпораций.

6. Инновационная отсталость России крайне опасна в геополитическом и экономическом отношении

Причины инновационной ослабленности промышленности России (включая «оборонку») весьма многочисленны. Но среди них следует выделить национальные и корпоративные затраты на НИОКР и организационные инновации.

После 2000 г. удельные затраты на сферу НИОКР в России по отношению к ВВП (%) устойчиво в 2-3 раза ниже, чем в промышленно развитых странах мира. В *большинстве стран на 2/3 сфера прикладных (отраслевых) НИОКР финансируется за счет производственных компаний*. Для сравнения: Китай – 2,08 и 0,42; Россия – 1,19 и 0,92. При этом Россия отстает от первой десятки стран по масштабам общего финансирования НИОКР (в % к ВВП) в 2,5-3,5 раза и от Китая в 1,7 раза [15, с. 78-80].

Примечательно число публикаций в развитых странах мира (100%) по естественным и техническим наукам в 2015 г., в % к мировому числу публикаций: США – 27,48; ЕС, всего – 35,47; из стран БРИКС: Китай – 13,83; Индия – 3,58; Бразилия – 2,80; Россия – 2,09 [15, с. 85].

В конце 2015 г. Международная консалтинговая компания «**The Boston Consulting Group**» («**BCG**») представила очередной рейтинг 50 самых инновационных компаний мира. Больше половины компаний в рейтинге из США, 11 – из Европы,

10 – из Азии. Половину компаний из первой десятки представляют компании, не работающие в секторе высоких технологий. При составлении рейтинга исследователи оценивали компании по четырем основным параметрам: 1) способность обеспечить высокую скорость внедрения инноваций; 2) совершенствование ресурсосберегающих процессов в ходе исследовательских работ; 3) максимально эффективное использование технологических платформ; 4) систематическое изучение смежных рынков. «**BCG**» отметила, что **скорость внедрения инноваций** всегда была одним из наиболее *приоритетных факторов* – по сравнению с прошлым годом число респондентов, отметивших важность скорости внедрения новых технологий, выросла на 22% [16].

В недавнем рейтинге «**Economic complexity**», составленном учеными из Гарварда по проекту «*The Atlas of Economic Complexity. Mapping Paths to Prosperity*», в 2012 г. из 125 стран *Россия занимает 47 место с индексом сложности экономики всего 0,36*. Первые же позиции этого рейтинга занимают такие страны, как Япония (2,09), Англия (1,503), Швейцария (1,5), США (1,498), экспортирующие сложные товары. Так, Япония экспортирует автомобили, детали двигателей, электронные интегральные схемы, оборудование и механические приборы, принтеры и копировальные машины [17].

В середине августа 2016 г. в СМИ появилось сообщение, что Россия заняла очень невысокое 43-е место в «**Глобальном инновационном индексе**» (**Global Innovation Index**), поднявшись по сравнению с 2015 годом на пять позиций. Самой инновационной страной в шестой раз подряд признана *Швейцария*. Второе место – Швеция, третье – Великобритания. Далее следуют США, а замыкает пятерку лидеров Финляндия. Из стран бывшего СССР выше всех поднялась Эстония, занявшая 24-е место. Данный «**Global Innovation Index**» в девятый раз подготовили: Корнелльский университет США, французская школа бизнеса INSEAD и Всемирная организация интеллектуальной собственности при ООН. В рейтинге участвуют 128 стран. Данные для него предоставляют Международный союз электросвязи под эгидой ООН, Всемирный банк, а также Всемирный экономический форум [18].

Составление таких рейтингов значимости в мире является не только «научной», но и «полити-

ческой» проблемой. Во-первых, каковы избранные частные оценочные показатели, а во-вторых – кем являются сами оценщики и кому лично в мире они симпатизируют. По ряду причин новой «холодной войны» в США и Евросоюзе сеется *недоверие к России, а ее потенциал часто сознательно занижается*. Здесь цель дезориентации возможных потенциальных иностранных инвесторов в промышленность нашей страны. Невысокие позиции России связаны и с тем, что отечественных ученых редко цитируют в зарубежных научных изданиях, а бизнес в ней зависит от импорта технологий и слабо связан с российскими разработчиками. Около 90% предприятий в РФ не рассматривают инновационную деятельность как экономически важную бизнес-стратегию, что является корпоративным мировым феноменом. С другой стороны, в России наукоёмкая модернизация промышленности имеет сильный *военно-промышленный уклон*, что ограничивает в этой сфере международное сотрудничество и открытую публикационную деятельность.

Пришло время резко усилить научно-техническую и внешнеэкономическую разведку, промышленный шпионаж и специальные операции в целях ускорения развития перспективных секторов промышленности и хозяйства [19].

7. Промышленный шпионаж для модернизации и развития российской промышленности

В промышленном конкурентном мире наукоемкие компании и бизнес-сообщество активно обсуждают не просто *проблему заимствований* (хотя бы и промышленного шпионажа), но построения *конструктивного информационного диалога с тайным участием третьих деловых сторон*. Задача заключается в быстром и теснейшем взаимовыгодном обмене идеями, технологиями, принципами организации бизнеса в отношении общих сторонних конкурентов (пример Китая, Японии и др.). В рамках этой новой парадигмы вопрос о том, какие элементы нововведения разработаны самостоятельно, а какие заимствованы у других, утрачивает смысл – в итоговом результате *инновация и имитация сплетены в нерасторжимое единство*. Что-то научно или технически ценное не всегда надо тщательно хранить, поскольку иногда выгод-

нее это продать на коммерческом рынке, получив, например, в корпоративную собственность часть акций по новому бизнес-проекту [6].

Важно улучшить ситуацию с информированием в России о новинках иностранной науки и технических достижениях. Это относительно затратно для самих научных организаций и вузов, хотя и в несколько раз дешевле, чем финансировать свою сферу НИОКР и «изобретать велосипед».

В послевоенные годы с выходом науки и техники СССР на высший мировой уровень (конечно, секторально и преимущественно для нужд атомной и оборонной промышленности) конкуренты из США решили не учить русский язык для чтения наших научных и технических журналов, а пойти другим путем. Частные издатели создали серию журналов (например, «Journal of general chemistry of the USSR»), где статьи из советских журналов переводились почти в полном объеме. Сначала эти издания шли для чтения на территории США, но уже через 1-2 года львиная доля американского реферативного тиража уходила во Францию, Японию или Индию. В итоге желающие знать, что исследуется и изобретается в СССР, не учили русский, а покупали американские реферативные журналы. В итоге в мировой науке к 70-80 годам стал монополюжно международным научным языком английский язык. В силу такой информационной перестройки отчасти снизилась потребность в технической разведке против СССР, за исключением закрытых работ военного и специального характера [6].

К сожалению, многие научные организации и инновационные университеты России, по причине дороговизны технических реферативных журналов и сайтов ВИНТИ и ВИМИ (оборонная техника и изделия «двойного назначения») вынуждены экономить на такой подписке и подписке на профильные иностранные журналы.

Одним из первых шагов к новой более эффективной научно-технической политике России должно быть воссоздание **Госкомитета по науке и технике Российской Федерации** (по подобию бывшего ГКНТ СССР с учетом имеющейся рыночной специфики экономики). Важно, что одной из негласных функций этой правительственной структуры было содействие научно-технической разведке и промышленному шпионажу со стороны

КГБ СССР. Известный иностранной аналитикой ВНИЦИ (Москва, ул. Флотская, д. 15) был в двойном подчинении ГКНТ и КГБ. В конце 70-х автору удалось посетить этот важный информационный центр. В то время военно-техническая разведка курировалась Военно-промышленной комиссией Совмина СССР. Также большая работа велась по использованию достижений оборонных отраслей промышленности («девятки») в гражданской сфере и реже наоборот.

В отличие от малосерийной военной и специальной техники с узкими нишами сбыта Россия нуждается в рывке в *перспективных гражданских производствах с высокой серийностью* для сбыта товаров на внешнем рынке. Лучший пример такой техники – смартфоны, насыщенные десятками дорогостоящих редких и редкоземельных металлов (тантал, индий, германий, скандий, неодим и др.). Однако более высокие общие затраты на сферу НИОКР в России не решит до конца проблему национальной конкурентоспособности страны. Даже крупные страны включаются в систему международного разделения труда и технологические цепочки, производственные ассоциации для более прибыльного производства товаров и услуг для внутреннего и внешнего рынка.

Порой прибыльный инновационный продукт с высоким внутренним и внешним спросом (например, новые лекарства или технологические материалы) выгоднее производить на имитационной основе. В экономической литературе формируется своя *теория тайных заимствований изобретений и нововведений*, в том числе на основе научно-технической разведки и промышленного шпионажа [12; 13].

В чем может быть суть имитационных нововведений в производственной деятельности? При поиске ответа надо бы учесть ряд особенностей, включая: 1) техническую сложность изделия (и даже товара); 2) военный или гражданский характер производства и особенно его серийность и наличие спроса на рынке; 3) длительность цикла разработки, производства изделия и вывод на коммерческий рынок; 4) систему корпоративной защиты интеллектуальной собственности или научно-технической информации; 5) возможности технологической базы копировщика изделия и др.

История копирования товаров массового потребления и отдельных уникальных изделий

говорит о возможности феномена «высочайшей конкурентоспособности некоторых имитационных решений». Имитации могут быть и дешевле, и эффективней чистых инноваций тогда, когда речь идет о так называемой *творческой имитации*, не просто копирующей, но адаптирующей, совершенствующей, изменяющей исходную идею применительно к новым целям.

Соответственно нельзя пройти мимо *незаконных заимствований* изобретений и нововведений у конкурентов [2; 20]. Конкуренты могут быть отдельными странами, умеющими не только стимулировать техническое творчество, но и их защищать рядом методов, правовых путем содействия патентованию или режимных на основе государственной или коммерческой тайны. Если это правовые методы, то могут быть защитные судебные разбирательства – от судов внутри страны до международных судов, включая ВТО.

Защита созданных научно-технических достижений в крупнейших мировых корпорациях, работающих на объемный и динамичный рынок гражданской продукции, иногда по своему уровню и методам превышает такую защиту в традиционно секретных государственных лабораториях и военно-промышленных корпорациях [6].

Кроме научно-технической стороны возможного успешного бизнеса еще есть *проблема инвестиций и поиска свободных длинных денег*. Последний фактор стал уже «критичным» для развития экономики России и стимулировал для бизнеса целевое привлечение в страну иностранных инвестиций. Для поиска длинных денег в мире часто требуется своя внешняя разведка – экономическая и финансовая.

8. Ведомственная корпоративная внешняя разведка

Для российских управленцев и экономистов федеральных министерств и ведомств пришло время быстрого освоения как общих *защитных приемов*, так и принципов ведения *наступательных специальных операций* в развернувшейся экономической войне США и их союзников с Россией [3; 4; 21]. Часто возможный конкурентный успех в бизнесе требует «асимметричных ответов», в том числе в плане «недобросовестной» конкуренции. У любой войны есть своя идеология и этика, смысл

которых – достичь победы *любыми средствами и оружием борьбы* [22; 23]. Успешный бизнес, особенно крупный и наукоемкий, всегда опирается на «стратегический маркетинг» и «деловую конкурентную разведку».

Для решения важных проблем гражданской промышленности России необходимы не столько «двойные технологии», сколько «тройные технологии» стратегического корпоративного управления в крупном и среднем бизнесе. Такой же рецепт – для государственного аппарата. В частности, требуются совершенно *новые миссии и функции* федеральных министерств, ответственных за развитие науки и техники, промышленности, высшей школы России в опоре на потенциал спецслужб, особенно промышленного и экономического шпионажа [2; 19; 23]. Речь идет о росте внимания к *гражданскому производству*, в чем России особенно сильно отстает от промышленного мира.

В словаре авторитетных аналитиков ФСБ С.В. Лекарева и В.А. Порка «Бизнес и безопасность» дается следующее определение термина «**ведомственная разведка**»: «Специальное подразделение ведомства, функциональными обязанностями которого являются конспиративный сбор за рубежом и в своей стране разведывательными средствами и методами, а также путем использования открытых источников информации, представляющей интерес для ведомства, и осуществление по указанию руководства ведомства секретных мероприятий».

Соответственно, возможная *корпоративная структура внешней разведки*, например, ГК «Росатом» в правовом отношении также может быть квалифицирована как «ведомственная разведка» вне СВР, ФСБ и ГРУ [14].

Для квалифицированной характеристики основных принципов организации в России внешней разведки следует обратиться к базовому федеральному закону «О внешней разведке», который был принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года и подписан Президентом РФ Б.Н. Ельциным 10 января 1996 г. № 5-ФЗ (Собр. зак. РФ, № 3, ст. 143).

Закон РФ имеет пять самостоятельных глав:

1. Общие положения (ст.1-9);
2. Организация деятельности органов внешней разведки (ст.10-16);

3. Правовое положение и социальная защита сотрудников органов внешней разведки и лиц, оказывающих содействие этим органам (ст. 17-23);

4. Контроль и надзор за деятельностью органов внешней разведки (ст. 24 -25);

5. Заключительные положения (ст. 26).

Ст. 2 закона определяет содержание «разведывательной деятельности». Это есть: 1) добывание и обработка информации о затрагивающих жизненно важные интересы Российской Федерации реальных и потенциальных возможностях, действиях, планах и намерениях иностранных государств, организаций и лиц; 2) оказание содействия в реализации мер, осуществляемых государством в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации.

С точки зрения российского экономиста с опытом работы в наукоемком оборонном комплексе и сфере торгово-промышленной политики в условиях присоединения России к ВТО, приведенные определения кажутся весьма неточными в отношении *целей* нашей внешней разведки (см. ст. 5 закона «Цели разведывательной деятельности»). *Внешняя разведка лишь отчасти должна быть ориентирована на обеспечение национальной безопасности и обороны страны*. Ее роль для перехода к «инновационной экономике» и высокоэффективному бизнесу пока недооценивается [23; 24].

В свете приведенных ниже аргументов по реорганизации внешней разведки России следует обратить внимание на *правовое положение* сотрудников внешней разведки (ст. 17 и др.). Уже сама специфика этой государственной службы (в отличие от возможных подразделений промышленного шпионажа крупных объединений и предприятий – при этом суть наименования таких подразделений как ОНТИ, служба маркетинга и др. не имеет существенного значений) выражается в том, что сотрудники внешней разведки России являются в основном «*военнослужащими*».

В стратегии развития внешней конкурентной разведки (т.е. не политической или военной) есть реально два направления деятельности: 1) *государственное*, близкое к фундаментальной науке и военно-промышленной сфере, где критерии прибыльности работ практически не применяются, которое координируется СВР России; 2) *коммерче-*

ское, реализуемое самими наукоемкими компаниями (также вне секретного ВПК и ориентированное на прорывные прикладные НИОКР и использование в гражданской сфере (новые наукоёмкие товары для личного и семейного потребления, особенно автомобили, средства связи, информационные технологии, фармацевтика, биотехнологии и др.). В последнем случае возникает необходимость создания структур деловой конкурентной разведки при крупных научных организациях и производственных компаниях.

Аналитики, работающие в области внешней разведки, утверждают, что из газет, журналов, докладов зарубежных мозговых трестов, материалов научных конференций и других открытых источников, включая научные форумы Интернета, можно получить почти все сведения, необходимые для обобщения и представления полной картины о событиях, происходящих в зарубежных странах в различных областях, начиная с политики и заканчивая военным производством. Много ценной информации дает обработка научных и узкопрофессиональных микроблогов **Twitter** и **Facebook** [4; 25].

Такие новые «шпионские бизнес-стратегии» России повышают требования к **специальной подготовке** работников в сфере управления, науки и промышленности. При этом некоторые работники (с допуском к гостайне) вправе знать *все новейшие особенности организации и информационных технологий современной внешней разведки*, в том числе ведущейся потенциальными частными конкурентами и привлеченными хакерами [3; 14; 22]. Эти новые задачи противостояния конкурентам в военно-промышленном и гражданском секторе экономики России требуют ряда реформ, включая многоуровневую и многоканальную интеграцию действующих хозяйственных субъектов с ФСБ, СВР и ГРУ.

Рекомендации

1. Такие крупные специализированные корпорации как «Росатом», «Роснефть», «Ростех» и др. должны бы получить право на создание и деятельность своих служб внешней разведки, но их организация относится к сведениям, не подлежащим оглашению в открытых СМИ (более того, необходима дезинформация потенциальных партнеров и конкурентов).

2. Речь может идти о возможном переходе системы внешней разведки России к облику «зонтичной организационной структуры» (есть «центр» и есть «координируемые подразделения» в ряде важнейших федеральных министерств (отраслей или комплексов). В целом роль государства в части активизации внешнеэкономической разведки должна быть резко повышена. Упомянутая «зонтичная организационная структура» также должна бы охватить крупнейшие компании России с их подразделениями конкурентной разведки.

3. Назрела сетевая интеграция ряда крупных компаний России и ведущих инновационных университетов со структурами внешней разведки, где головным ведомством является Служба внешней разведки РФ (СВР), а координируемыми – ФСБ и ГРУ Минобороны.

4. Перестройка научно-технической и внешнеэкономической разведки нужна в интересах развития промышленного потенциала крупного и среднего бизнеса, а также поддержки малого наукоемкого бизнеса. Однако это лишь начальный этап «инновационной работы».

5. Далее от стадии внешней разведки и уточнения целей развития экономики России требуется переход к специальным операциям в сфере бизнеса, которые в сфере задач ФСБ, СВР, ГРУ и МВД.

6. России нужны нового типа кадры инженеров, ученых, преподавателей высшей школы, аспирантов и стажеров, понимающих «двойные технологии», включая организацию специальных экономических и внешнеторговых операций. Необходимо использование в научной и преподавательской работе служебной информации и документации, в том числе с грифами секретности.

Список литературы

1. Блейк Дж. Иного выбора нет. / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1991. – 320 с.
2. Бобылов Ю. А. Специальные операции и технологическая модернизация России. – LAP LAMBERT Academic Publishing, Саарбрюккен, 2016. – 684 с.
3. Колобов А. О. Специальные операции в мировой политике (Механизм выработки и особенности осуществления на государственном и международном уровнях): Дис. канд. полит. наук: 23.00.04. – Н. Новгород, 2005. – 24 с.

4. Шавяев А. Г., Лекарев С. В. Разведка и контрразведка. Фрагменты мирового опыта и теории. – М.: Издательская группа «БДЦ-пресс», 2003. – 544 с.
5. Киреев Ю. К. Спецслужбы мира в афоризмах, высказываниях, изречениях, 2-е изд. – М.: Кучково поле, 2015. – 384 с.
6. Бобылов Ю. А. Россия может преодолеть глубокий научно-технический кризис, кардинально реорганизовав Минобрнауки РФ // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2016. – № 3(15). – с. 93-102.
7. Ларина Е., Овчинский В. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. – М.: Книжный мир, 2014. – 352 с.
8. Елена Черненко. Наш век пройдет под знаком новой Большой игры / Коммерсантъ, 04.08.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2781713>
9. Бобылов Ю. А. Господин инженер-шпион-ученый // Атомная стратегия XXI. – 2012. – № 72. – С. 34-35.
10. Блог Юрия Пронько. Перельман «четвертой степени или сотни тысяч россиян попрощались с Родиной по-английски! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/blogs/posts/perelman-chetvertoy-stepeni-ili-sotni-tysyach-rossiyan-poproshhalis-s-rodinoy-poangliyski.html>
11. Сотрудники каждой второй российской компании крадут данные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/05/17/641362-sotrudniki-kazhdoi-vtoroi>
12. Козиков А. А. Имитационные стратегии развития бизнеса // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2012. – № 1. – С. 78-93.
13. Козиков А. А. Применение опыт творческой имитации как стратегия российских предприятий // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2013. – № 1 – С. 107-121.
14. Бобылов Ю. А. О внешней корпоративной разведке ГК «Росатом» // Атомная стратегия XXI. – 2016. – № 118. – С. 21-26.
15. Наука, технологии и инновации России. 2015: крат. стат. сб. – М.: ИПРАН РАН, НАУКА, 2016. – 108 с.
16. Инновациям все отрасли покорны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2867406>
17. Страна без производства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/growth/2015/02/19_a_6418757.shtml
18. Россия заняла 43-е место в Глобальном инновационном индексе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/finance/16aug2016/giiru43d.html>
19. Бобылов Ю. А. Экономические войны в свете экономической теории // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2015. – № 2 (74). – С. 104-116.
20. Бабец О. А. Опыт военной разведки на службе в коммерческой фирме. – Минск: ХАРВЕСТ, 2003. – 336 с.
21. Курилло В. Е. Латентная политика. Политическая латентология: учебное пособие. – М.: «Спутник», 2013. – 724 с.
22. Мелтон К. Искусство шпионажа: Тайная история спецтехники ЦРУ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 470 с.
23. Бобылов Ю. А. Ведомственная внешнеэкономическая разведка Минэкономразвития России как новая национальная спецслужба: некоторые аргументы «за» и «против» // Мир и безопасность. – 2002. – № 2. – С. 16-22.
24. Бобылов Ю. А. Экспортно-ориентированные инновационные промышленные прорывы России по стратегиям гибридных войн // Информационные войны. – 2015. – № 1. – С. 55-63.
25. Роговский Е. А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. – М.: Международные отношения, 2014. – 848 с.

Статья поступила в редакцию 21 сентября 2017 г.

УДК 343.9.01

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ –ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Наркоситуация в СНГ остается сложной. Продолжается процесс трансформации структуры наркорынка. Просматривается тенденция замещения наркотиков из растительного сырья новыми психоактивными веществами (соли, миксы, дизайнерские наркотики, спайсы и т.п.). Распространение наркомании и наркобизнеса влечет за собой целый комплекс проблем, затрагивающих политические, экономические, социальные и культурные интересы любой страны, служит финансовой базой для многих тяжких преступных проявлений. В этой связи важными целями межгосударственного взаимодействия являются нейтрализация основных каналов поставки наркотиков в СНГ и совершенствование правового регулирования указанной деятельности, чему руководством стран СНГ придается большое значение.

Ключевые слова: стратегия борьбы с наркопреступностью; национальная безопасность; профилактика преступности; СНГ; наркобизнес; межгосударственное сотрудничество.

KOBETS P. N.

IMPROVING THE FIGHT AGAINST ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS IN THE TERRITORY OF STATES – PARTICIPANTS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES IS ONE OF THE CONDITIONS OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

ABSTRACT

The drug situation in the CIS, remains difficult. Continues the process of transformation of the structure of the drug market. There is a tendency of substitution of drugs from vegetable raw materials of new psychoactive substances (salts, mixes, designer drugs, spice, etc.). The spread of drug abuse and drug trafficking entails a set of problems concerning the political, economic, social and cultural interests of any country, serves as a financial base for many serious criminal acts. In this regard, an important purpose of interstate cooperation are the neutralization of the basic Kahn-lov supply of drugs in the CIS, to combat illegal trafficking and the improvement of legal regulation of these activities, what the leadership of the CIS countries is important.

Keywords: strategy to combat drug crime; national security; crime prevention; the CIS; drug trafficking; interstate cooperation.

Наркопреступность, как антиобщественное и сильно распространенное явление, находится в центре внимания всего мирового сообщества. Под угрозой находятся, как сами государства, так и их экономика, а также общество. Наркопреступность воздействует, в первую очередь, на здоровье молодого поколения и представляет собой серьезную угрозу физической, психической, духовной, интеллектуальной, генетической и репродуктивной безопасности человечества [1, с. 149].

В настоящее время, несмотря на имеющиеся положительные результаты взаимодействия в рамках СМВД СНГ в обеспечении правопорядка и борьбе с преступностью, продолжает оставаться ряд нерешенных вопросов и проблем, над которыми необходимо продолжать работу. Общие для стран-

участниц СНГ проблемы борьбы с преступностью определяют необходимость их всесторонней разработки. В числе такой проблемы наиболее актуальной является борьба с наркопреступностью [2, с. 155].

По данным последних исследований, мировая ситуация с производством и потреблением наркотиков, а также их воздействия на здоровье человека существенно не изменилась. Разнообразие и богатый криминальный опыт организованных преступных группировок, как в прошлом, так и в настоящем, бросают серьезные вызовы правоохранительным органам. Между тем, было зафиксировано увеличение числа лиц, принимающих наркотические средства группы каннабиса и нуждающихся в лечении. Результаты исследований выводят на мысль, что для здоровья человека

каннабис является более опасным, чем это было раньше [3, с. 11].

Результатом тесного сотрудничества в рамках Содружества в области проведения согласованной антинаркотической политики стало принятие ряда межгосударственных документов, направленных на борьбу с наркоманией и наркопреступностью.

Несмотря на предпринимаемые меры, наркоситуация в странах Содружества, как и в мире, остается сложной. Этому способствуют некоторые причины и условия: невысокая эффективность антинаркотической пропаганды, особенно в сфере профилактической работы с детьми, подростками и молодежью, транснациональная деятельность организованной наркопреступности, регулярно возникающие новые виды наркотических средств и способов совершения преступлений. Стремительному увеличению числа психоактивных веществ способствует их небольшая стоимость. Указанные обстоятельства затрудняют их оперативное выявление и включение в список запрещенных веществ [4, с. 203].

Во Всемирном докладе о наркотиках УНП ООН за 2015 год также отмечено сокращение объемов оборота героина в ключевых странах, через которые проходит «Северный маршрут». Это подтверждается беспрецедентно крупными изъятиями героина в Армении, Грузии, Азербайджане и Иране. Только за последние два года в указанных странах изъято около 4 тонн героина. Эти процессы были подтверждены данными спецслужб Афганистана, которыми внутри страны на данном направлении изымается не более 8% наркотиков опийной группы от общего количества. Подобное положение отмечается и в настоящее время и имеет тенденцию к дальнейшему развитию.

Совместная деятельность противодействия наркопреступности предопределила важность принятия мер противодействия глобальным криминальным угрозам, одной из которых является незаконное производство наркотических средств. Наркобизнес влечет за собой целый комплекс проблем, затрагивающих политические, экономические, социальные и культурные интересы любой страны, служит финансовой опорой для многих тяжких преступных проявлений. В этой связи важными целями межгосударственного взаимодействия являются нейтрализация основных каналов поставки наркотиков в СНГ и совершенствование

правового регулирования указанной деятельности, чему руководством стран СНГ придается большое значение [5, с. 130].

Результатом тесного взаимодействия в рамках СНГ в области проведения согласованной антинаркотической политики стало принятие ряда межгосударственных документов, направленных на борьбу с наркоманией и наркопреступностью. Тем не менее, несмотря на предпринимаемые меры, наркоситуация в странах Содружества, как и в мире, остается сложной. В виду следующих причин и условий: невысокая эффективность антинаркотической пропаганды, особенно в сфере предупредительной работы с несовершеннолетними и молодежью, транснациональная деятельность организованной наркопреступности, появление новых видов наркотических средств и способов совершения преступлений.

На сегодняшний день опасность также продолжает процесс трансформации видовой структуры рынка наркотиков в СНГ. Просматривается тенденция замещения «традиционных» наркотиков растительного происхождения новыми психоактивными веществами (соли, миксы, дизайнерские наркотики, спайсы и т.п.). Стремительному увеличению числа психоактивных веществ способствуют относительная легкость их изготовления и невысокая стоимость. Указанные обстоятельства затрудняют их оперативное выявление и включение в список запрещенных веществ [6, с. 96].

В последнее десятилетие эти вещества все чаще распространяются через сеть Интернет, становясь серьезной угрозой общественной безопасности и здоровью населения. С учетом складывающейся наркоситуации и тенденций наркопреступности перед странами СНГ, как и мировым сообществом в целом, стоит важная проблема по сокращению уровня наркомании, снижению количества наркопотребителей.

С учетом складывающейся наркоситуации и тенденций наркопреступности перед странами СНГ стоит непростая задача по сокращению уровня наркомании, снижению количества наркопотребителей. Всего в странах СНГ в 2016 г. зарегистрировано 225 363 преступлений, связанных с наркотиками, что на 16,1% ниже показателя 2015 г. – 261 651 преступление (табл. 1) Статистические показатели приводятся без учета данных Туркменистана и Украины.

В 2016 г. в странах СНГ наблюдалось снижение числа зарегистрированных наркопреступлений: в Республике Беларусь – на 12,3%, в Кыргызской Республике – на 6,7%, в Республике Молдова – на 3,2%, в Российской Федерации – на 15,1%, в Республике Узбекистан – на 0,3%. При этом наблюдался небольшой рост в Азербайджанской Республике – на 20,9%, в Республике Армения – на 3,7%, в Республике Казахстан – на 3,9%, в Республике Таджикистан – на 18%. В 2016 г. в государствах СНГ общее число тяжких и особо тяжких преступлений в рассматриваемой сфере

снизилось на 20,8% и составило 154 554 факта (в 2015 г. – 186 816), что повторяет общую тенденцию снижения количества преступлений в данной сфере (табл. 2). А их удельный вес в общей массе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составляет 71,4%.

Количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и совершенных в составе организованных групп и преступных сообществ (далее – ОГ и ПС), на территории государств – участников СНГ в 2016 г. снизилось на 12,7% и составило 4 971 факт (табл. 3).

Таблица 1.

Количество преступлений, зарегистрированных в сфере незаконного оборота наркотиков на территории государств – участников СНГ в 2014–2016 гг.

годы	Азербайджанская Республика	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Республика Молдова	Российская Федерация	Республика Таджикистан	Республика Узбекистан
2014	3 228	1 046	7 356	3 552	1 955	1 248	254 730	830	6 081
2015	3 156	971	7 368	3 513	1 864	1 191	236 939	811	5 910
2016	3 389	1 008	6 374	3 657	1 738	1 153	201 165	989	5 890

Таблица 2.

Количество тяжких и особо тяжких преступлений, зарегистрированных в сфере незаконного оборота наркотиков на территории государств – участников СНГ в 2014–2016 гг.

годы	Азербайджанская Республика	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Республика Молдова	Российская Федерация	Республика Таджикистан	Республика Узбекистан
2014	630	564	2 835	3 134	–	272	190 542	–	–
2015	678	485	3 356	3 247	–	282	175 778	–	–
2016	641	570	2 940	3 359	–	290	144 104	–	–

Таблица 3.

Количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных в составе ОГ и ПС на территории государств – участников СНГ в 2014–2016 гг.

№ п/п	Страна Содружества	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1	Азербайджанская Республика	–	2	0
2	Республика Армения	11	0	10
3	Республика Беларусь	8	109	140
4	Республика Казахстан	38	10	16
5	Кыргызская Республика	–	–	–
6	Республика Молдова	–	44	22
7	Российская Федерация	4 165	5 063	4 318
8	Республика Таджикистан	–	–	–
9	Республика Узбекистан	593	426	465
Всего:		4 815	4 971	

В 2016 г., по сравнению с 2015 г., количество зарегистрированных преступлений, связанных с контрабандой наркотиков, уменьшилось на 45,5% и составило 1 218 преступлений (в 2014 г. – 2 870; в 2015 г. – 1 772). В 2016 г. больше всего фактов контрабанды выявлено в Азербайджанской Республике – 162, в Республике Казахстан – 260, в Российской Федерации – 1 036, в Республике Узбекистан – 134 (табл. 4).

Количество зарегистрированных преступлений, связанных со сбытом наркотиков, в 2016 г. составило 108 160 (в 2014 г. – 136 238; в 2015 г. – 128 993), что свидетельствует о снижении количества указанных преступлений на 19,3% по сравнению с 2015 г. (табл. 5).

В 2016 г. общее количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (табл. 6) в государствах – участниках СНГ составило

127 982 чел. (в 2014 г. – 139 890 чел. (+1,5%); в 2015 г. 142 424 чел. (–11,1%).

Как мы видим из таблицы количество несовершеннолетних, привлеченных в 2016 г. к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, снизилось во всех государствах – участниках СНГ на 24,7%, за исключением Республики Таджикистан, и составило в целом государствам СНГ 3 043 чел. (в 2014 г. – 3 628 чел., (+4,6%); в 2015 г. – 3 795 чел. (+4,6%).

В отношении женщин, привлеченных к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, единой тенденции не прослеживается. Однако общее количество привлеченных за совершение указанных преступлений женщин на территории стран Содружества в 2016 г. снизилось на 15,36% и составило 10 987 чел. (в 2014 г. – 12 931 чел.; в 2015 г. – 12 675 чел.).

Таблица 4

Количество зарегистрированных преступлений, связанных с контрабандой наркотиков, совершенных на территории государств – участников СНГ в 2015–2016 гг.

№ п/п	Страна Содружества	2015 г.	2016 г.
1	Азербайджанская Республика	209	162
2	Республика Армения	39	39
3	Республика Беларусь	40	65
4	Республика Казахстан	250	260
5	Кыргызская Республика	29	27
6	Республика Молдова	2	6
7	Российская Федерация	1 660	1 036
8	Республика Таджикистан	–	–
9	Республика Узбекистан	181	134
Всего:	2 429	1 729	

Таблица 5

Количество зарегистрированных преступлений, связанных со сбытом наркотиков на территории государств – участников СНГ в 2014–2016 гг.

№ п/п	Страна Содружества	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1	Азербайджанская Республика	931	916	888
2	Республика Армения	571	489	527
3	Республика Беларусь	2 805	3 266	2 798
4	Республика Казахстан	2 066	2 160	2 213
5	Кыргызская Республика	543	525	471
6	Республика Молдова	226	255	229
7	Российская Федерация	126 233	118 521	99 052
8	Республика Таджикистан	–	–	–
9	Республика Узбекистан	2 863	2 807	1 982
Всего:	136 238	128 939	108 160	

Таблица 6

Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенные на территории государств – участников СНГ в 2014–2016 гг.

№ п/п	Страна Содружества	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1	Азербайджанская Республика	2 505	2 521	2 573
2	Республика Армения	539	515	464
3	Республика Беларусь	3 756	4 028	3 383
4	Республика Казахстан	2 109	5 882	5 660
5	Кыргызская Республика	1 336	1 906	1 840
6	Республика Молдова	778	745	734
7	Российская Федерация	123 300	121 557	108 258
8	Республика Таджикистан	1 076	851	516
9	Республика Узбекистан	4 491	4 419	4 554
Всего:	139 890	142 424	127 982	

Следует отметить значительное снижение в 2016 г. по странам Содружества количества изъятых из незаконного оборота наркотиков, общий объем которых составил 84 533,777 кг. При этом среди изъятых преобладают наркотики каннабисной группы.

В целом в государствах СНГ в 2016 г. на учете в связи с немедицинским потреблением наркотиков состояли 62 927 чел. (в 2015 г. – 79 076 чел.; в 2014 г. – 92 746 чел.).

Изучение проблематики борьбы с наркопреступностью в СНГ в 2016 г., дает возможность охарактеризовать ее следующим образом: на лицо тенденция снижения количества зарегистрированных фактов наркопреступлений; прослеживание общего снижения наркопреступлений, связанных с контрабандой.

Взаимодействие МВД (Полиции) государств СНГ в сфере борьбы с наркопреступностью невозможно без научного, информационно-аналитического обеспечения. Невзирая на ряд сложных геополитических процессов, вооруженных конфликтов вблизи границ стран СНГ, активизации различного рода экстремистских формирований, принимаемые органами внутренних дел государств СНГ меры, позволили обеспечить контроль над наркоситуацией.

Среди важных мер борьбы с наркопреступностью в странах СНГ следует отметить: концентрацию усилий по снижению ввоза наркотических средств из Исламской Республики Афганистан; дальнейшее развитие оперативно-профилакти-

ческих мероприятий, проводимых совместно; реализацию комплекса мер по реабилитации и ресоциализации наркозависимых людей [7, с. 62].

Для улучшения результатов совместной деятельности в противодействии наркопреступности предлагаем следующее: своевременно информировать о готовящихся или совершённых преступлениях, с указанием обстоятельств задержания, количества и вида изъятых наркотиков, источника приобретения наркотиков, соучастников преступления и каналов транспортировки. Продолжить практиковать совместное проведение мероприятий «Контролируемая поставка» в целях выявления наркогруппировок.

В целях изучения наркоситуации, обмена опытом и активизации противодействия наркопреступности продолжить работу по обмену делегациями. Продолжить практику проведения совместных мероприятий «Канал» с целью обнаружения и ликвидации каналов незаконной поставки и оборота наркотиков.

Организовать предметное обсуждение проблем перевозки наркотиков по «Северному маршруту» с участием всех заинтересованных государств и выработке механизма сотрудничества с учетом новых тенденций и вызовов развитию наркоситуации.

В целом изучение наркоситуации и результатов борьбы с наркопреступностью в странах Содружества свидетельствует о необходимости продолжения консолидации усилий и совершенствовании сотрудничества.

Список литературы

1. *Кобец П. Н.* Совершенствование законодательства в сфере предупреждения незаконного оборота наркотиков, распространяемого бесконтактным способом // Проблемы внедрения результатов инновационных разработок: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (21 сентября 2017 г., г. Стерлитамак). – Стерлитамак: АМИ, 2017. С.148-150.
2. *Кобец П. Н.* Причины наркотизации современного российского общества // Информация как двигатель научного прогресса: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (11 сентября 2017 г., г. Казань). – Стерлитамак: АМИ, 2017. С.154-156.
3. *Кобец П. Н., Кушнирык В. В., Прохорцев И. А.* О результатах борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействия наркомании на территории государств – участников СНГ в 2016 году: аналитический обзор. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2017 – 58 с.
4. *Кобец П. Н.* Краткая анализ наркоситуации, сложившейся на территории государств-участников содружества независимых государств, и основные направления противодействия незаконному обороту наркотиков в странах Содружества // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., 4–6 апреля 2017 г. / сост. Тарасов В.А. – Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИИ России, 2017. – 344 с. С. 203-205.
5. *Кобец П. Н.* Факторы, способствующие распространению наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети Интернет // Роль и место информационных технологий в современной науке: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (01 сентября 2017 г., г. Уфа). – Стерлитамак: АМИ, 2017. С.129-132.
6. *Кобец П. Н.* Анализ состояния наркопреступности и мер по реализации антинаркотической уголовной политики в Российской Федерации // Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях: сборник статей Международной научно-практической конференции (3 мая 2017 г., г. Казань). В 3 ч. Ч.3 /-Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2017. С. 96-97.
7. *Кобец П. Н.* Укрепление международной системы контроля над незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Современное состояние и перспективы развития российского и международного законодательства: сборник статей международной научно-практической конференции (10 февраля 2016 г. Уфа). – Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С.61-63.

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2017 г.

УДК 347
ББК 67.9(4Укр)304.8

СИМАНОВИЧ ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИМИЧЕСКОМУ ТЕРРОРИЗМУ

АННОТАЦИЯ

В статье обозначается актуальность проблемы предотвращения возможных актов химического терроризма, угроза которых многократно возросла в свете применения боевиками ИГИЛ и иными террористическими группировками по всему миру токсичных промышленных химикатов и боевых отравляющих веществ. Делается акцент на общемировом масштабе данной проблемы, указываются действующие сегодня международные документы, направленные на борьбу с ней. Рассматривается предложенный Россией к обсуждению проект международной конвенции по борьбе с актами химического терроризма, приводятся его основные положения. В проекте особо подчеркивается, что российская инициатива направлена на решение задачи борьбы с химическим терроризмом по всему миру в рамках долгосрочного международного сотрудничества. В качестве правового обоснования инициативы описываются существующие пробелы в международном праве, требующие активной работы по их устранению в целях организации эффективной борьбы с международным химическим терроризмом. Приводятся предложения по устранению в рамках международного сотрудничества имеющихся недоработок.

Ключевые слова: химический терроризм; угроза; безопасность; предупреждение; борьба; международное сотрудничество.

SIMANOVICH L. N.

INTERNATIONAL ASPECTS OF COUNTERING CHEMICAL TERRORISM

ABSTRACT

The article indicates the urgency of the problem of prevention of possible acts of chemical terrorism, the threat of which has increased manifold in the light of the use by ISIS and other terrorist groups around the world toxic industrial chemicals and chemical warfare agents. The emphasis is on the global scope of the problem, identifies current international instruments designed to combat it. Considered proposed by Russia to discuss the draft international Convention for the suppression of acts of chemical terrorism, are his main points. The project emphasizes that the Russian initiative aimed at solving the tasks of combating chemical terrorism throughout the world under long-term international cooperation. As the legal justification of the initiative describes the existing gaps in international law that requires active work to eliminate them in order to organize an effective fight against international chemical terrorism. Provides suggestions for elimination in the framework of international cooperation existing gaps.

Keywords: chemical terrorism; threat; security; warning; struggle; international cooperation.

В последние годы актуальность проблемы предотвращения возможных актов химического терроризма многократно возросла в свете применения боевиками ИГИЛ и иными бесчисленными террористическими группировками на Ближнем Востоке и по всему миру как токсичных промышленных химикатов, так и боевых отравляющих веществ. В средства массовой информации постоянно просачиваются сведения о возможном доступе террористических группировок к технологиям и инфраструктуре, которые возможно использовать для создания химического оружия, причем в промышленных масштабах. Подобная деятельность боевиков уже приобрела масштабный характер, не ограничивающийся охватом территорий отдельных государств. Химический терроризм уже стал реальностью, способной затронуть любое государство и

требующей от мирового сообщества решительных и оперативных действий на основе четко определенных и всеобъемлющих международных норм [2].

В свете подобных реалий современного мира, Россией предложен к обсуждению проект международной конвенции по борьбе с актами химического терроризма, на основных положениях которого мы остановимся в данной статье.

В проекте особо подчеркивается, что российская инициатива направлена на решение задачи борьбы с химическим терроризмом по всему миру в рамках долгосрочного международного сотрудничества и не является панацеей для решения сиюминутных задач.

В качестве правового обоснования инициативы приводятся существенные пробелы в международном праве, требующие активной работы по их

устранению в целях организации эффективной борьбы с международным химическим терроризмом [13]:

1. До сих пор отсутствуют убедительные нормы международного права, которые бы напрямую запрещали использование химического оружия субъектами, не относящимися к государствам, а также нормы, которые бы давали однозначную квалификацию таким действиям как международным преступлениям.

2. Неоправданно ограниченный набор обязательств по обеспечению уголовного преследования террористов и их пособников, изложенный в Конвенции о запрещении химического оружия, перестал отвечать требованиям времени и современным стандартам борьбы с терроризмом.

Данные положения ранее отмечались в периоды дискуссий в рамках международной Рабочей группы по борьбе с терроризмом. В частности, поднимался вопрос о том, что вышеупомянутая Конвенция налагает на страны-участницы ограничения по разработке, производству и приобретению химического оружия, однако не распространяет ее на иные страны. То же самое касается и требований к неприменению химических вооружений ни при каких обстоятельствах.

Налицо основной изъян – отсутствие запрета на получение доступа и последующего применения химического оружия для негосударственных субъектов и ответственности для них. Лишь опосредованно страны-участницы данной Конвенции обязаны вводить уголовную ответственность за подобную деятельность на своей территории для любых субъектов.

Недавние события четко дают понять и тот факт, что террористическими группировками зачастую используются в качестве химического оружия токсичные химикаты бытового и промышленного назначения, от чего сегодня не застрахована ни одна страна мира [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Отсюда вытекает проблема неразработанности правовой базы, которой бы регламентировался оборот подобных веществ, что порождает отсутствие должного контроля в данной сфере. Сегодня нам уже известны примеры изготовления подобных соединений кустарным способом и применения их в качестве химического оружия со стороны террористических группировок на Ближнем Востоке.

В качестве отдельной проблемы стоит обозначить, что международное взаимодействие по проблеме борьбы с химическим терроризмом сегодня ограничено определенным перечнем государств, тогда как все более актуальными становятся непрофильные контакты в данном вопросе.

Конвенция о запрещении химического оружия также имеет ряд узких мест, которые сложно было предусмотреть в момент ее принятия. Речь идет, например, о часто имеющих место ситуациях, когда государство-участник владеет, либо завладело химическим оружием и необходимо предотвратить его попадание в руки террористов или негосударственных субъектов, которые могут оказать им пособничество. Также есть примеры того, когда государства готовы поставить свое химическое оружие под международный контроль для предотвращения его захвата террористами, что также требует нормативного урегулирования [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Наконец, Конвенция не дает ясного ответа на вопрос, что делать с химическим оружием, изъятым у террористов. Международное сообщество с учетом уже полученного опыта должно создать практичные и эффективные механизмы сотрудничества для решения этих вопросов.

По мнению российской стороны, в долгосрочной перспективе вариант внесения изменений в существующую Конвенцию о запрещении химического оружия в целях устранения выявленных пробелов не является оптимальным, поскольку предусмотрен крайне сложный механизм их принятия. Например, только для созыва Конференции по рассмотрению поправок требуется поддержка 64 государств-участников. Для принятия любой поправки необходимо согласие 97 участников при условии, что ни одно из государств не проголосовало против, а для вступления в силу – принятие или ратификация всеми, проголосовавшими за поправки [1]. Для преодоления данного барьера наша страна предлагает создать отдельный юридически-обязывающий инструмент в рамках существующей Конвенции.

Отдельно наша страна напоминает о том, что современное международное гуманитарное право, как правило, применяется только в ситуации вооруженного конфликта и содержит множество ограничений в части определения круга негосударственных субъектов, на которые оно может распространяться,

что исключает его применение в борьбе с огромным количеством террористических группировок [14].

Римский статут Международного уголовного суда (МУС), рассматривающий в качестве военного преступления «применение удушающих, ядовитых или других газов и любых аналогичных жидкостей, материалов или средств», не ратифицирован 69 государствами-участниками КЗХО. Содержащиеся в нем нормы нельзя рассматривать как универсальные. Кроме того, он применяется только в ситуации международного вооруженного конфликта; Кампальская поправка, распространяющая юрисдикцию МУС на внутренние конфликты, ратифицирована всего лишь 30 государствами, но даже для этих стран нормы Римского статута не применяются к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, не являющимся вооруженным конфликтом [2].

Вне всякого сомнения, важнейшим и универсальным инструментом в решении проблемы нераспространения химического оружия является резолюция Совета Безопасности ООН № 1540. В ней затрагиваются вопросы незаконного перемещения химических материалов и средств их доставки, однако, она ориентируется на применение лишь национальных мер к недопущению попадания химического оружия или его компонентов в руки террористов. Ее общие положения сводятся к тому, что государства не должны оказывать помощь негосударственным субъектам в получении доступа к химическому оружию и средствам его доставки, иметь эффективные законы, предотвращающие получение негосударственными субъектами химического оружия и средств его доставки, а также располагать эффективным внутренним контролем за химическим оружием, средствами его доставки и относящимися к ним материалам [3].

Проблемные места такого подхода очевидны:

- в контексте резолюции обозначается необходимость из всех негосударственных субъектов выделить наиболее опасных – террористов, в руках которых имеется химическое оружие и его помощью может быть нанесен реальный ущерб;
- резолюция не охватывает всех особенностей современной ситуации, складывающейся в связи с попытками террористов заполу-

чить такие вооружения и производственные мощности для их создания.

Логично предположить, что разработка новой конвенции помогла бы восполнить обозначенные пробелы в международном праве в области борьбы с химическим терроризмом и включить в сферу своего охвата кроме химического оружия также опасные и токсичные химические вещества, выходящие на сегодняшний день за рамки международных резолюций.

Список литературы

1. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении (заключена в Париже 13.01.1993).
2. Пояснительная записка к проекту международной конвенции по борьбе с актами химического терроризма, 2016 // СПС КонсультантПлюс.
3. Резолюция № 1540, принятая Советом Безопасности ООН 28 апреля 2004 года.
4. Андреев В. Г. Экологическая война как техногенная экологическая катастрофа // Военная мысль. – 1999. – № 4.
5. Военная Доктрина Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации 25.12.2014 №Пр-2976).
6. Методические рекомендации МР 0100/3556-04-34 «Взаимодействие органов управления, учреждений и специализированных формирований при ликвидации последствий террористических актов с применением патогенных биологических агентов и опасных химических веществ» (утв. Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Главным государственным санитарным врачом 23 декабря 2004 г.).
7. Методические рекомендации от 28 декабря 2012 г. № 2510/13132-01-34 «Организация медико-санитарного обеспечения при террористических актах с использованием опасных химических и отравляющих веществ» (утв. Минздравом РФ 28 декабря 2001 г.).
8. Письмо Главного управления исполнения наказаний Минюста РФ от 8 ноября 2001 г. № 18/29-394 «О мерах по обеспечению противодействия биологическому и химическому терроризму».

9. Письмо Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 6 марта 2012 г. № 14-8/10/2-2096 «О направлении приказа для использования при создании запаса антидотов в составе резерва медицинского имущества для ликвидации медико-санитарных последствий чрезвычайных ситуаций, в том числе террористических актов с использованием опасных химических веществ, и в составе неснижаемого запаса медицинских организаций».

10. Письмо Минобразования РФ от 15 октября 2011 г. № 42-15/42-11 «О проведении учебных занятий по вопросам противодействия химическому и биологическому терроризму».

11. Постановление Главы Администрации Киреевского района от 1 ноября 2001 г. № 963

«О мерах по обеспечению противодействия биологическому и химическому терроризму на территории м.о. «Киреевский район».

12. Распоряжение Главы администрации г. Липецка от 11 декабря 2014 г. № 1515-р «О мерах по обеспечению противодействия биологическому и химическому терроризму».

13. Распоряжение Главы администрации Липецкой области от 2 ноября 2015 г. №901-р «О мерах по обеспечению противодействия биологическому и химическому терроризму».

14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683).

Статья поступила в редакцию 15 октября 2017 г.

МАТВЕЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ МЧС РОССИИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ

АННОТАЦИЯ

Целью исследования, представленного в рамках данной статьи, является определение путей решения задачи по стратегическому планированию и размещению сил и средств МЧС России при создании системы комплексной безопасности в Арктической зоне в условиях ресурсных ограничений. Представлены основные принципы и организационная схема стратегического планирования, алгоритм принятия решений по определению состава сил и средств Арктических комплексных аварийно-спасательных центров.

Ключевые слова: стратегическое планирование; силы и средства; чрезвычайные ситуации; риски; система безопасности; Арктическая зона; Арктические комплексные аварийно-спасательные центры; моделирование; оптимизация.

MATVEEV A. V.

THE STRATEGIC PLANNING OF FORCES AND EQUIPMENT OF THE EMERCOM OF RUSSIA IN THE ARCTIC ZONE

ABSTRACT

The purpose of the research is to determine the ways of solving the problem of strategic planning and deployment of the forces and means of the Ministry of Emergencies of Russia in creating a system of integrated security in the Arctic zone in conditions of the resource limitation. The main principles and organizational scheme of strategic planning, the decision-making algorithm for determining the quantity of forces and the equipment of the Arctic Integrated Emergency Rescue Centers are presented.

Keywords: strategic planning; forces and equipment; emergencies; risks; safety system; the Arctic zone; the Arctic Integrated Emergency Rescue Centers; modeling; optimization.

Введение

Развитие Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) – самый сложный и ответственный мегапроект последних лет. Его реализация требует применения огромных ресурсов, новейших технологий и самых совершенных механизмов, координирования действий огромного числа участников, сочетания инфраструктурного обустройства поселений, территорий АЗРФ и сопредельных территорий, учёта проблем обеспечения обороноспособности, национальной безопасности и национальных интересов в международном сотрудничестве. Зафиксированные в государственных директивных документах, эти проблемы формируют насущно

необходимый для Российской Федерации стратегический проект, по своей значимости и замыслу уже на первых этапах реализации далеко выходящий за пределы решения задачи простого перехода к современному обустройству полярного региона и вовлечению его в национальную экономику. Вследствие этого проект необходимо рассматривать как стратегическое направление полномасштабного возвращения Российской Федерации в Арктику по всем приоритетным направлениям ее деятельности.

Основные приоритетные стратегические, национальные интересы России в Арктике обозначены в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года

и дальнейшую перспективу», утвержденных Президентом РФ 18 сентября 2008 г. № Пр-1969) [1], в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», утвержденной Президентом РФ 8 февраля 2013 г. [2], государственной программе «Социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной Постановлением Правительства РФ 21 апреля 2014 г. № 366 [3].

Актуальность деятельности Российской Федерации в Арктической зоне придают внешние макроэкономические и политические мировые и внутренние национальные факторы, формирующие по мнению экспертов [4] современные национальные приоритеты развития:

- завершение периода «однополярного мира» с доминированием США и их союзников, провоцирующее повышенное внимание к разделу сфер влияния и поддержанию военно-стратегического баланса сил;
- исчерпание традиционных месторождений углеводородного сырья;
- последствия глобального изменения климата и связанного с этим глобального потепления; наиболее значительные из них для России эксперты связывают с дальнейшим распространением южной границы «вечной» мерзлоты на Север и таянием многолетних льдов, в перспективе освобождающими Северный Ледовитый океан для круглогодичного мореходства;
- обеспечение транспортной связанности российских регионов, которое во многом определено бесперебойным функционированием Северного морского пути;
- эффективное и рациональное использование природных богатств арктического региона: углеводородов, твердых минеральных ресурсов, биоресурсов;
- обеспечение национальной безопасности в широком смысле, включающее поддержание должного уровня обороноспособности на арктическом направлении, сохранение экологического равновесия природных систем, обеспечение социально-экономического благополучия населения территорий, предотвращение социальных и межнациональных конфликтов;

- закрепление за Россией геополитического лидерства в арктическом регионе.

Существующая геополитическая обстановка характеризуется перспективами наращивания своего военного присутствия приполярных и других стран в Арктическом регионе, что способно привести к обострению существующих противоречий (международно-правовых, политических, военных, экономических и др.) и созданию благоприятных условий для их перерастания в новые опасности и угрозы для военной безопасности Российской Федерации [5-7].

Таким образом, в современных социально-экономических условиях особую актуальность принимают вопросы обеспечения безопасности в Арктической зоне Российской Федерации.

Постановка проблемы

Как было отмечено выше, развитие Арктического региона осуществляется в условиях динамичного геостратегического переустройства мира. Актуализируются вопросы наращивания Российского присутствия в Арктической зоне, повышения объемов хозяйственной деятельности, добычи полезных ископаемых и биоресурсов, расширения масштабов регулярного судоходства в Арктике.

Создание системы комплексной безопасности в Арктике является приоритетом политики по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации [8]. Важнейшую роль в системе комплексной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации играет система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Комплексное развитие Арктической зоны Российской Федерации происходит в настоящее время в условиях нестабильности финансовой системы, сокращения потенциальных возможностей государства в сфере инвестиций. При данных обстоятельствах приостанавливаются или смещаются сроки реализации многих проектов, направленных на развитие Арктической зоны. Данные аспекты требуют при решении задач обеспечения безопасности одновременно оптимизации при этом финансовых расходов.

Основной *целью* создания системы комплексной безопасности, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Арктической зоне Российской Федерации

Федерации является *повышение уровня защищенности населения и территорий Арктики*:

- за счет создания эффективной системы мониторинга;
- разработки на этой основе действенных комплексов мероприятий по вопросам предупреждения и снижения последствий чрезвычайных ситуаций [8].

В соответствии с этим реализация «концепции создания оптимального уровня готовности сил и средств» должна стать основой обеспечения «адекватного ответа на угрозы чрезвычайных ситуаций». Это и есть сегодня стратегический приоритет развития системы комплексной безопасности в Арктической зоне [9].

Устойчивое развитие региона, обеспечение его безопасности заключается в выборе оптимальных программ стратегического планирования ресурсов (сил и средств) МЧС России, реализация которых будет способствовать достижению поставленных целей.

Целью исследования, представленного в рамках данной статьи, является определение путей решения задачи по стратегическому планированию и размещению сил и средств при создании системы комплексной безопасности в АЗРФ в условиях ресурсных ограничений.

Факторы риска чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне Российской Федерации

Риски возникновения природных и техногенных чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне Российской Федерации требуют обеспечения безусловного присутствия и деятельности в регионе сил и средств Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) России.

К основным климатическим и природным источникам чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне Российской Федерации относятся: деградация вечной мерзлоты (таяние), обвалы, оползни; наводнения (весной, осенью), ледяные заторы, подвижка льдов; снежные бури, штормы; сильные ветры (ураганы); ландшафтные пожары (в тундре, мелколесье).

Продолжающийся процесс глобального потепления будет способствовать дальнейшему увеличению частоты и масштабов различных опасных

гидрометеорологических явлений. Прогнозируется увеличение частоты таких экстремальных явлений как сильные снегопады, град, бури, торнадо, аномально высокие или низкие температуры воздуха. Все это скажется на потенциальном росте числа чрезвычайных ситуаций [10].

Деградация, высыхание лесов, пастбищ на больших площадях, обусловленные повышением средней поверхностной температурой почв приведет к массовым лесным пожарам, увеличению продолжительности пожароопасной обстановки в южной части арктической территории [11].

Следует ожидать увеличения неблагоприятных и опасных процессов, таких как оползни на оттаивающих склонах, медленное течение талых грунтов, значительных просадок поверхностей за счет уплотнения грунтов, выноса грунтов с тальми водами. Данные изменения могут оказать негативное воздействие на возможность своевременного реагирования на возникающие чрезвычайные ситуации.

Противодействие росту угроз и опасностей техногенного, природного, биолого-социального характера при существующей тенденции климатического изменения требует повышенной готовности к природным пожарам, крупномасштабным наводнениям, повышения эффективности реализации предупредительных и природоохранных мероприятий.

Главным инструментом освоения Арктики является ее транспортная инфраструктура, основным элементом которой является Северный морской путь. Через Арктику проходят многие кроссполярные авиатрассы. Вся данная инфраструктура также потенциально может являться источником чрезвычайных ситуаций.

Увеличившиеся темпы таяния ледников, полярных льдов, а также снега в горах способствуют значительному подъему уровня мирового океана. Это потенциально будет приводить к затоплению многих прибрежных районов, реализации масштабных стонно-нагонных явлений, которые будут способствовать разрушению океанических берегов и расположенных на них инфраструктурных объектов Северного морского пути. Исследования ученых показывают, что через 30 лет Северный морской путь будет открыт уже около 100 дней в году, в то время как в настоящее время около 20.

Помимо широкомасштабного развития судоходства, в районе Северного морского пути будет бурно развиваться рыболовство, масштабы добычи полезных ископаемых на шельфе и др.

Расширение масштабов судоходства в северных широтах, увеличение количества судов северного флота, интенсивности их движения в условиях, которые все равно будут оставаться достаточно сложными, поднимают вопросы повышенной актуальности и значимости задач постоянного обеспечения безопасности на воде на всей трассе Северного морского пути и в устьях арктических рек, совершенствования подходов к развитию самой системы авиационного поиска и спасания.

Вся инфраструктура населенных пунктов в АЗРФ также потенциально подвержена негативному внешнему воздействию. К потенциальным источникам техногенных чрезвычайных ситуаций относятся несколько тысяч потенциально опасных объектов, объекты АЭС, реакторы судов атомного флота, объекты нефте- и газодобычи, производственные предприятия. Возможны разрывы на нефтегазопроводах, аварии на предприятиях добычи и переработки углеводородов, металлов, отказы и аварии на объектах инфраструктур энергетики и ЖКХ, аварии на железнодорожном, автомобильном, воздушном, водном транспорте.

Вышеперечисленная совокупность факторов требует формирования комплексного подхода к обеспечению безопасности арктических территорий, повышения ресурсного потенциала [12] спасательных служб, осуществления мониторинга за состоянием и загрязнением компонентов окружающей среды. Все это предполагает принятие мер по изменению количественного и качественного состояния сил и средств РСЧС России в Арктическом регионе, применение новых принципов и подходов к оснащению, оборудованию спасательных подразделений.

Принципы и организационная схема стратегического планирования сил и средств МЧС России в Арктической зоне

Под стратегическим планированием будем понимать определение основных направлений, способов и средств достижения стратегических целей устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности [13].

Характерными признаками стратегического планирования являются [14]:

- ориентация на достижение ключевых целей, соответствующих миссии создаваемой системы;
- формирование стратегических целей на среднесрочную и долгосрочную перспективу
- учет и взаимосвязь сформированных целей с размером и динамикой расходования ресурсов, выделяемых на их достижение;
- учёт взаимодействия планируемой системы с внешней средой, оказывающих на нее как позитивное так и негативное влияние, формирование комплекса мероприятий, демпфирующих негативные факторы, либо использующих позитивное влияние этих факторов для эффективного решения задач по достижению стратегических целей системы;
- адаптивный характер планирования, выраженный в способности прогноза и учета возможных изменений внешней и внутренней среды планируемого объекта.

Стратегическое планирование сил и средств МЧС России в Арктической зоне будет представлять из себя процесс анализа угроз и возможностей, проектирования и сопровождения системы комплексной безопасности, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в АЗРФ, определения соответствующих подсистем, компонентов и способов их взаимодействия, выбора при этом наиболее эффективного сочетания сил и технических средств для достижения целевых результатов.

Анализ опыта стратегического управления в современной Российской Федерации в целом позволяет выделить следующие основные проблемы [15]:

- зачастую формальный, исключительно декларативный характер многих стратегических планов развития, отсутствие единой базы нормативно-правовых документов для реализации стратегического планирования и обоснования источников финансирования;
- слабое развитие инструментария для мониторинга реализации сформированных стратегических планов;
- отсутствие научного подхода к проблемам стратегического планирования, в частности игнорирование использования методов

математического моделирования при анализе стратегий;

- не в полной мере разработанный методический инструментарий, сдерживающий прогрессивное развитие стратегического управления в России.

Специфика Арктической зоны определяет особенности стратегии развития системы обеспечения безопасности в Арктике, в том числе и уникальные.

Такой уникальной особенностью стал комплексный подход к организации системы обеспечения безопасности в прибрежной и бассейновой частях Арктики, не типичный для остальной территории страны и обусловленный характером деятельности в АЗРФ [16].

Силы и средства, находящиеся непосредственно в Арктической зоне Российской Федерации, или находящиеся в оперативной доступности к арктическим районам возможного их применения в случае возникновения чрезвычайных ситуаций относятся к различным функциональным подсистемам РСЧС федеральных органов исполнительной власти (Минтранса России, Пограничной службы ФСБ России, Минобороны России, Росгидромета, МЧС России, Госкорпорации «Росатом» и других) [17].

Территориальные органы МЧС России, расположенные в Арктической зоне включают в себя отряды Федеральной противопожарной службы, поисково-спасательные отряды, специальные и объектовые подразделения ФПС и другие подразделения.

Стратегическое направление развития сил и средств МЧС России, предназначенных для обеспечения комплексной безопасности в АЗРФ, состоит в достижении следующих целей:

- формирование высокоэффективных, мобильных, оснащенных современными техническими средствами и спасательными технологиями аварийно-спасательных и поисково-спасательных формирований МЧС России, способных решать задачи в экстремальных условиях Арктического региона;
- сокращение времени реагирования аварийно-спасательных и поисково-спасательных формирований на чрезвычайные ситуации;
- развитие научно обоснованных передовых технологий развития сил и средств по пред-

упреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению комплексной безопасности в АЗРФ.

На данный момент существует два возможных варианта проведения аварийно-спасательных, поисковых и других неотложных работ при ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне, что приводит, соответственно, к двум сценариям ресурсного обеспечения МЧС России:

- проведение всех видов работ будет осуществляться во взаимодействии между территориальными и функциональными подсистемами РСЧС на основе заранее разработанных планов их взаимодействия;
- проведение всех видов работ будет осуществляться централизованно исключительно силами и средствами подразделений МЧС России.

Каждый из сценариев требует различного уровня ресурсного обеспечения подразделений МЧС России в Арктической зоне.

В настоящее время совершенствование системы комплексной безопасности в целях защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в АЗРФ осуществляется за счет создания 10 Арктических комплексных аварийно-спасательных центров (АКАСЦ) МЧС России (рис.1). Приоритетные задачи данных центров состоят в предупреждении, ликвидации и реагировании на чрезвычайные ситуации, оказание оперативной всесторонней помощи лицам, терпящим бедствия на приполярных территориях, в зонах территориальных морей, Арктической транспортной системы, на прилегающих территориях иностранных государств, в соответствии с международными соглашениями. Каждый АКАСЦ в соответствии с задачами, возложенными на систему обеспечения безопасности в АЗРФ имеет в своем составе два специализированных комплекса: аварийно-спасательный и информационно-вычислительный. Данные центры должны быть оснащены универсальным аварийно-спасательным и пожарным оборудованием, специальными авиационными средствами и вездеходами.

Важнейшей стратегической задачей является выработка управленческих решений по планированию и размещению ресурсов (сил и средств) каждого из АКАСЦ.

Рисунок 1 – Структура системы комплексной безопасности в АЗРФ

Проводимый многими исследователями анализ показывает, что в Арктической зоне Российской Федерации в целом в настоящее время сложилась ситуация неравномерного размещения сил и средств РСЧС на всей ее территории [18-20]. Решение задачи адекватного и оперативного реагирования на весь спектр возникающих в Арктической зоне рисков и угроз предполагает дальнейшее наращивание состава сил и средств на большей части региона, что особенно актуально в условиях потенциального роста количества чрезвычайных ситуаций при расширении освоения арктического пространства.

При обосновании стратегии обеспечения безопасности в АЗРФ одной из приоритетных задач является определение принципов реализации целевого предназначения МЧС России.

По мнению автора, достижение стратегических целей, стоящих перед МЧС России в АЗРФ, должно осуществляться на основе выполнения следующих принципов:

- научного подхода к обоснованию состава сил и средств МЧС России в АЗРФ;
- принципа системного подхода;
- учета современных научных достижений и перспектив развития арсенала спасательных

средств, а также прогноза рисков чрезвычайных ситуаций;

- принципа программно-целевого управления (планирования).

Современное стратегическое планирование должно основываться на всех видах системного подхода: системно-комплексном, системно-программном, системно-мультипликационном, системно-нормативном, системно-динамическом.

Использование системного подхода предполагает, что исследуемый объект должен рассматриваться как большая сложная система и одновременно как элемент системы более высокого уровня иерархии.

При системном подходе должны найти свое отражение следующие аспекты:

1. системно-элементный или системно-комплексный, суть которого заключается в идентификации подсистем и элементов, образующих данную систему, а также учете взаимовлияния с внешней средой;
2. системно-структурный, суть которого заключается в идентификации и обосновании внутренних связей и зависимостей между элементами, составляющими исследуемую систему и позволяю-

шего получить представление о внутренней организации (строении) системы;

3. системно-функциональный, требующий обоснование функций как отдельных элементов, входящих в структуру исследуемой системы, так и всей системы в целом, определяя при этом ее целевое предназначение;

4. системно-целевого, определяющего требования к научному определению целей и подцелей системы, их взаимной увязки между собой;

5. системно-ресурсного, заключающегося в учете и обосновании ресурсов, требующихся для функционирования исследуемой системы, для достижения поставленных перед системой целей;

6. системно-интеграционного, предполагающего определение совокупности интегральных качественных свойств исследуемой системы, обеспечивающих её целостность и особенность;

7. системно-коммуникационного, обозначающего требования анализа и учета внешних связей исследуемой системы с внешней средой;

8. системно-исторического, позволяющего выяснить условия во времени возникновения исследуемой системы, пройденные ею этапы, современное состояние, а также возможные перспективы развития.

Управление стратегическим развитием системы комплексной безопасности в АЗРФ представляется целесообразным осуществлять в соответствии с организационной схемой, представленной на рис. 2.

Стратегическое планирование ресурсной обеспеченности АКАСЦ, являясь системообразующим элементом в управлении безопасностью АЗРФ, должно находиться в неразрывной связи с разработкой прогноза развития АЗРФ в целом, определять подходы к определению количественного и качественного состава сил и средств АКАСЦ. Научное обоснование количественного состава сил и средств возможно при условии использования адекватных математических моделей. Математическая формализация, в свою очередь, требует введения определенной системы показателей, которая и позволит обосновывать управленческие решения, обеспечивая их логикой, при этом реализуя принципы и методологические подходы стратегического планирования.

Вопросы моделирования процесса функционирования Арктических комплексных аварийно-

спасательных центров МЧС России и оптимизации их структуры уже получили свое развитие в предыдущих работах автора [21-23] и в настоящей статье не рассматриваются.

При этом, необходимо отметить, что планирование сил и средств АКАСЦ является достаточно сложным творческим процессом. В первую очередь к причинам этого можно отнести то, что многие исходные данные зачастую имеют исключительно качественный характер, опираясь на формулирование целей, определение состояний и ситуаций на лингвистическом уровне описания, являются трудно формализуемыми. Кроме этого процесс планирования происходит в условиях изменчивости и неопределенности внешней среды, неопределенности о способах достижения поставленных целей и решения сформулированных для этого задач.

Планирование сил и средств системы АКАСЦ, как и разработка моделей его обоснования, предполагает количественный прогноз рисков в АЗРФ, что в свою очередь, предполагает учет природных, техногенных, экономических, геополитических и других факторов, таких как:

- рост рисков природных чрезвычайных ситуаций;
- развитие судоходства, рыболовства в районе Северного морского пути;
- увеличение площадей добычи полезных ископаемых на шельфе;
- возрастание транспортных и промышленных рисков на освоенных арктических территориях;
- рост инфраструктуры населенных пунктов;
- увеличение интенсивности движения на трансарктических трассах.

Это делает важной разработку автоматизированных систем обработки информации на базе существующих и разрабатываемых методов с целью использования полученных результатов в процессе дальнейшего планирования и получения адекватной прогнозной оценки эффективности функционирования АКАСЦ, а значит определения степени достижения своего целевого предназначения системой комплексной безопасности в АЗРФ. Данные аспекты предполагают развитие технологий оценки и управления рисками [24], совершенствования системы мониторинга и прогноза.

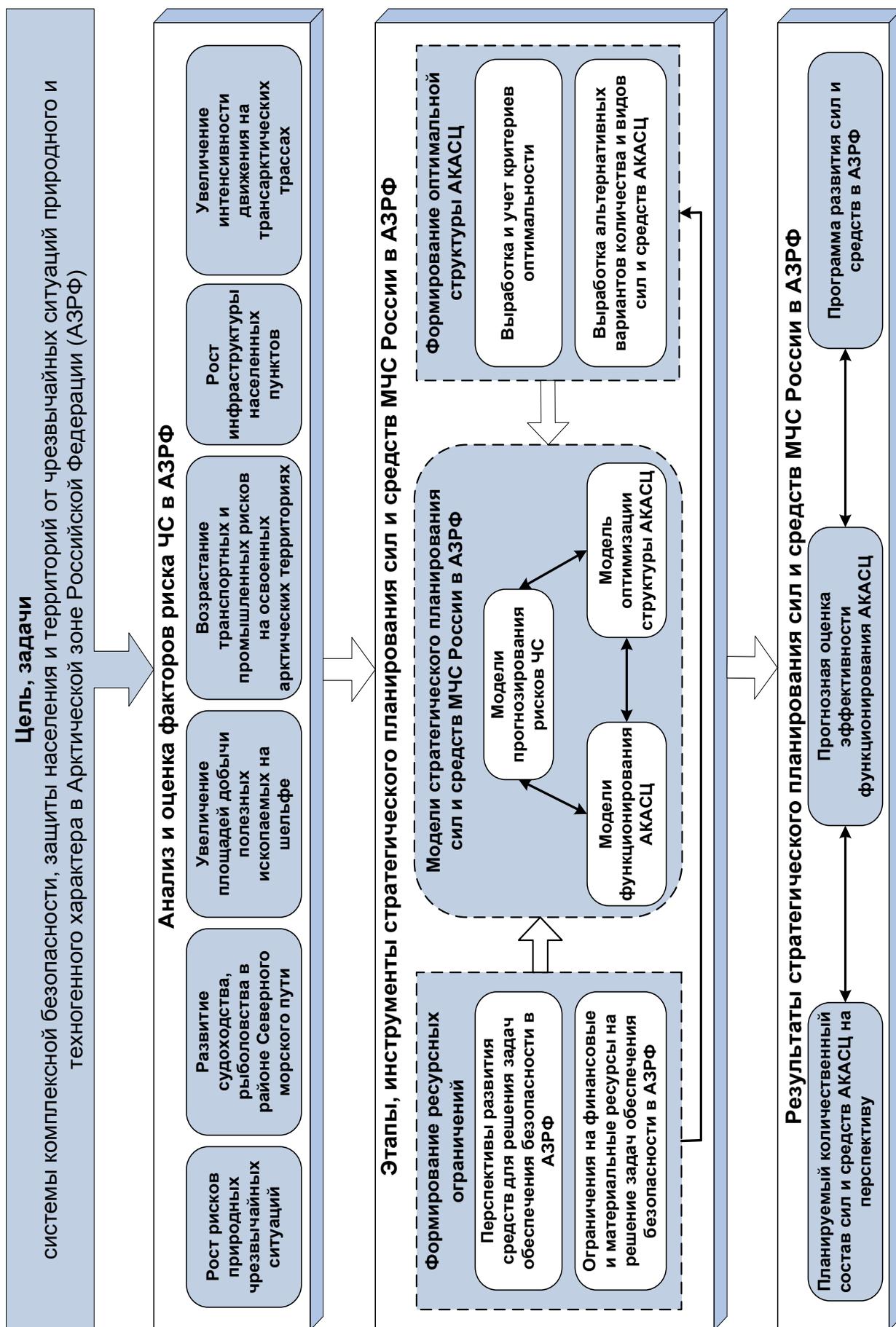

Рисунок 2 – Организационная схема стратегического планирования сил и средств МЧС России в АЗРФ

Исследование критериев эффективности принятия перспективных решений по вопросам планирования ресурсной обеспеченности МЧС России в АЗРФ является достаточно актуальным, что определяется его высокой практической значимостью для формирования и поддержания эффективной системы обеспечения безопасности. До настоящего времени данный вопрос в научных исследованиях фактически не затрагивался, что определяет его достаточно высокую степень новизны.

В целом общий алгоритм принятия решений по определению состава сил и средств АКАСЦ на основе предложенного подхода можно представить единой совокупностью следующих этапов:

- формализация цели и направлений стратегического развития;
- формирование критериев эффективности функционирования АКАСЦ;
- формирование множества возможных альтернативных решений по ресурсному обеспечению АКАСЦ;
- оценка вариантов по выбранным критериям эффективности;
- выбор оптимального стратегического решения;
- разработка, анализ и утверждение плана реализации решения по ресурсному обеспечению АКАСЦ.

Достижение результатов стратегического планирования предполагает на основе результатов, полученных в процессе моделирования, разработку программы развития сил и средств МЧС России в Арктической зоне, как основного инструмента реализации стратегии. Программа должна отражать поэтапное решение задач стратегического планирования в соответствии с поставленными целями, ресурсными и временными ограничениями при использовании предлагаемой схемы и соответствующего научно-методического инструментария.

Выбор государственного программно-целевого типа управления комплексным развитием Арктической зоны Российской Федерации, в том числе в сфере обеспечения безопасности, подразумевает повышенную ответственность лиц, принимающих соответствующие стратегические решения.

Выводы

1. Формирование регионального комплекса

безопасности в Арктической зоне РФ предполагает реализацию целей по снижению рисков глобальной, региональной и национальной безопасности. Арктический вектор геополитики России ориентирован на минимизацию угроз устойчивого развития региона.

2. Важная роль в реализации соответствующей стратегии формирования комплексной системы безопасности в Арктике принадлежит эффективной системе защиты населения и территорий, критически важных и потенциально опасных объектов в Арктической зоне Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

3. В настоящей геополитической и социально-экономической обстановке деятельность МЧС России в АЗРФ приобретает важнейшее значение в сфере реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации и приоритетов устойчивого развития.

4. Решение задачи, с одной стороны, адекватного и оперативного реагирования на весь спектр возникающих в Арктической зоне рисков и угроз, а с другой – оптимального распределения выделяемых на решение данных задач сил и средств, требует научного подхода.

5. Результатом проведенного исследования является обоснование путей решения задачи достижения стратегических приоритетов деятельности МЧС России в современных условиях в АЗРФ в условиях ресурсных ограничений, а также формирование основных положений стратегического планирования ресурсной оснащенности Арктических комплексных аварийно-спасательных центров.

6. Современное стратегическое планирование должно основываться на всех видах системного подхода. Являясь системообразующим элементом в управлении безопасностью АЗРФ, стратегическое планирование ресурсной обеспеченности АКАСЦ должно находиться в неразрывной связи с разработкой прогноза развития АЗРФ в целом.

7. Принятие адекватных управленческих решений при формировании количественного соотношения структурно-образующих элементов Арктических комплексных аварийно-спасательных центров основано на моделировании и оптимизации их функционирования.

8. Реализация стратегических планов пред-

полагает разработку системы критериев и результирующих показателей эффективности функционирования системы комплексной безопасности в АЗРФ.

9. Важным условием эффективности управленческих решений в области стратегического планирования сил и средств МЧС России в Арктической зоне является следование эффективным алгоритмам принятия решений на основе предлагаемого научно-методического инструментария, а также формирование и реализация программы развития сил и средств в АЗРФ как механизма реализации стратегии.

Список литературы

1. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html>
2. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020г [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/07/30/more-dok.html>
3. Государственная программа «Социально-экономическое развитие арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 г.» (утверждена Постановлением правительства РФ 21 апреля 2014 г. №366).
4. *Сорокин В. И., Цыбиков Н. А.* Обеспечение комплексной безопасности поселений (городов) северных регионов в условиях влияния глобальных изменений климата – стратегическое направление полномасштабного возвращения России в Арктику // Проблемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе. Безопасный город в Арктике Международная научно-практическая конференция. Материалы конференции. МЧС России, 2016. – с. 170-217.
5. *Иванов Г. В., Жаринов Н. В., Дубров С. Н.* Деятельность различных государств по усилению угроз национальной безопасности в Арктике // Человеческий капитал. – 2017. – № 7 (103). – с. 3-6.
6. *Нурьшев Г. Н.* Арктическая геополитика России и Канады // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – №2(6). – с. 4-8.
7. *Нурьшев Г. Н.* Геокультура России как геополитика справедливости // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – №1(5). – с. 21-26.
8. *Артамонов В. С.* Управление комплексной безопасностью в Арктической зоне Российской Федерации // Транспорт России: проблемы и перспективы – 2016. Материалы Международной научно-практической конференции. 29-30 ноября 2016 г. СПб.: ИПТ РАН. – Санкт-Петербург, 2016. – Том 1. – с. 20-27.
9. *Лукин В. Н., Муслиенко Т. В., Чижиков Э. Н.* Геоэкономические и политические особенности комплексной системы безопасности Российской Арктики // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2016. – Т.19. – №2. – с. 443-450. DOI: 10.21443/1560-9278-2016-2-443-450
10. *Васильев Л. Ю.* Современные тенденции изменения климата в Арктической зоне РФ // Состояние арктических морей и территорий в условиях изменения климата: сб. тезисов Всероссийской конференции с международным участием / сост. С. В. Рябченко; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск: ИД САФУ, 2014. –199 с.
11. *Цаликов Р. Х.* Опасности и угрозы для Северных территорий Российской Федерации, обусловленные глобальными изменениями климата // Обеспечение комплексной безопасности северных регионов Российской Федерации: материалы научно-практической конференции 22 апреля 2008 г. – М.:НЦУКС МЧС России, 2008. – с. 8-25.
12. *Матвеев А. В., Максимов А. В.* Ресурсный потенциал и его использование в системе ГПС МЧС России // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. – 2015. – № 1. – с. 62-68.
13. *Московский А. М.* Организация системы стратегического планирования в Российской Федерации // В сборнике «Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации». Вып. 5. – М.: Изд. «Известия», 2012.
14. *Ансофф И.* Стратегическое управление: Сокр. пер. с англ. / Научн. ред. и авт. предисл. Л.И. Евенко. М., 1989. – 519 с.
15. *Болонин А. И., Ермоловская О. Ю.* Проблемы стратегического инновационного планирования в современной России // Вестник Академии. – 2015. – № 1. – с. 28-32.

16. Артамонов В. С., Мусиенко Т. В. Комплексная система безопасности как приоритет арктической геополитики и геоэкономики России // Геополитика и безопасность. – 2016. – №2(34). – с. 66-72.

17. Артамонов В. С., Мусиенко Т. В. Геополитика Арктики: система управления рисками безопасности жизнедеятельности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2016. – № 2-2(14). – с. 72-78.

18. Чуприян А. П. Мероприятия, проводимые МЧС России по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике и создание комплексных аварийно-спасательных центров // Международная научно-практическая конференция «Проблемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и создание комплексных аварийно-спасательных центров в Арктике»: Материалы конференции. – М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2012. – с. 13-20.

19. Веселов И. А., Чуприян А. П. О мерах МЧС России по обеспечению реализации экономических и инфраструктурных проектов в Арктике и созданию системы специализированных аварийно-спасательных центров // Арктика. Экология и экономика. – 2011. – №1. – с. 48-51.

20. Осипов А. В. Состояние и проблемы обеспечения защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в арктической зоне Российской Федерации // Предупреждение. Спасение. Помощь: материалы XXIV Международной научно-практической конференции. – М.: АГЗ МЧС России, 19 марта 2014. – с. 71-77.

21. Матвеев А. В. Модель оптимизации структуры арктических комплексных аварийно-спасательных центров МЧС России // В сборнике: Государство и бизнес. Современные проблемы экономики: Материалы IX Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 19-21 апреля 2017 г. / Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. – Т.1. – с. 39-41.

22. Матвеев А. В. Математическое моделирование оптимизации структуры арктических комплексных аварийно-спасательных центров МЧС России // Проблемы управления рисками в техносфере. – 2016. – № 4(40). – с. 105-111.

23. Матвеев А. В., Максимов А. В., Водахова В. А. Комплексная математическая модель процесса управления силами и средствами гарнизона пожарной охраны // Проблемы управления рисками в техносфере. – 2015. – №2(34). – с. 85-96.

24. Матвеев А. В. Оценка и управление риском: учебное пособие. – СПб.: Стратегия будущего, 2010. – 279 с.

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2017 г.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 340

ИРОШНИКОВ ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ

СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается система национальной безопасности в том виде, в котором она представлена в действующем законодательстве Российской Федерации. Автор предпринял попытку выработать научно обоснованные и универсальные критерии, по которым можно разделить национальную безопасность на виды.

Ключевые слова: национальная безопасность; система национальной безопасности; виды национальной безопасности; государственная безопасность; общественная безопасность; безопасность личности.

IROSHNIKOV D.V.

THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY IN THE CURRENT LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ABSTRACT

The article discusses the national security system in the form in which it is presented in the current legislation of the Russian Federation. The author attempted to develop a rigorous and universal criteria by which to share national security.

Keywords: national security; national security system; national security; public security; public safety; security of the person.

Один из важнейших теоретико-правовых аспектов в общей теории национальной безопасности – система национальной безопасности. Видовое многообразие категории «национальная безопасность» сегодня не только не позволяет комплексно раскрыть систему этих видов, но и простое их перечисление в рамках исчерпывающего перечня представляется весьма сложным.

Под системой национальной безопасности предлагаем понимать совокупность видов и подвидов национальной безопасности в их взаимодействии. При этом необходимо различать понятия «система национальной безопасности» и

«система обеспечения национальной безопасности». В последнюю, помимо прочего, должна входить система сил и средств обеспечения и иные компоненты.

Следует согласиться с Н.И. Костюченко, в том, что система национальной безопасности сегодня почти не исследовалась с точки зрения системного подхода [1, с. 35].

На сегодняшний день отечественная доктрина выедает колоссальное количество видов безопасности, в том числе и весьма специфических, не имеющих отражения в нормативных документах (в частности, «духовная безопасность»). В этой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-03-00767 «Безопасность как правовая категория».

связи представляется целесообразным в исследовании системы национальной безопасности отталкиваться от тех видов безопасности, которые представлены в системе действующего законодательства и стратегического планирования России. То есть речь идет о законодательно закреплённой, реально действующей системе, подкреплённой нормативным механизмом обеспечения по каждому виду.

Анализ действующих нормативных правовых актов и документов стратегического планирования позволил нам раскрыть систему видов безопасности следующим образом.

В Стратегии национальной безопасности установлено: «национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации» [2].

На наш взгляд, с точки зрения теории национальной безопасности здесь более корректно было бы говорить не об обороне (не смотря на наличие одноименного федерального закона), а о военной безопасности, поскольку оборона – это деятельность по обеспечению военной безопасности. При этом военная безопасность – более широкое понятие и включает в себя помимо обороны страны иные аспекты.

Конституция Российской Федерации упоминает такие виды безопасности, как безопасность (обобщающая категория, синоним национальной безопасности), безопасность государства, государственная безопасность, общественная безопасность, экологическая безопасность. Нам представляется, что упоминаемые в Конституции понятия «государственная безопасность» и «безопасность государства» не тождественные, несмотря на их лексическое сходство. В первом случае речь идет о категории «государство», во втором – «страна». Государство определяется как политическая система власти, как особого рода организация, а страна же характеризуется в большей степени историческим и культурными факторами, включающими население, общность территории, язык и т.п. Таким образом, при употреблении термина «безопасность государства» подразумевается безопасность страны, безопасность России, иными словами, — национальная безопасность.

Федеральный закон «О безопасности» к основным видам безопасности относит государственную, экологическую, общественную и безопасность личности.

Разработчики Стратегии отнесли к видам безопасности, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность и безопасность личности.

Существуют виды безопасности, по которым приняты отдельные федеральные законы, регулирующие вопросы их обеспечения. Это, в частности: пожарная безопасность [3], безопасность дорожного движения [4], безопасность критической информационной инфраструктуры [5], безопасность пищевых продуктов [6], безопасность зданий и сооружений [7], радиационная безопасность [8], промышленная безопасность на опасных производственных объектах [9], безопасность гидротехнических сооружений [10], безопасность объектов топливно-энергетического комплекса [11] (при этом последние три родственные вида безопасности логично рассматривать в рамках одного обобщающего – техногенной безопасности).

В рамках стратегического планирования отдельных документов удостоены: экономическая безопасность [12], экологическая безопасность [13], информационная безопасность [14], продовольственная безопасность [15] общественная безопасность [16].

Значительное число видов безопасности не имеют специального закона или иного нормативного правового акта, а также документа стратегического планирования. Однако имеется их упоминание в действующем законодательстве, а также определенная система обеспечения. Так, например, Концепция общественной безопасности в Российской Федерации относит к подвидам общественной безопасности пожарную, химическую, биологическую, ядерную, радиационную, гидрометеорологическую, промышленную и транспортную безопасности. При этом все эти виды – не просто результат мыслительной деятельности и отражение в документе идей их разработчиков – они, как правило, имеют нормативное закрепление. Так, например, понятие гидрометеорологической безопасности приводится в Федеральном законе «О гидрометеорологической службе» [17].

Таким образом, разные виды национальной безопасности по-разному представлены в системе действующего законодательства – от простого упоминания, до комплексного правового регулирования.

При, казалось бы, простом вопросе разделения национальной безопасности на виды в зависимости от сфер человеческой деятельности, возникает вопрос более сложного характера. К какому виду безопасности отнести сложные виды, например, «экологическую безопасность на транспорте» или же «информационную безопасность личности». В этой связи и возникает вопрос о критериях разграничения национальной безопасности по видам.

Представляется интересным определить общетеоретические критерии разделения безопасности на виды как основу построения системы национальной безопасности. При этом данные критерии в обязательном порядке должны обладать не только логичностью, но и универсальностью и давать ответ на вопрос о природе всех видов и подвидов национальной безопасности.

Нам хотелось бы предложить научному сообществу следующие критерии.

1. Деление безопасности на виды по объектам безопасности

Не смотря на определенную эволюцию легального определения национальной безопасности, уже более 20 лет к ее объектам бессленно относят «личность, общество и государство». Данная триада в качестве объектов обеспечения безопасности фигурируют в целом ряде законодательных актов, как общих, так и специальных. В частности, в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации», Федеральном законе «О полиции» и др. Практически любой вид национальной безопасности сегодня принято трактовать как защищенность личности, общества и государства.

В этой связи в первую очередь к видам безопасности следует отнести государственную безопасность, общественную безопасность и безопасность личности. При этом в рамках личной безопасности в действующем законодательстве выделяются подвиды в зависимости от статуса личности. Например, «безопасность детей» [18], «личная безопасность сотрудника полиции» [19].

Личность, общество и государство предлагаем

рассматривать как *социальные объекты национальной безопасности*. Иными словами – люди и их объединение в виде общества и государства с присущими им жизненно важными интересами. Данные объекты национальной безопасности условно можно именовать первичными.

Говоря о глубинной природе общественной безопасности, обратившись к труду А. А. Прохорова «Теория развития и безопасности человека и общества», следует отметить, что само общество как система уже является своеобразным механизмом обеспечения безопасности, поскольку «стремление к безопасности явилось одной из побудительных причин объединения древних людей в общество» [20, с. 12]. Этот же тезис можно смело отнести и к государству. В подтверждение этого, многие современные исследователи развивают обозначенный еще в трактате «Левиафан» тезис Т. Гоббса о том, главной целью государства является обеспечение безопасности [21, с. 116]. В частности, Р.Ф. Идрисов пишет, что по большому счету люди придумали когда-то само государство как форму своей организации с главной целью – обеспечить свою безопасность [22, с. 59].

Бывает весьма сложно разграничить общество и личность как объекты национальной безопасности. Поскольку, угрозы, направленные на безопасность личности, так или иначе угрожают безопасности общественной и напротив, угрозы общественной безопасности – не могут обойти своим фронтом личность как неотъемлемый и главный элемент общества.

Для благополучного существования личности, функционирования государства и общества необходимы некоторые системы, обеспечивающие данный процесс – экономическая, экологическая, информационная, транспортная, энергетическая и другие. Безопасность этих систем (сфер человеческой деятельности) – условие безопасности социальных объектов. Это уже *вторичные (производные) – несоциальные объекты безопасности*. Ввиду многообразия человеческой деятельности, каждый такой вид безопасности может включать в себя подвиды. Так, например, экономическая безопасность включает в себя продовольственную безопасность.

Кроме этого, каждый социальный объект (личность, общество или государство) имеет конкретный жизненно важный интерес в несоциальной сфере. Так появляются такие виды безопасности,

где есть социальный объект и несоциальный, но в привязке к социальному. Это, например, «экономическая безопасность личности», «информационная безопасность государства», и т.п. (Схема 1)

2. Деление национальной безопасности на виды по источникам угроз.

Деление видов национальной безопасности по объекту не может охватить все виды и подвиды национальной безопасности. Предлагается дополнительно в качестве критерия для классификации видов безопасности использовать деление на виды по характеру источника угроз.

Классическими примерами таких видов безопасности является пожарная, радиационная, химическая, ядерная и т.п. В данном случае объектом является общество (именно поэтому в Доктрине общественной безопасности России они отнесены к видам общественной безопасности), а виды выделены соответственно источникам угроз (Схема 2).

Применительно к данной классификации можно говорить о смешении двух видов безопасности, один из которых будет объектом, а другой – угрозой.

Например, экологическая безопасность на транспорте. В данном случае экологическая система будет выступать объектом безопасности, а транспорт – источником угрозы.

Иногда одни и те же виды безопасности по объекту могут выступать видами безопасности в зависимости от источников угроз. Например, «безопасность населения на транспорте» [23]. Транспорт здесь (в отличие от транспортной безопасности) также выступает как источник угрозы для населения. Или же «информационная безопасность детей» [24], где информация (в отличие от информационной безопасности) является не объектом, а также источником угрозы.

Нам представляется, что выработанные критерии обладают логичностью и универсальностью в той

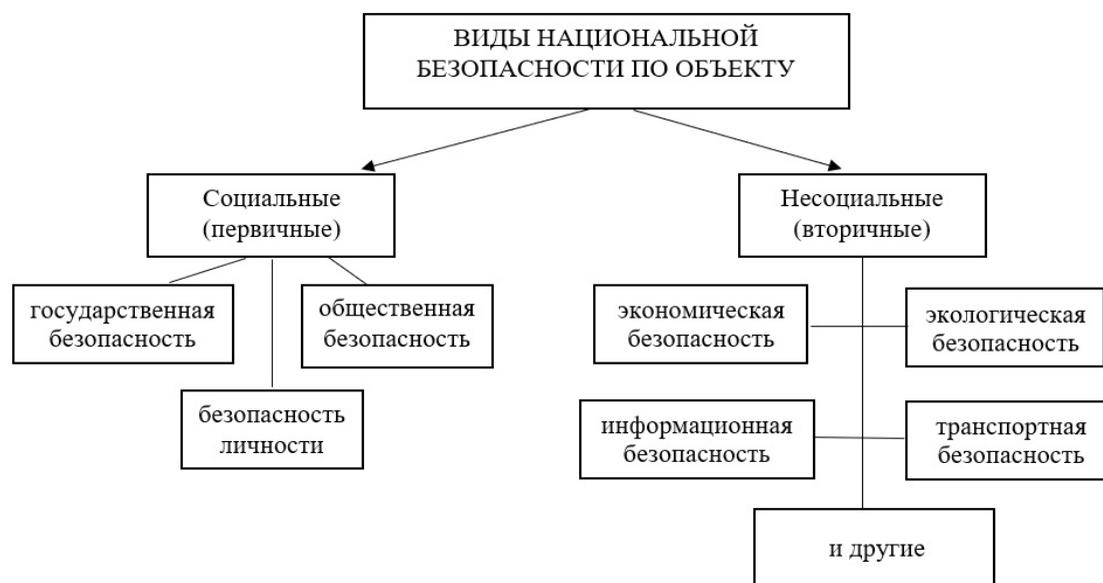

Схема 1. Виды национальной безопасности по объекту

Схема 2. Виды национальной безопасности по источнику угроз

мере, в которой можно говорить о научно обоснованной системе национальной безопасности России с присущими ей внутрисистемными взаимосвязями применительно к каждому виду и подвиду.

Список литературы

1. Костюченко Н. И. Проблемы теории национальной безопасности, связанные с неопределенностью понятия «безопасность» и его места в социальных системах // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2.
2. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О пожарной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «О безопасности дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс»
5. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
6. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // СПС «КонсультантПлюс»
7. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // СПС «КонсультантПлюс»
8. Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ (ред. от 19.07.2011) «О радиационной безопасности населения» // СПС «КонсультантПлюс»
9. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 07.03.2017) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // СПС «КонсультантПлюс»
10. Федеральный закон от 21.07.1997 № 117-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О безопасности гидротехнических сооружений» // СПС «КонсультантПлюс»
11. Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СПС «КонсультантПлюс»
12. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс»
13. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс»
14. «Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
15. Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
16. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс»
17. Федеральный закон от 19.07.1998 № 113-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «О гидрометеорологической службе» // СПС «КонсультантПлюс»
18. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
19. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс»
20. Прохожев А. А. Теория развития и безопасности человека и общества. – М. – 2006.
21. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. – 2001.
22. Идрисов Р. Ф. Теоретические и правовые проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М. – 2002.
23. Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2010 № 1285-р (ред. от 11.12.2013) «Об утверждении Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте» // СПС «КонсультантПлюс»
24. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «КонсультантПлюс»

МОРФОЛОГИЯ СОБСТВЕННОСТИ И ЕЕ ПРАВОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРИ ОРИЕНТАЦИИ НА МЕНЯЮЩИЕСЯ УСЛОВИЯ БЫТИЯ

АННОТАЦИЯ

Состояние вопроса: Стабильность условий бытия в антагонистических обществах во все времена реализовывалась посредством правления, которое неизменно исходило из предполагаемого факта о наличии такой стабильности, означавшего, что закон изменения состояния объекта правления во времени заранее известен, а потому необходимость в обратной связи здесь полностью исключалась. Такая неизменность бытия «всегда легко увязывалась со смыслом и ценностью жизни людей в обществе, с проблемами их существования в мире, с самим человеком, его сущностью и предназначением».

В условиях такой стабилизации право считалось порождением экономики, а, по сути, хрематистики, которая буквально означала «искусство наживать богатство и делать деньги» предприимчивыми людьми, после завершения обогащения которых предполагалось, что сразу же наступит всеобщее благоденствие, при этом право, регулируя отношения в государстве, направляло свои усилия на стабилизацию именно такой ситуации.

Фундаментальным, сущностным свойством, на котором во все времена базировались и базируются в государстве стабильные общественные отношения выступала собственность. До последнего времени она определялась либо «экономическим» по Г. В. Ф. Гегелю, либо «экономико-политическим» по К. Марксу представлением, которые закреплялись специально разработанным для этого правом собственности с соответствующим специфическим смысловым наполнением только правомочий собственника, при этом вторая часть экономико-политического представления собственности не нашла своего юридического закрепления, что и определило несоответствие (дефицитарность) экономического, экономико-политического и правового представления собственности.

Результаты: Установлено, что в условиях всеобщей стабилизации и экономическое по Г. В. Ф. Гегелю, и экономико-политическое по К. Марксу представление собственности, закрепленное тремя правомочиями собственника «владеть, пользоваться и распоряжаться» со специфическим смысловым наполнением имело свои границы применимости, в рамках которых в полной мере реализовывались лишь интересы частных собственников и их организаций по их обогащению. Это естественно приводило к кризисам и к закономерному ухудшению материального положения большинства населения, росту нищеты, безработицы и т. п.

В тоже время практика решительно показывает, что реальные условия бытия никогда не бывают стабильными, а предположение об их априорной стабильности отличается исключительно высоким уровнем гомоморфизма. Отсюда следует, что под меняющейся средой бытия следует понимать «любые компоненты, неподконтрольные субъектам права, способным, однако, к активному воздействию на нее, на общественные процессы в ней». В таких меняющихся условиях бытия морфологию собственности естественно связать с понятием «структура», под которой обычно понимают совокупность некоторых элементов, групп элементов и отношений (связей) между ними, отражающих порядок и последовательность их работы. Это позволило представить собственность как сложный хрематистический, а применительно к РФ – «экономический» объект, включающий в себя объекты собственности, субъекты собственности (собственников, несобственников при отсутствии волеизъявления собственников и несобственников при наличии волеизъявления собственников и согласия несобственников), отношения собственников и таких несобственников к объектам собственности, а также отношения между собственниками и несобственниками по поводу образования, накопления, отчуждения (захвата), присвоения, обмена или мены их, охраны, обороны (защиты), распределения и перераспределения объектов собственности и иные отношения. Эти отношения позволяют охватить весь спектр отношений в обществе с их общепринятым смысловым наполнением, которые, став обязательными для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц, приобретают четкий юридически значимый смысл в форме правоотношений, включающих в себя права, обязанности и ответственность собственников, корреспондирующие им обязанности, права и ответственность несобственников при отсутствии волеизъявления собственников, а также права, обязанности и ответственность несобственников при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников.

Область применения результатов: Представление собственности при ориентации на меняющиеся условия бытия в виде сложного объекта позволило выявить ее потенциальные перспективы на будущее. Они состоят в том, что указанное множество отношений в части касающейся может быть успешно применено на уровне семьи, коллектива людей, общества в целом и т. п., которые в целом «преследуют благородные цели», а также на уровне сообществ людей криминально или революционно перераспределяющих объекты собственности.

Выводы: Исходя из общепринятого понимания категории «структура», собственность в отличие от представлений о ней Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса необходимо определяется как сложный объект, представляющий собой совокупность объектов, субъектов собственности и отношений субъектов к объектам собственности, а также отношений между субъектами собственности по поводу образования, накопления, обмена, мены, распределения и перераспределения и т. п. объектов собственности, которые приобретают характер правоотношений, когда они становятся обязательными для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц, при этом правомочие «распоряжаться» становится синонимом слова «управлять».

Ключевые слова: собственность; морфология (структура); собственники; несобственники при отсутствии волеизъявления собственников; несобственники при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников; стабильные условия бытия; меняющиеся условия бытия; править; владеть; пользоваться; распоряжаться (управлять); обязанности; ответственность.

THE MORPHOLOGY OF OWNERSHIP AND HER LEGAL REPRESENTATION AT ORIENTATION TO CHANGING CONDITIONS OF EXISTENCE

ABSTRACT

State of matter: Stability conditions being in antagonistic societies at all times exercised by the Board, which invariably come from the alleged stability, meaning that the law changes the State of the object of the Board in time known in advance, and therefore the need for feedback here is completely excluded. This invariance of being always easily linked with meaning and value of human life in society, with problems of their existence in the world, with the person, his essence and predestination. In the face of such stabilization right considered creatures of the economy, and, in fact, chremeristics, which literally meant «the art of making wealth and make money» enterprising people, after the completion of enrichment which it was assumed that immediately occur a universal prosperity, while the right, regulating relations in the State directed its efforts at stabilization of just such a situation. A fundamental, essential property which at all times based and State-based stable public relations advocated property. Until recently it was determined either «economic» by G. W. F. Hegel, or «economic-political» by K. Marx view, which were tied to a specially designed for this right of ownership with the appropriate specific semantic content only powers the owner, while the second part of the economic-political submission of the property not found its institutionalization, which determined non-compliant (scarcity) economic, economical-political and legal submission to the property.

Results: In situations of generalized economic stabilization and g. f. Hegel, and economic-political on the property view to Marx., enshrined the three powers of the owner «to own, use and dispose» to a specific semantic content had its limits the applicability of the framework within which fully implemented only the interests of private owners and their organizations to their enrichment. This naturally led to crises and to the natural deterioration of the material situation of the majority of the population, increased poverty, unemployment, etc. At the same time practice strongly indicates that the real conditions of existence are never stable, and speculation about their prior stability differs exclusively high level of homomorphism. It follows that under the changing Wednesday of being «should be understood to mean any components, beyond the subjects of law, able, however, to the active impact on it, the social processes it». In such a changing environment being morphology property naturally associate with the term «structure» under which usually understand the totality of certain elements, groups of elements and relationships (links) between them, reflecting the order and consistency of their work. This enabled to provide property as a complex chremeristics, and, in the case of Russia – «economic» object that includes properties, property (property owners, non-proprietors in the absence of the will of the owners and non-proprietors in the presence of the expression of the consent of the owners and non-proprietors), the relationship of the owners and non-proprietors to the property, as well as the relationship between the owners and non-proprietors about education, Stockpiling, disposal (capture), assign, Exchange or barter their , security, Defense, distribution and redistribution of property and other relations. These relationships allow us to cover the whole spectrum of relations with their generally accepted semantic content, which are becoming mandatory for all in time, space and people, acquire a clear legally meaningful sense in the form of legal relations involving the rights, duties and responsibilities of owners corresponding duties, rights and responsibilities of non-proprietors in the absence of the will of the owners, as well as the rights, obligations and responsibilities of the non-proprietors in the presence of expression and the consent of such non-proprietors.

The scope of results: View property with orientation to the changing conditions of existence as a complex object revealed its potential future prospects. They are the many relationships in the part relating to can be successfully applied at the family level, the team of people, society as a whole, etc., which on the whole «persecuted noble objectives», as well as at the level of communities of people criminal or revolutionary redistributing property.

Conclusions: on the basis of the generally accepted understanding of the category structure, property in contrast to views about it, f. Hegel and Marx should be defined as a complex object that represents a collection of objects, subjects of property and relationship to property, as well as relations between the subjects of ownership regarding education, accumulation, Exchange, Exchange, distribution and redistribution and t. p. properties who acquire the character of legal relations When they become binding for all in time, space and personal, with the authority to «administer» becomes synonymous with «manage».

Keywords: property; morphology (structure); the owners; non-proprietors in the absence of the will of the owners; non-proprietors in the presence of the owners and the consent of such expression of non-proprietors, stable conditions of existence, changing conditions of existence, rule, own, use, Dispose (manage), duties, liability.

Жизнь людей в обществе обычно всегда связывалось с категорией «править», которое В. И. Даль определял как «прямить, выпрямлять; исправлять, поправлять; делать правее, прямее, правильнее, исправнее», а также «исполнять или совершать, соблюдая должное» [7, С. 307], т. е. не выходить за рамки того, что уже было, сохраняя тем самым стабильность среды обитания людей и соответствующей ей социальной действительности, которые можно объединить понятием «условия бытия». Стабильность условий бытия всегда

легко увязывалась со смыслом и ценностью жизни людей в обществе, с проблемами их существования в мире, с самим человеком, его сущностью и предназначением и полностью определяла устойчивость правления. Само же правление неизменно исходило из предполагаемого факта о наличии такой стабильности, означавшего, что закон изменения состояния объекта правления во времени заранее известен, а потому необходимость в обратной связи здесь всегда полностью исключалась. В этой ситуации совершенно понятными являлись

утверждения о персонификации правления, о его насильственном характере, о таких его исторических стадиях, как интердикции (подавлении, запрещении); инфлюации (влиянии), в первую очередь в виде суггестии, т. е. внушения, рациональное регулирование совместных действий, совместного труда людей и т. п. [3, С. 119 – 125].

Формой реализации такого правления неизменно выступала власть, которая определялась как «право, сила и воля над чем-либо, свобода действий и распоряжений, начальствование» [5, С. 226], при этом стабильность власти и бытия людей в обществе неизменно обеспечивалась правом, под которым понималась «узаконенная возможность», «данная кем-либо или признанная обычаями власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в условных пределах» [7, С. 306].

В условиях такой стабилизации право считалось порождением экономики, а, по сути, хрематистики, которая буквально означала «искусство наживать богатство и делать деньги» [1, С. 7] предприимчивыми людьми, после завершения обогащения которых предполагалось, что сразу же наступит всеобщее благоденствие, при этом право, регулируя отношения в государстве, направляло свои усилия на стабилизацию именно такой ситуации. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением внутренне согласованным, которое не опровергло бы само себя в силу внутренних противоречий» [12, С. 473]. В последующем по мере становления сложившейся цивилизации мировоззренческое различие между экономикой и хрематистикой было незаметно утрачено, и «искусство наживать богатство и делать деньги» предприимчивыми людьми соответственно за рубежом получило название «политическая экономия», «экономикс», а в России – «экономика».

Фундаментальным, сущностным свойством, на котором во все времена базировались и базируются в государстве «политическая экономия», «экономикс», а в России – «экономика», а также обеспечивающие их общественные отношения, в общем случае включающие в себя «собственность (присвоение), т. е., по сути, отношение собственников и несобственников к объектам собственно-

сти¹..., а также отношение обмена и распределения» [17, С. 8], т. е. имущественные отношения, является именно собственность. По смыслу это сущностное свойство должно вытекать из содержания имущественного комплекса и в общем случае необходимо возникать по поводу вещи, имущества (вещей), материальных благ, определяться принятой моделью имущественных отношений и требовать учета и обеспечения соответствия своей «экономической», «экономико-политической» и правовой сущности, которые и определяют, по сути, концепцию развития общества.

Следуя В. И. Далю, отнесем к вещи «нечто, предмет, отдельную единицу, всякую неодушевленную особь, в общенар. смысле все, что доступно чувствовать», а также «пожитки, движимое имущество» [5, С. 207], к имуществу – «скарб, пожитки, достаток, состояние» [6, С. 38], к материальным благам – все «вещественное, вечное, вещеватое, чувственное, земное, весомое, занимающее пространство» [6, С. 255], связанное с «добром, всем добрым, полезным, служащим к нашему счастью» [6, С. 128]. Не трудно заметить, что вещь, имущество (вещи), материальные блага могут рассматриваться как объекты собственности, при этом «вещь» представляет собой минимальный, неделимый элемент среди объектов собственности, а слова «вещи» и «имущество» приобретают собирательный смысл и в общепринятом смысле являются синонимами.

В древние времена такое понимание собственности сохранилось лишь в принятых тогда законах, которые с учетом особенностей своей эпохи вносили определенные изменения в ее общепринятое понимание и делали сформированное таким образом ее правовое представление обязательным для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц.

Так, например, еще при шестом правителе Вавилонского царства Хаммурапи в его «Своде законов» понятие «собственность» не только было определяющим, но и классифицировалось по видам: главный объект собственности того времени земля могла быть царской, храмовой, общинной, принадлежать отдельному человеку. Земли могли продаваться, сдаваться в аренду, передаваться по наследству, а о каких-либо ограничениях со стороны общины вообще не упоминалось.

¹ Вставлено автором.

В Древней Индии среди специальных сборников-комментариев священных книг Дхармасутрах («дхарма» $\frac{3}{4}$ санскрит. справедливость, а «сутра» $\frac{3}{4}$ нить), давность которых датируется примерно 600 лет до н.э., главной считалась Манавадхармашастра или Ману-смирити, известная в Европе как Законы Ману. В этих законах к числу основных объектов собственности относили землю, и одновременно считали объектами собственности так же и движимое имущество (рабов, скот, инвентарь). Между таким понятием «собственность» и понятием «владение» тогда существовало определенное отличие: вмешиваться в дела собственника запрещалось, при этом охране указанной собственности уделялось значительное внимание, а «владеть» объектом собственности при этом можно было и, не являясь собственником.

Законы Ману вводили семь возможных способов приобретения объектов собственности: наследование, получение в виде дара или находки, покупка, завоевание, ростовщичество, исполнение работы, а также получение милостыни и, кроме того, определенной известностью пользовалось приобретение объекта в собственность за давностью владения, которая составляла 10 лет и требовала законного подтверждения превращения владельца в собственника, при этом приобретать вещь можно было только у собственника. Если у добросовестного приобретателя обнаруживалась украденная вещь, она возвращалась собственнику, при этом за незаконное присвоение чужой собственности накладывался большой штраф.

В Древней Греции родовое владение объектами собственности составляло первоначальную основу «государственного быта». «Вследствие этого внимание законодателя было направлено на его охранение. Нигде в этом отношении не были приняты такие строгие меры, как, например, в Спарте. Государство являлось собственником земли. Лучшая ее часть была разделена на 9000 жребиев, которые были распределены между гражданами и переходили нераздельно от поколения к поколению. Всекие продажи и сделки были воспрещены. Рабы, которые обрабатывали земли, принадлежали государству и отдавались гражданам, сообразно с их потребностями, во временное владение. Все здесь было рассчитано на то, чтобы гражданин Спарты имел возможность всецело жить для государства,

без всякой заботы о своих частных делах. Однако и этот порядок оказался бессильным против естественного хода вещей. И в Спарте личное начало взяло верх; земли перешли в немногие руки; образовалась противоположность богатых и бедных, а вслед за тем возникли внутренние междоусобия, которые привели республику к падению. Тот же процесс повторился и в других греческих государствах» [22, С. 174 – 175].

В Древнем Риме Законами XII таблиц было введено понятие «частная собственность», а также определенные ограничения, налагаемые на нее. Вначале частная собственность обозначалась термином «*dominium*» (господство лица над вещью, рабом), к которому затем добавилось выражение «*ex iure Quiritium*», т. е. по праву квиритов – римских граждан. Тогда эти термины означали отношение принадлежности объектов собственности первоначально всему римскому народу, а затем в виде частной собственности – римским гражданам. В конце периода римской республики частная собственность обозначалась термином «*proprietas*» (собственность) [15, С. 78; 14, С. 92]. Под ней стали понимать уже не объекты собственности, а наиболее полное, наиболее абсолютное право пользоваться и распоряжаться вещами с теми лишь ограничениями, которые устанавливались самим правом или договором. Отсутствие в древнеримском праве четкого, всестороннего определения правового представления собственности, пригодного на все жизненные случаи, не является случайным. Любая его конкретизация в предположении о стабильных условиях бытия как позитивного права собственности в виде формально определенной, согласованной, непротиворечивой, обобщенной характеристики должно было соответствовать определяемому объекту, хозяйственным условиям его существования. Требование сделать его свободным от противоречий для любых условий являлось весьма существенным для такого действующего права собственности. В связи с этим римские юристы с большой осторожностью относились к таким определениям и обобщенным характеристикам права собственности. Поэтому утверждение римского правоведа Луция Яволена Приска (лат. *Gaius Octavius Tidius Lucius Iavolenus Priscus*) о том, что в таком «праве всякое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может

быть опрокинуто» [13, С. 32–33], следует признать заслуживающим внимания, подтверждающим зависимость права собственности от конкретных хозяйственных условий. Частная собственность выступала здесь как отношение господства прямого, непосредственного, исключительного, т. е., по сути, устраняла любые посягательства всякого третьего лица на вещь.

Поскольку условия бытия во все времена порождали соответствующее ей право, которое делало ее представление обязательным для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц, то имеет смысл, прежде всего, рассмотреть собственность как определяющий элемент именно общественных отношений.

Собственность как «экономическая» категория появилась вместе с человеческим обществом, и ее развитие прошло длительный исторический путь.

Одним из существенных исторических этапов стало правовое учение о собственности Г. В. Ф. Гегеля, который исходил из ее чисто «экономического» представления и отождествлял ее с объектами собственности (рис. 1).

К таким объектам собственности он относил землю, которая, правда, являлась средой обитания всех людей, ее природные ресурсы, вещь, имущество (вещи), материальные блага, не подлежащие отторжению. Это позволяло Г. Гегелю рассматри-

вать человека как личность, неразрывно связанную с принадлежащей ей от рождения такой собственностью, не подлежащей отторжению. Он считал, что собственность любого человека, гражданина является предпосылкой его свободы, развития способностей, образует экономическую основу для свободы и непосредственно формирует феномен личности: «лишь в собственности лицо выступает как разум» [2, С. 100].

Значительным историческим этапом в развитии экономического представления о собственности стало экономико-политическое учение К. Маркса и его последователей. К. Маркс категорически отрицал тождественность собственности понятиям «вещь» и «имущество» и предлагал рассматривать собственность как отношение определенных лиц (собственников) к вещи, имуществу (вещам), материальным благам как к своим, как к принадлежащим им (первая часть), и соответственно – отношению всех других лиц к указанной вещи, имуществу (вещам), материальным благам как к чужим, не принадлежащим им [11, С. 479] (вторая часть) (рис. 2).

Основанием для такого его мнения стало то, что одним из основных источников появления объектов собственности, необходимых для существования человека в обществе, всегда был процесс общественного производства, в основе которого

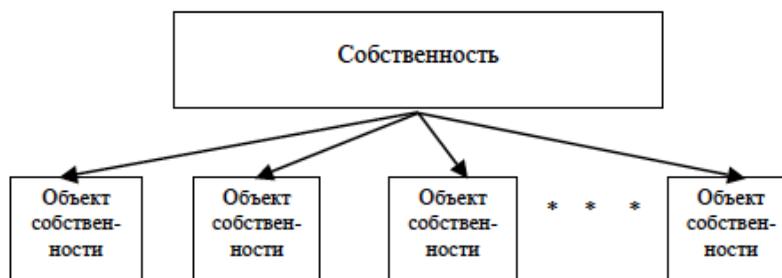

Рисунок 1 – Представление понятия «собственность» по Г. В. Ф. Гегелю

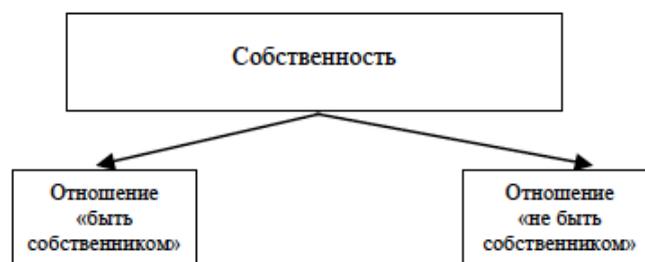

Рисунок 2 – Представление понятия «собственность» по К. Марксу

лежала именно собственность как присвоение, а также разделение и обособление труда. Действительно, возникающие в обществе на основе собственности имущественные отношения всегда были неразрывно связаны с присвоением объектов собственности одними субъектами и отчуждением соответствующих объектов собственности у других, крайним выражением которых были войны. В этом плане присвоение и отчуждение не могли существовать одно без другого [10, С. 713 – 714; 11, С. 471 – 485], а любое общественное производство было невозможно без таких общественных отношений, которые отражали процесс воздействия человека на материальные объекты с целью создания, приобретения или отторжения вещи, имущества (вещей), материальных благ, наиболее полно удовлетворяющих его внутренние потребности либо потребности рынка. Подтверждая эту мысль, К. Маркс писал: «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и внутри нее» [10, С. 713], основу которой составляла именно собственность на средства производства. Говоря иначе, отношения присвоения и отчуждения, объединенные в едином процессе «присвоения», выступали как некое качество, посредством которого происходил указанный процесс присвоения материальных благ, внутренне присущий этой общественной форме, существо которой и определялось имущественными отношениями, а собственность выступала необходимым «условием производства» [11, С. 713], «ядром производственных отношений» [18, С. 7]. На деле же оно отражало только статику довольно узкой части имущественных отношений: это отношение связывалось, прежде всего, с личностью, а как общественную категорию его увязывали только с организациями людей, членам которых и которым оно должно было служить и удовлетворять их определенные потребности. Эту мысль подтверждают и известный московский цивилист Е. А. Суханов, который представлял экономико-политический характер собственности как «отношение присвоения конкретными лицами определенного имущества, влекущее его отчуждение от всех иных лиц и предоставляющее возможность хозяйственного господства над присвоенным имуществом, соединенную с необходимостью несения бремени его содержания» [4, С. 479], и известный

петербургский цивилист Ю. К. Толстой, который отмечал: «В самом первом приближении собственность можно определить как отношение индивида или коллектива к принадлежащей ему вещи как к своей. Собственность покоится на различении моего и твоего» [19, С. 15 – 16].

Именно по этой причине собственность на средства производства и была принята К. Марксом в качестве основного (сущностного) классификационного признака деления целостного организма общества – его общественно-экономической формации на различные виды (модели). Как отношение он связывал собственность с группами людей, являющихся собственниками средств производства (первая часть), и группами людей, не являющимися ими (вторая часть), что и позволило ему установить классы людей, исходя из степени эксплуатации одних другими.

Как юридическая категория собственность до настоящего времени полностью определяется лишь экономическим по Г. В. Ф. Гегелю представлением, которое в определенной степени сходно только с первой частью экономико-политического по К. Марксу представления собственности, и закрепляется специально разработанным для этого соответствующим правом собственности, при этом вторая часть экономико-политического представления собственности не нашла своего юридического закрепления, что и определило несоответствие (дефицитарность) экономического, экономико-политического и правового представления собственности. Это полностью подтверждается мнением петербургского цивилиста профессора Ю. К. Толстого, который считает, что поскольку «собственность – это отношение собственника к принадлежащей ему вещи как к своей», то оно выражается только «во владении, пользовании и распоряжении ею» с соответствующим их специфическим смысловым наполнением [20, С. 71 – 78]. Указанное специфическое смысловое наполнение правомочий собственника законодателем в Гражданском кодексе (ГК) РФ раскрыто не было, что позволило ведущему научному сотруднику института законодательства и сравнительного правоведения, канд. юрид. наук. В. В. Чубарову в комментарии к ст. 209 ГК РФ определить правомочия собственника следующим образом:

«а) владеть, т. е. реально обладать;

б) пользоваться, т. е. извлекать выгоду, для которой имущество предназначено;

в) распоряжаться, т. е. определять его юридическую судьбу: продавать, дарить, сдавать в аренду, отдавать в залог и т. п.»

что принципиально изменило их сущность, поскольку только правомочие владеть объектом собственности непосредственно связано с правом определять его юридическую судьбу, которая может меняться в результате купли-продажи, дарения, наследования и т. п.

Обеспечивающее стабильность условий бытия экономическое по Г. В. Ф. Гегелю и экономико-политическое по К. Марксу представление собственности, закрепленное тремя правомочиями собственника «владеть, пользоваться и распоряжаться» с указанным выше смысловым наполнением, естественно, имело свои границы применимости, в рамках которых в полной мере реализовывались лишь интересы частных собственников и их организаций по их обогащению. Это естественно приводило, с одной стороны, к закономерному росту богатства частных собственников, а с другой стороны, к кризисам и к закономерному ухудшению материального положения большинства населения, росту нищеты, безработицы и т. п. Само собой разумеется, что компенсация указанного негатива, как это принято при реализации основанных только на частной собственности рыночных отношений, регулярно перекладывается на плечи населения страны.

В то же время практика решительно показывает, что реальные условия бытия никогда не бывают стабильными, а предположение об их априорной стабильности отличается исключительно высоким уровнем гомоморфизма. Отсюда следует, что под меняющейся средой бытия следует понимать «любые компоненты, неподконтрольные субъектам права, способным, однако, к активному воздействию на нее, на общественные процессы в ней». Становится понятным, что сложившееся правовое обеспечение реальных меняющихся условий бытия оказывается не обеспеченным существующими теоретическими наработками и, прежде всего, сложившимися к настоящему времени экономическому, экономико-политическому и правовому представлению понятия «собственность». Это в полной мере подтверждает, например, тот факт,

что ГК РФ включил в состав объектов собственности еще и имущественные права, которые, однако, являются одним из видов отношений, а потому объектом собственности в принципе быть не могут, поскольку имеют совершенно иную природу.

Переход от представлений Г. В. Ф. Гегеля о собственности как объектах собственности к представлению К. Марксом собственности в виде отношений собственников к объектам собственности как к своим, как к принадлежащим им и соответственно – отношение всех других лиц к ним как к чужим, не принадлежащим им, должен был бы потребовать, прежде всего, формального задания таких отношений. Для этого надо было указать, между какими субъектами оно выполняется и между какими субъектами оно не выполняется. Это означало, что отношение «быть собственником» можно было считать полностью определенным, если бы имелась возможность составить список всех людей, у которых в собственности были объекты собственности, а отношение «быть не собственником» можно было считать определенным, если имелась возможность составить список всех людей, у которых в собственности такие объекты собственности не находились. Кроме того, такие отношения можно было бы определить не только для пар субъектов (бинарные отношения), но и для троек, четверок и т. д. Например, отношение «образовывать множество сособственников», которое связано с понятием «общая собственность», может выполняться для групп из нескольких людей. Оно может быть задано списками лиц, относящихся к одному объекту собственности как к своему, при этом это отношение не следует путать с бинарным отношением «входить в одно множество сособственников». Однако цивилистическая наука ограничилась лишь указанием правомочий с их весьма специфическим наполнением, которые позволяли понять, что же такое собственник и только.

Изложенное показывает, что природа представления собственности в виде объектов собственности и отношений к ним собственников и несобственников к объектам собственности принципиально отлична друг от друга. В то же время можно заметить, что оба эти представления вместе весьма односторонне отражают единую материальную основу лишь интересов частного собственника и на параметрическом уровне в пра-

вовом плане выражаются только в правомочиях владеть, пользоваться и распоряжаться собственником принадлежащими ему объектами собственности с указанным выше соответствующим специфическим их смысловым наполнением этих его правомочий. Именно эта «единая материальная основа интересов частного собственника» и была положена в основу правового представления собственности. Такое юридическое представление собственности привело к тому, что вторая часть экономико-политического представления собственности не нашла своего юридического закрепления, что и определило указанную выше дефицитарность отображения экономического и экономико-политического представления собственности в ее правовое представление. Это полностью подтверждается мнением цивилиста петербургского профессора Ю. К. Толстого, который считает, что поскольку «собственность – это отношение собственника к принадлежащей ему вещи как к своей», то оно выражается только «во владении, пользовании и распоряжении ею» с соответствующим их специфическим наполнением [9, п. 3 комментария к ст. 209].

Отмеченная неопределенность во все времена обеспечивала именно ориентацию общества только на создание стабильных, определяющих среду сосуществования антагонистических классов общественных отношений, в которой, прежде всего, была заинтересована именно предприимчивая часть общества, имеющая в этих стабильных условиях гарантированную возможность получения прибыли за счет большинства. По этой причине такая стабильная направленность поддерживалась всеми известными течениями экономической и правовой мысли, которые, по сути, отражали историческое движение не по ленинской спирали, а фактически только по кругу: несколько раз, менялись представления ученых о названии самой науки о природе создаваемого богатства, о роли государства в экономике и т. д. [21, С. 5].

Переориентация на реальные меняющиеся условия бытия определила необходимость научного обобщения сложившихся мировоззренческих взглядов на собственность, поскольку и представление ее в виде объектов собственности, и в виде отношения к ним собственников и несобственников обеспечивали лишь фактически только

интересы собственников и весьма односторонне определяли содержание собственности.

Прежде всего, определим собственность на категориальном уровне свойством или совокупностью свойств, позволяющих отличить ее от других объектов. Если следуя В. И. Далю, понимать под собственностью «личное достояние» [8, С. 114], то, на мой взгляд, более четким свойством, характеризующим собственность, будет «принадлежность кому чего-нибудь» [16, С. 593].

Определив собственность как «принадлежность» естественно уточнить совокупность элементов, из которых она состоит. Рассмотрение представлений о собственности Г. В. Ф. Гегеля показывает, что в нее входили только объекты собственности, а представлений о собственности К. Маркса говорит, что ее элементами являлись собственники и несобственники, т. е. субъекты собственности, а также их отношения к объектам собственности. Для их обобщения имеет смысл перейти от простого перечисления отдельных элементов (объектов, субъектов собственности, отношений субъектов собственности к объектам собственности) к более высокому структурному уровню ее представления.

В общепринятом понимании «структурой» обычно называют совокупность некоторых элементов, групп элементов и отношений (связей) между ними, которые отражают порядок и последовательность их работы.

При ориентации на меняющиеся условия бытия, определяющими структуру собственности, являются, прежде всего, объекты собственности, в качестве которых по-прежнему в смысле В. И. Даля выступают вещь [5, С. 207], вещи (имущество [6, С. 38]) и материальные блага [6, С. 255; 5, С. 128]. Именно они, следуя Г. В. Ф. Гегелю, и являются предпосылкой свободы человека, развития его способностей, образует экономическую основу для свободы.

Вторую группу элементов составляют субъекты собственности, в качестве которых выступают собственники и несобственники. Если, следуя К. Марксу, считать, что собственники $\frac{3}{4}$ это лица, которые считают объекты собственности своими, принадлежащими им, то несобственники $\frac{3}{4}$ это лица, для которых объекты собственности, наоборот, являются чужими, не принадлежащими им.

Естественно, что между этими элементами существуют отношения, которые можно поделить, следуя К. Марксу, на две группы:

- отношения собственников к принадлежащим им объектам собственности как к своим;
- отношения несобственников к не принадлежащим им объектам собственности как к чужим.

Тогда структура экономического представления собственности, основанная только на представлениях Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса и определяющая только отношения собственников и несобственников к объектам собственности при ориентации на меняющиеся условия бытия будет иметь вид, представленный на рис. 3.

Однако в отличие от мнения К. Маркса, поделившего субъектов собственности только на собственников и несобственников, несобственники могут выступать в двух ипостасях:

- несобственники, для которых объекты собственности просто являются чужими, не принадлежащими им;
- несобственники, для которых объекты собственности являются чужими, не принадлежащими им, но которые в соответствии с волеизъявлением собственников и наличием своего согласия могут использовать объекты собственности в интересах собственников.

Естественно, что между этими элементами по поводу объектов собственности существуют уже иные, нежели у К. Маркса отношения, которые

можно поделить на три группы:

- отношения собственников к принадлежащим им объектам собственности;
- отношения несобственников к не принадлежащим им объектам собственности;
- отношения несобственников к не принадлежащим им объектам собственности, которые, однако, они могут использовать при наличии волеизъявления собственников и своем согласии как несобственников.

При ориентации на меняющиеся условия бытия отношения собственников к принадлежащим им объектам собственности приобретают общепринятый смысл:

- **владеть**, т. е. иметь в своей собственности, называть объекты собственности по праву своими, непосредственно связано с правом определять их юридическую судьбу, которая может меняться в результате купли-продажи, дарения, наследования и т. п.;
- **пользоваться**, т. е. получать, извлекать пользу из объекта собственности;
- **распоряжаться (управлять)**, т. е. создавать условия для извлечения максимально полезных свойств из объектов собственности (принимать меры, отдавать приказание, заведовать, надзирать за объектами собственности, в том числе сдавать их в аренду, передавать в залог и т. п. без права определять их судьбу).

Для субъектов собственности перечисленные отношения будут выражаться соответственно следующими функциями:

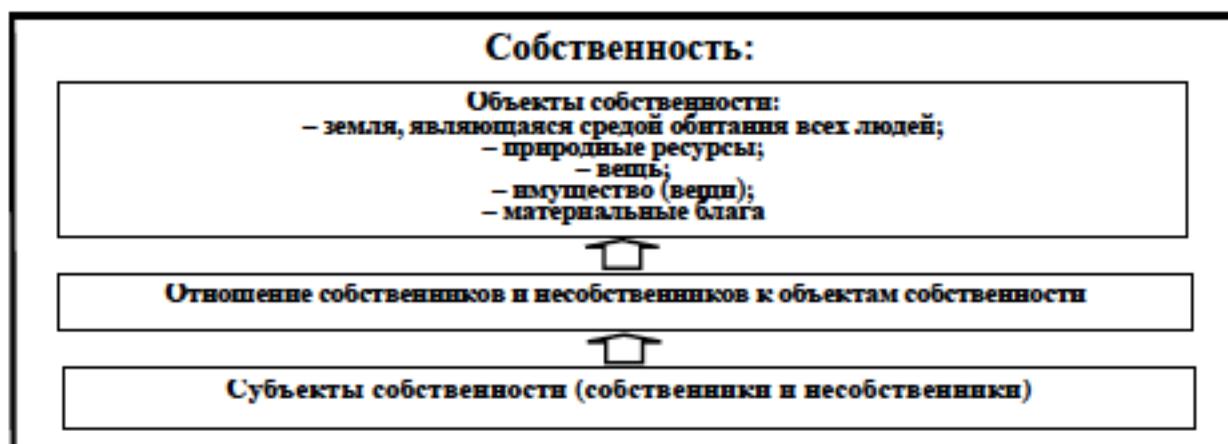

Рисунок 3 – Морфология экономического представления собственности

- для **собственников** владеть, пользоваться, распоряжаться (управлять), нести бремя по содержанию принадлежащих ему объектов собственности, не нарушать права третьих лиц, отвечать за неисполнение обязанностей, отвечать за ненадлежащее исполнение обязанностей, отвечать за ненадлежащую реализацию своих прав;
- для **несобственников при отсутствии волеизъявления собственников** не владеть, не пользоваться, не распоряжаться (не управлять), не нарушать права собственников и третьих лиц; не нести бремя по содержанию принадлежащих собственникам объектов собственности; отвечать за неисполнение обязанностей, отвечать за ненадлежащее исполнение обязанностей, отвечать за ненадлежащую реализацию своих прав;
- для **несобственников при наличии волеизъявления собственников и согласии таких несобственников** пользоваться, распоряжаться (управлять) переданными ему собственниками объектами собственности для наиболее полного удовлетворения потребностей собственников; нести оговоренное с собственниками бремя по содержанию переданных ему объектов собственности, не нарушать права собственников и третьих лиц; отвечать за неисполнение обязанностей, отвечать за ненадлежащее исполнение обязанностей, отвечать за ненадлежащую реализацию своих прав.

Все вместе они позволяют охватить весь спектр отношений между субъектами собственности к объектам собственности.

Если дополнительно учесть также еще и множество отношений между субъектами собственности, к числу которых, например, можно отнести отношения «образовать» («произвести»), «накопить», осуществить «отчуждение» («захват»), «присвоить», «поменять», «обменять», «распределить», «перераспределить», «охранять», «оборонить» («защитить») и иные отношения, то сама собственность может рассматриваться как сложный хрестоматический, а применительно к РФ – «экономический» объект, включающий в себя объекты, субъекты собственности, отношения субъектов собственности к объектам собственности, а также отноше-

ния между субъектами собственности по поводу образования, накопления, отчуждения (захвата), присвоения, обмена или мены их, охраны, обороны (защиты), распределения и перераспределения объектов собственности и иные отношения. С учетом этого отношения между субъектами собственности, например, могут принять вид:

а) **между самими собственниками**, владеющими объектами собственности и использующими их, для которых они являются своими:

- образовать за счет других собственников новые объекты собственности;
- накопить за счет других собственников объекты собственности;
- произвести отчуждение (захват) объектов собственности у других собственников;
- присвоить объекты собственности, принадлежащие другим собственникам;
- поменять объекты собственности;
- обменять объекты собственности;
- охранять свои объекты собственности;
- оборонять (защитять) свои объекты собственности;

б) **между несобственниками при отсутствии волеизъявления собственников:**

- поменять свою рабочую силу на рабочую силу или имущество других несобственников;
- обменять свою рабочую силу на рабочую силу или имущество других несобственников;

в) **между несобственниками при наличии волеизъявления собственников и согласии несобственников:**

- поменять свою рабочую силу на рабочую силу или имущество других несобственников;
- обменять свою рабочую силу на рабочую силу или имущество других несобственников;

г) **между собственниками, владеющими объектами собственности и использующими их, и несобственниками при отсутствии волеизъявления собственников:**

- образовать (произвести) за счет труда несобственников и имущества, обеспечивающего их существование, новые объекты собственности;

- накопить за счет труда несобственников и имущества, обеспечивающего их существование, объекты собственности;
- провести отчуждение (захватить) у несобственников принадлежащее им умение трудиться и имущества, обеспечивающего их существование;
- присвоить результаты труда несобственников и имущество, обеспечивающее их существование;
- поменять свои объекты собственности на результаты труда несобственников и имущество, обеспечивающее их существование;
- обменять свои объекты собственности на результаты труда несобственников и имущество, обеспечивающее их существование;
- охранять свои объекты собственности от несобственников;
- оборонять (защищать) свои объекты собственности от несобственников;

в) между собственниками, владеющими объектами собственности, и несобственниками при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников:

- распределять между несобственниками при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников принадлежащие собственникам объекты собственности;
- перераспределять между несобственниками при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников принадлежащие собственникам объекты собственности;

г) между несобственниками при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников и собственниками, владеющими объектами собственности:

- передавать собственникам образованные (произведенные) за счет труда несобственников и имущества, обеспечивающего их существование, новые объекты собственности;
- передавать собственникам накопленные за счет труда несобственников и имущества, обеспечивающего их существование, объекты собственности;
- передавать собственникам результаты про-

веденного отчуждения (захвата) у несобственников принадлежащего им умения трудиться и имущества, обеспечивающего их существование;

- передавать собственникам присвоенные результаты труда несобственников и имущество, обеспечивающее их существование;
- передавать собственникам поменянные по их поручению объекты собственности на результаты труда несобственников и имущество, обеспечивающее их существование;
- передавать собственникам обменные по их поручению объекты собственности на результаты труда несобственников и имущество, обеспечивающее их существование;

д) по поручению собственников между несобственниками при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников и несобственниками при отсутствии волеизъявления собственников:

- образовать (произвести) за счет труда несобственников и имущества, обеспечивающего их существование, новые объекты собственности;
- накопить за счет труда несобственников и имущества, обеспечивающего их существование, объекты собственности;
- провести отчуждение (захватить) у несобственников принадлежащее им умение трудиться и имущества, обеспечивающего их существование;
- присвоить результаты труда несобственников и имущество, обеспечивающее их существование;
- поменять объекты собственности на результаты труда несобственников и имущество, обеспечивающее их существование;
- обменять объекты собственности на результаты труда несобственников и имущество, обеспечивающее их существование;
- охранять объекты собственности от несобственников;
- оборонять (защищать) объекты собственности от несобственников;

е) между несобственниками при отсутствии волеизъявления собственников и собственниками, владеющими объектами собственности и использующими их:

- криминально перераспределить объекты собственности;
- революционно перераспределить объекты собственности;

ё) между несобственниками при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников и самими собственниками:

- передать образованные (произведенные) объекты собственности;
- передать накопленные объекты собственности;
- передать отчужденные (захваченные) объекты собственности;
- передать присвоенные объекты собственности;
- передать поменянные объекты собственности;
- передать обменные объекты собственности на результаты труда несобственников и их имущество, обеспечивающее их существование, собственникам денежных средств;

ж) между собственниками денежных средств и несобственниками при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников:

- распределить объекты собственности;
- перераспределить объекты собственности.

Все вместе они позволяют охватить весь спектр отношений в обществе, которые, став обязательными для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц, приобретают четкий юридически значимый смысл в форме правоотношений, включающих в себя права, обязанности и ответственность собственников, корреспондирующие им обязанности, права и ответственность несобственников при отсутствии волеизъявления собственников, а также права, обязанности и ответственность несобственников при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников (рис. 4).

Из рис. 4 видно, что полученное новое структурное представление собственности определяет возможность взаимодействия субъектов и объектов собственности, что придает им эмерджентные свойства, которыми отдельно объекты собственности и субъекты собственности не обладали. Кроме того, такое представление собственности позволяет полностью исключить дефицитарность экономического и экономико-политического отображения

в ее правовое отображение, что открывает возможность обеспечения в условиях вариации среды бытия жизнедеятельность общества не только усилиями его предприимчивой части, но и совместными усилиями самого общества.

Таким образом, при ориентации на меняющиеся условия бытия структура экономического применительно к РФ представления собственности будет представлять собой сложный объект, включающий в себя объекты собственности, субъекты собственности, отношения собственников и несобственников к объектам собственности, а также отношения между собственниками и несобственниками по поводу образования (производства), накопления, мены, обмена, распределения и перераспределения и т. п. объектов собственности, при этом указанные отношения приобретают характер правоотношений с законодательно закрепленными правами, обязанностями и ответственностью субъектов собственности, когда они становятся обязательными для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия: в 52 т. – 2-е изд. – М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1950. – Т. 3. – 632 с.
2. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / Пер. с нем.: ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянца. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Гелих О. Я. *Управление в социально-философском и социологическом понимании* // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: научный журнал № 117, 2009. – С. 119 – 125.
4. *Гражданское право России*. [Учеб. для вузов по спец. «Правоведение»]: В 2-х т. Т. 1. / Под ред. Е. А. Суханова. – М.: БЕК, 1993. – 382 с.
5. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 тт. Т. 1: А – З. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с.
6. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 тт. Т. 2: И – О. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 672 с.
7. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 тт. Т. 3: П – Р. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 576 с.
8. Даль В. И. *Толковый словарь живого ве-*

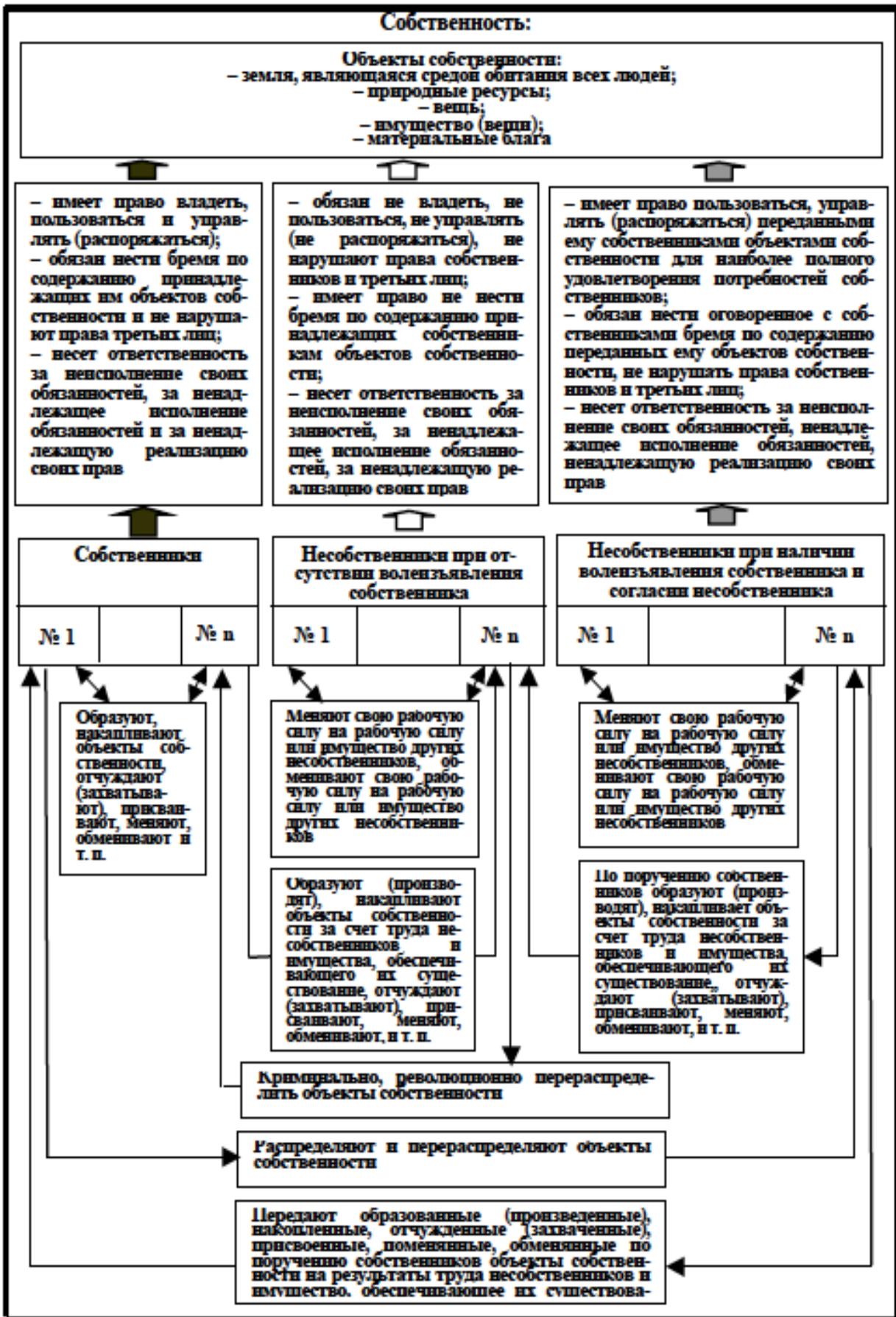

Рисунок 4 – Морфология правового представления собственности, учитывая правоотношения субъектов собственности к объектам собственности и отношения между субъектами собственности

ликорусского языка. В 4 тт. Т. 4: С – V. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 576 с.

9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный); рук. автор. кол-ва и отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О. Н. Садилов. – М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1997. – XXII. – 778 с.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958. – Т. 12. – 879 с.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 46, ч. 1. – 559 с.

12. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Политиздат: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1986. – Т. 2. – 543 с.

13. Нерсесянц В. С. Философия права: краткий учеб. курс. – М.: НОРМА-ИНФА-М, 2000. – 241 с.

14. Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права: учебник для юрид. вузов и фак. – М.: Госюриздат, 1960. – 240 с.

15. Новицкий И. Б. Римское частное право. – М.: Тип. «Кр. знамя»-тип. «Гудок», 1948. – 230 с.

16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд.,

испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 736 с.

17. Политическая экономия: учеб. пособие для школ основ марксизма-ленинизма / О. Н. Агапова [и др.]; рук.-ли автор. коллект. А. Н. Малафеев, Ю. В. Яковец. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – 367 с.

18. Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. – М.: Юрид. лит., 1991. – 238 с.

19. Толстой Ю. К. К учению о праве собственности // Правоведение, 1992. – N 1. – С. 15 – 17.

20. Толстой Ю. К. Собственность и право собственности граждан в СССР // Вопросы гражданского права и процесса: сб. – Л., 1969. – С. 71 – 78.

21. Хрестоматия по экономической теории / Сост. Е. Ф. Борисов. – М.: Юристъ, 1997. – 536 с.

22. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. – СПб.: Издательство РХГА, 2005. – 824 с.

Статья поступила в редакцию 5 мая 2017 г.

ДОМАКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ

ЧТО ДЕЛАТЬ В РОССИИ XXI ВЕКА

АННОТАЦИЯ

Состояние вопроса: Продолжающийся в РФ экономический кризис, приводит, как и везде, с одной стороны, к закономерному росту богатства российских капиталистов и властвующей бюрократии, а, с другой стороны, к закономерному ухудшению материального положения большинства населения, росту нищеты, безработицы и т. п. Компенсация указанного капиталистического негатива, как это принято при реализации основанных только на частной собственности рыночных отношений, регулярно перекладывается на плечи населения страны. Последнее естественно может привести к разнообразным социальным конфликтам, которые по понятным причинам не смогут улучшить положения в РФ. Практика хозяйствования показывает полное несоответствие ее нынешнему теоретическому обеспечению, поскольку все попытки изменить ситуацию оказываются, по сути, безрезультатными. Докладную записку в адрес Президента РФ, уважаемого В. В. Путина следует рассматривать как вариант решения экономической проблемы, которым можно при желании воспользоваться.

Результаты: Для улучшения материального положения большинства населения было предложено перейти от конкуренции только частных собственников и их организаций, которая неотвратимо создает условия для указанного выше негатива, к конкуренции общества как фактического собственника народного достояния и его организаций и частных собственников и их организаций. Достаточной материально-правовой основой такого перехода должно стать введение:

1) единой для права и его отраслей системы принципов права, которая основывается на общечеловеческих ценностях и определяет аксиоматику отношений в обществе;

2) новой структуры экономического и правового представления собственности, включающий в себя объекты собственности, субъекты собственности (собственников, несобственников при отсутствии волеизъявления собственников и несобственников при наличии волеизъявления собственников и согласия таких несобственников), и соответственно отношения и правоотношения собственников и указанных несобственников к объектам собственности, а также соответственно отношения и правоотношения между собственниками и такими несобственниками по поводу образования, накопления, отчуждения (захвата), присвоения, обмена или мены их, охраны, обороны (защиты), распределения и перераспределения и т. п. объектов собственности и иные отношения;

3) понятий «функция» права и «норма» права как «направленных, избирательных правовых воздействий» при реализации хозяйственной деятельности;

4) в рамках ст. 244 ГК РФ вместо форм собственности публичной собственности, в рамках которой каждый гражданин становится сособственником народного достояния без выделения его доли.

Тогда для максимизации наполнения бюджета применительно к меняющимся условиям хозяйствования оказывается необходимо только:

1) установить оптимальные правовые возможности в РФ для ведения субъектами права хозяйственной деятельности с использованием объектов публичной и частной собственности, поскольку полная свобода приводит к анархии и произволу, а сужение возможностей резко уменьшает наполнение бюджета страны;

2) определить в рамках установленных оптимальных правовых возможностей в РФ по ведению хозяйственной деятельности оптимальные пропорции между объектами публичной и частной собственности.

Область применения результатов: Полученные результаты могут использоваться для максимизации наполнения бюджетов всех уровней, которые могут обеспечить реализацию интересов и общества, и его предприимчивой части.

Выводы: Конкуренция при использовании объектов частной собственности и объектов публичной собственности позволяет перейти в рамках рыночных отношений и практически без всяких затрат от конкуренции только частных собственников и их организаций, которая и приводит к кризисам, безработице, нищете и т. п., к конкуренции между обществом с его организациями и частными собственниками с их организациями, которая и обеспечит максимизацию наполнения бюджета страны.

Ключевые слова: экономический кризис; хрестоматика; «политическая экономика»; «экономикс»; экономика; собственность; частная собственность; публичная собственность; структура собственности; максимизация бюджета.

WHAT TO DO IN RUSSIA XXI CENTURIES

ABSTRACT

State of matter: The ongoing Russian economic crisis leads, as elsewhere, on the one hand, to a natural increase in the wealth of the Russian capitalists and the ruling bureaucracy, and, on the other hand, to a natural deterioration of the material situation of the majority of the population, growth of poverty, unemployment, etc. Compensation specified capitalist negativity, as is customary in the implementation based only on private property, market relations, regularly shifted to the shoulders of the population. The latter course can lead to a variety of social conflicts, which for obvious reasons will not be able to improve the situation in the Russian Federation. Practice management shows complete non-compliance with its current theoretical support, since all attempts to change the situation are, in fact, futile.

Results: To improve the material situation of the majority of the population was asked to move from competition only private owners and their associations, which inevitably creates the conditions for the above negativity, to the competition of the company as the actual owner of the national heritage and its organizations, and private owners and their organizations. Sufficient substantive basis for such a transition should be introduction:

1) unified to the right and sectors of the system of the principles of law, which is based on universal values and determines the axiomatic relations in society;

2) the new structure of the economic and legal presentation of your property, including objects of property, subjects of property (owners, not owners in the absence of the will of the owners and not owners in the presence of the will of owners and the consent of such not owners), and therefore the relationship and the relationship of owners and not owners of these objects of ownership, and the relationship and the relationship between such owners and not owners regarding the formation, accumulation, alienation (seizure), assignment, exchange, or barter them, protection, defense (protection), distribution and redistribution, etc. of property and other relations;

3) the concepts of «function» of law and «rule» of law as «directed, selective legal effects» in the implementation of economic activities;

4) in article 244 of the civil code instead of the forms of ownership of public property in which every citizen becomes an owner of the national heritage without the release of its share.

Then to maximize the filling of the budget with respect to changing economic conditions it turns out you only need:

1) to establish the optimal legal opportunities in Russia for the conduct of the subject-mi right business activities with a focus on public and private property, because total freedom leads to anarchy and tyranny, and the narrowing of possibilities dramatically reduces the content of the budget of the country;

2) determine within the established optimal legal opportunities in Russia on the business activities of optimal proportion between public objects and private property.

The scope of results: The obtained results can be used to maximize the filling of budgets of all levels that can ensure the realization of interests and companies, and enterprising part.

Conclusions: Competition for the use of private property and objects of public property allows you to move within the market and virtually no cost from the competition only for private owners and their organizations, which leads to crises, unemployment, poverty, etc., to competition between the society with its organisations and private owners with their organizations, which ensure the maximization of the filling of the budget of the country.

Keywords: economic crisis; chrematistics; «political economy»; «Economics»; economy; property; private property; public property; ownership structure; maximizing budget.

Президенту РФ

Путину Владимиру Владимировичу

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Эмпирическая часть

Продолжающийся в РФ экономический кризис, который усугублен еще и зарубежными санкциями, естественно приводит, с одной стороны, к закономерному росту богатства российских капиталистов и властвующей бюрократии, а, с другой стороны, к закономерному ухудшению материального положения большинства населения, росту нищеты, безработицы и т. п. Само собой разумеется, что компенсация указанного капиталистического негатива, как это принято при реализации основанных только на частной собственности рыночных

отношений, регулярно перекладывается на плечи населения страны. Последнее естественно может привести к разнообразным социальным конфликтам, которые по понятным причинам не смогут улучшить положения в РФ.

Практика хозяйствования показывает полное несоответствие ее нынешнему теоретическому обеспечению. На сегодня в рамках хрематистики, которую за рубежом называют «политическая экономика», «экономикс», а в России — «экономика», все попытки изменить ситуацию оказываются, по сути, безрезультатными, а обещания роста экономики ведущими финансистами и экономистами весьма напоминают посулы, которые в свое время безнадежно давал академик П. Д. Лысенко. Не спасает положения и заявленное приглашение Правительством РФ на работу в ВУЗы и на мно-

гочисленные дорогостоящие конференции выдающихся «зарубежных ученых-экономистов», которые без учета реальных условий хозяйствования в России и менталитета россиян пытаются внедрить основанные на конкуренции только частных собственников и их организаций свои рыночные методы.

Проблема состоит в том, что в принципе нельзя обеспечить жизнедеятельность общества через обогащение его предприимчивой части при наивном предположении, что как только она обогатится, то сразу же наступит всеобщее благоденствие.

Теоретическая часть

Полученные еще в 2003 г. научные результаты постоянно совершенствовались и в 2009 г. включили в себя:

1) конкретизированную закономерность изменения эффективности жизнедеятельности общества в условиях вариации среды хозяйствования, которая в общем случае определяется соответствующим характером правового статуса собственника и несобственника в виде корреспондирующих друг другу их прав, обязанностей и ответственности, имеющих, по сути, единую природу функций права, как направленных воздействий права на отношения в обществе;

2) разработанную единую для права и его отраслей систему принципов права, определяющую правовую аксиоматику отношений в обществе при ориентации на меняющиеся условия хозяйствования, которая основывается на общечеловеческих ценностях и включает в себя взаимосвязанные и взаимодействующие основополагающие правовые идеи (принципы права), от которых на данном временном интервале нельзя отступить;

3) разработанные структуры экономического и правового представления собственности применительно к меняющимся условиям хозяйствования, включающие в себя объекты собственности, субъекты собственности, и соответственно отношения и правоотношения собственников и несобственников к объектам собственности, а также соответственно отношения и правоотношения между собственниками и несобственниками по поводу образования, накопления, отчуждения (захвата), присвоения, обмена или мены их, охраны, обороны (защиты), распределения и перераспределения объ-

ектов собственности и иные отношения;

4) разработанное представление функций и норм права при ориентации на меняющиеся условия хозяйствования как «направленных, избирательных правовых воздействий» при реализации хозяйственной деятельности;

5) разработанные имущественные правоотношения в РФ по поводу объектов собственности между собственниками и несобственниками в меняющихся условиях хозяйствования при отсутствии волеизъявления собственников и при наличии волеизъявления собственников и согласия несобственников;

6) разработанные при ориентации на меняющиеся условия хозяйствования имущественные правоотношения в РФ между собственниками и несобственниками на основе оптимального сочетания частной и введенной на основании ст. 244 ГК РФ публичной собственности, в рамках которой каждый гражданин становится сособственником народного достояния без выделения его доли;

7) разработанный метод организации правовых режимов использования объектов публичной и частной собственности при ориентации на меняющиеся условия хозяйствования, основанный на применении расширенного комплекса правовых средств, представляющих собой сочетание взаимодействующих пределов, запретов, ограничений, дозволений, а также позитивных обязываний, проведенную количественную оценку его эффективности, а также разработанные концептуальные предложения по максимизации наполнения бюджета РФ.

Указанные теоретические наработки позволят полностью избежать отмеченного в экспериментальной части негатива и перейти в рамках рыночных отношений и практически без всяких затрат от конкуренции только частных собственников и их организаций, которая и приводит к кризисам, безработице, нищете и т. п., к конкуренции между обществом с его организациями и частными собственниками с их организациями при небольшой корректировке соответствующей материально-правовой основы, что позволит не только устранить указанный выше негатив, характерный для классовых обществ, но и максимизировать наполнение бюджета всех уровней. Методы математического программирования позволяют это сделать.

Методологическая часть

На основании полученных теоретических результатов были разработаны методологические основы экономико-хрестатистического обеспечения жизнедеятельности и общества, и его предприимчивой части при ориентации на меняющиеся условия хозяйствования; детально рассмотрены имущественные правоотношения в РФ на основе частной собственности; имущественные правоотношения в РФ на основе существующих форм собственности и показана необходимость их модификации, сформированы имущественные правоотношения в РФ методом комплексирования вида и форм собственности и определены перспективы их правовой материализации при ориентации на меняющиеся условия хозяйствования.

Практическая часть

Теоретические наработки и предложенные методологические основы предопределили возможность для разработки правовых режимов использования объектов собственности в РФ при ориентации на меняющиеся условия хозяйствования, исходящих из оптимального сочетания построенного на диспозитивных началах общедозволительного порядка и построенного на императивных началах разрешительного и правоохранительного порядков. Это позволило просто подкорректировать функции соответствующих

социальных институтов, обеспечивающих сегодня программное (без обратной связи) правовое регулирование:

- каждого отдельного вида деятельности (саморегуляция);
- процесса взаимодействия и кооперирования субъектов частного права;
- процесса взаимодействия субъектов публичного права, одновременно выступающих и в роли юридических лиц, на функции, обеспечивающие замкнутое (с обратной связью) правовое управление;
- каждым отдельным видом деятельности (самоуправление);
- процессом взаимодействия и кооперирования всех субъектов частного права, включая и общество;
- процессом взаимодействия субъектов публичного права без права для них одновременно выступать и в роли юридических лиц, где программное (без обратной связи) правовое регулирование выступает всего лишь как частный случай замкнутого (с обратной связью) правового управления.

С учетом этого для максимизации наполнения бюджетов всех уровней применительно к меняющимся условиям хозяйствования оказывается необходимо только (рис. 1):

- 1) установить оптимальные правовые возможности в РФ для ведения субъектами права

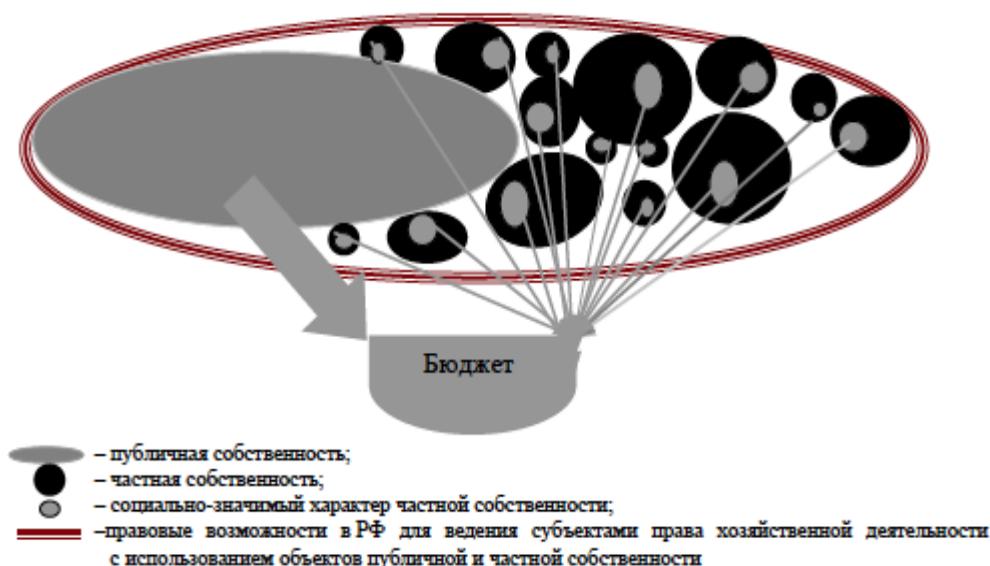

Рисунок 1 – Оптимизация правовых возможностей в РФ для ведения субъектами права хозяйственной деятельности и определение в рамках этих правовых возможностей оптимальных пропорций между объектами публичной и частной собственности для максимального наполнения бюджета страны

хозяйственной деятельности с использованием объектов публичной и частной собственности, поскольку полная свобода приводит к анархии и произволу, а сужение возможностей резко уменьшает наполнение бюджета страны;

2) определить в рамках установленных оптимальных правовых возможностей в РФ по ведению хозяйственной деятельности оптимальные пропорции между объектами публичной и частной собственности для максимального наполнения бюджета страны.

Проведенная количественная оценка эффективности подтвердила правильность полученных результатов, на базе которых были разработаны концептуальные предложения по максимизации наполнения бюджета РФ.

Публикации в виде монографий

1. *Домаков В. В.* Право собственности на этапе реформирования российской экономики. – СПб.: изд-во СПбГПУ, 2003. – 380 с.

2. *Домаков В. В.* Теория права собственности в условиях реформирования. Т. I. – СПб.: НТЦ КСБО ИВТОБ СПбГПУ, 2005. – 266 с.

3. *Домаков В. В.* Теория права собственности в условиях реформирования. Т. II. – СПб.: НТЦ КСБО ИВТОБ СПбГПУ, 2005. – 165 с.

4. *Домаков В. В.* Теория права на основе сущностного признака общественных отношений — собственности (на примере Российской Федерации) – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2011. – 356 с.

5. *Домаков В. В.* Философские аспекты управления социально-экономической сферой в меняющихся условиях хозяйствования. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2012 – 307 с.

6. *Домаков В. В.* Философия управления социально-экономической сферой в условиях изменений бытия XXI века. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2013 – 348 с.

7. *Домаков В. В.* Экономико-хрематистическая теория обеспечения жизнедеятельности общества и его предприимчивой части в моделях социально-экономической сферы / Книга 4. Экономико-хрематистическая доктрина обеспечения жизнедеятельности и общества, и его предприимчивой части в эволюционной модели социально-экономической сферы и ее правовое обеспечение. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2016. – 617 с.

Результаты рассмотрения полученных результатов

Для упрощения использования в РФ и лучшего понимания высшим руководством страны, имеющим, как правило, юридическое образование, полученные научные результаты были оформлены по правовым специальностям. Тем не менее, явных подвижек по обсуждению и использованию полученных результатов по настоящее время нет.

Как правило, обращения с этими предложениями в течение нескольких лет в Правительство РФ, Минэкономразвития, к руководству фракций ГД РФ заканчивались отписками или благодарственными письмами, но оставались без всяких последствий: представителям этих ветвей власти оказывалось невыгодно изменять то, чего они уже добились, хотя они могли не только оставить себе, то, что есть, но и многократно преумножить имеемое.

Мной была предпринята попытка обсудить полученные результаты на юридических факультетах Санкт-Петербурга и Москвы, однако в целом она успеха также не имела, поскольку юридический мир прочно стоит на позициях правового обеспечения только хрематистики. По мнению профессора В. Хохлова, вполне можно считать, что причина этого состоит в том, что «за последние две с половиной тысячи лет, например, гражданское право в принципе не изменилось и нет даже попыток изменить его: стабильность и даже консервативность гражданского права, как раз, и составляет главную его содержательную черту».

Более того, руководство юридического факультета МГУ считает, что льготы, предоставляемые федеральными законами соответствующим категориям лиц при поступлении, например, в докторантуру, где наиболее эффективно можно рассмотреть, обсудить и подкорректировать уже полученные научные результаты, на территории МГУ не действуют, поскольку местные нормативные акты МГУ, являющиеся, по сути, подзаконными, обладают большей юридической силой, нежели федеральные законы.

Исключением можно считать только юридический факультет Казанского университета, где ознакомившись с полученными результатами, мне не только пожелали продолжить работу в этом направлении, но также и новых творческих успехов.

В настоящее время нахожусь в «периоде доживания», а потому мне лично мало что надо ...

На лекциях люди обычно спрашивают: «А почему у нас этого нет?» Ответить на этот вопрос весьма трудно, поскольку остается не понятным, почему новые, оригинальные научные результаты у нас не используются. Ведь теряет и общество, и его предпринимчивая часть, а промахи оказываются невосполнимы для страны.

Лично мне эти результаты на практике уже не реализовать: нет больше желания, да и сил убеждать всех больше нет. Вся надежда на Вас, уважаемый Владимир Владимирович. Вас отличает отменное здоровье, огромная работоспособность, понимание проблем, желание принести пользу россиянам ... Я глубоко убежден, что любой человек, вооруженный разными методами, имеет преимущество перед теми, у кого этот метод только один, поскольку при желании всегда можно выбрать лучший.

Конечно, будет горько, если полученные мной научные результаты окажутся невостребованными в России, которая может далеко продвигаться по этому пути вперед. Если же все-таки окажется, что эти результаты будут в РФ никому не нужны, то, наверное, имеет смысл предложить их через интернет развивающимся и даже развитым странам, которые захотят по иным основаниям иметь свой бюджет максимальным: ну, не пропадать же добру. Можно будет только сожалеть лишь о том, что после успешной реализации за рубежом нам придется покупать наши же результаты втридорога.

14.01.2017

С уважением,
профессор

В. В. Домаков

УДК 614

*АФАНАСЬЕВ АЛЕКСАНДР ДИОМИДОВИЧ,
АФАНАСЬЕВА ЖАННА СЕРГЕЕВНА,
МИЛЬКО ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ*

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКУМА ПО ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

АННОТАЦИЯ

В статье сообщается об основных принципах и методических особенностях построения лабораторного практикума по изучению искусственного интеллекта и машинного обучения для студентов уровня бакалавриата. Обсуждается связь лабораторных работ практикума с компетенциями ФГОС, утверждённого приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. по направлению подготовки 10.03.01 Информационная безопасность.

Ключевые слова: методика преподавания; лабораторный практикум; информационная безопасность; искусственный интеллект; машинное обучение.

*AFANASIEV A.D.,
AFANASIEVA J.S.,
MILKO D.S.*

METHODICAL SPECIFICS OF ARTIFICIAL INTELLECT PRACTICUM IN INFORMATION SECURITY SPHERE

ABSTRACT

The article deals with the main principles and methodological peculiarities of the laboratory practical work on the study of artificial intellect and machine learning for undergraduate students. The connection of laboratory works with the workshop with the competencies of Federal State Education Standards (approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in December 1st, 2016) in the 10.03.01 Information security major, is discussed.

Keywords: teaching methodology; laboratory practicum; information security; artificial intellect; machine learning.

Крупнейшие мировые компании в области информационной безопасности (ИБ) в своих аналитических отчетах прогнозируют новые тенденции, связанные со значительным развитием технологий искусственного интеллекта (AI) и машинного обучения (ML) и их применений для практических задач. В прогнозных докладах от Digital Security «Аналитика по кибербезопасности за 2016-2017» [1], в аналитическом отчете

от «Positive Technologies» [2], годовом отчете «Cyber Risk Report: 2016 Cybercrime Trends Year-in-Review» [3] и в статье издания СЮ [4], говорится о том, что в решениях безопасности станет больше функциональности, связанной с AI и ML. Популяризация идей, связанных с машинным обучением, рост количества фреймворков, помогающих в этом, влечет за собой создание новых продуктов ИБ, которые будут использовать данный подход.

В статье «Машинное обучение: надежда в борьбе с кибератаками» авторы отмечают, что «машинное обучение — крупнейшая тенденция в области безопасности в текущем году». «Сегодня любой директор по информационной безопасности знает, что средства поведенческого анализа дают наилучшие шансы остановить атаку, способную обойти статичные защитные системы» [5]. Это мнение поддерживает Димитриос Павлакис, отраслевой аналитик компании ABI Research, он говорит: «Мы находимся в разгаре революции искусственного интеллекта в сфере безопасности. Благодаря этому, машинное обучение вскоре станет новой нормой, наравне с информационной безопасностью, управлением событиями или SIEM, и, в конечном итоге, в течение ближайших пяти лет вытеснит большую часть традиционных антивирусов, эвристики и систем на основе сигнатур» [6].

Таким образом, тенденции, связанные с развитием данных технологий определяют необходимость изучения искусственного интеллекта и машинного обучения студентами, обучающимися по ИБ.

Проблема, связанная с обучением AI и ML, в том, что в литературных источниках нет системно изложенного материала для преподавания лабораторных работ, чтобы он был «заточен» под задачи по информационной безопасности и связан с действующим ФГОС и современными профессиональными стандартами.

Нами разработан комплекс лабораторных работ для студентов-бакалавров. Освоение комплекса базируется на исследовательских заданиях, с опорой на творческий потенциал студента и обеспечивает развитие ряда базовых компетенций в области ИБ.

Комплекс состоит из семи лабораторных работ по изучению Искусственного интеллекта:

1. Метод отжига;
2. Обучение перцептрона;
3. Нейронная сеть Хопфилда;
4. Классификация сетью Кохонена;
5. Самоорганизующиеся карты Кохонена;
6. Генетические алгоритмы;
7. Обучение с подкреплением.

В лабораторном практикуме реализуются ряд научных и дидактических принципов, которые созвучны рекомендациям, изложенным в работе [7].

Создание высокоинтеллектуальных машин удел талантливых людей. Основа развития таланта – заинтересованность студента. А заинтересованность студента во многом формируется заботливым участием преподавателя, его искусством направлять творческий потенциал студента, создавать позитивную рабочую атмосферу для его успешного развития.

Мощный стимул для формирования заинтересованности – это достижение результатов. Получая последовательные результаты сначала для простых учебных задач, затем для более сложных, а в перспективе – для научных проблем, студент вовлекается в творческий процесс. Принцип движения от простого к сложному лежит в основе разработанного нами лабораторного комплекса. Следуя этому принципу, были сформулированы практические задания в лабораторных работах.

Среди изобилия методов изучения AI и ML на практике мы использовали два подхода. Первый основан на знании студентом программирования и позволяет в деталях проработать алгоритм какого-либо метода, используя возможности изменять код программы. Преимущество такого подхода в том, что можно варьировать основные параметры, применяемые в алгоритме, модифицировать сам алгоритм и проводить множество экспериментов, изучая свойства метода. К сожалению, требование знания языка программирования ограничивает аудиторию учащихся.

Другой подход основан на использовании специализированных программ по AI и ML. Он хорош тем, что не требуется знания языков программирования и тем, что результат даже для сложных систем достигается сравнительно быстро.

Мы использовали преимущества обоих подходов, опираясь на то, что студенты технического направления изучают программирование. Однако, старались подбирать задания, не требующие глубокого знания языков. Преимущество такого сочетания подходов в том, что оно позволяет, с одной стороны, проводить со студентами глубокое изучение сути метода, а затем, используя стандартные программы, исследовать его возможности в практических приложениях.

Основная сложность заключается в том, что в большинстве книг материалы по AI и ML излагаются в теоретическом виде, в виде схем методов,

которые не всегда понятны студентам. Как правило, для понимания студентам требуется практическая реализация методов. Для эффективного обучения важно создать условия, когда обучающийся сам сможет запрограммировать простейшие примеры методов AI и ML и увидеть их работу.

Среди множества литературы по AI и ML выгодно выделяются лекции профессора Р. В. Шамина [8]. Его лекции построены по принципу – любой метод или алгоритм реализуется в виде работающей программы, которую можно скачать и опробовать. Видеозаписи его лекций выложены в интернете [9]. Практически все базовые алгоритмы AI и ML обсуждаются в лекциях Р. В. Шамина. Лекции снабжены работающими компьютерными программами для проведения самостоятельных исследований. Основными языками программирования, которые использует Р. В. Шамин, являются Python и C#. Он считает, что для реализации программ искусственного интеллекта наиболее подходящим является Python, а для создания красивого графического интерфейса лучше использовать C#.

Помимо названных языков в лабораторном практикуме используются специализированные пакеты, предназначенные для создания и работы с нейронными сетями. Например, STATISTICA Automated Neural Networks (SANN). Такие пакеты программ имеют ряд полезных возможностей и, кроме того, ими могут пользоваться студенты, не знающие в должной мере языки программирования.

Задания в лабораторном практикуме сформулированы таким образом, чтобы побудить студента к исследовательской деятельности в процессе выполнения каждого пункта лабораторной работы. Задания, в которых студенту предлагается «...изучить влияние параметра на эффективность...», «...исследовать, как зависят результаты от...», «...выяснить какие значения параметров являются оптимальными...» вовлекают студента в исследовательскую деятельность. Таким образом, с методической точки зрения при соответствующей квалификации преподавателя создается творческая атмосфера, способствующая эффективному продвижению в изучении курса.

По окончании лабораторного практикума студенту предлагается на выбор исследовательский проект с использованием одного из изученных

методов AI и ML. Проект выполняется в течение года как курсовой и защищается в конце курса. При этом приветствуется привлечение дополнительных ресурсов, в частности, людских ресурсов (не обязательно из университета). Возможно объединение в команды.

Другим стимулом для студентов является участие их проектов в конкурсе. Победители конкурса получают ценные финансовые и моральные призы.

С целью углубления профессиональной направленности лабораторного практикума было изучено соответствие компетенций и профстандартов в приложении к машинному обучению.

Из ФГОС по направлению подготовки 10.03.01 Информационная безопасность (уровень бакалавриата) можно выделить 3 основных компетенции (ОПК-4, ПК-2, ПК-12), которые формируются в ходе выполнения лабораторных работ студенты. Формулировки этих компетенций приведены в Таблице 1.

Для установления соответствия между названными компетенциями и профессиональными стандартами был проведен анализ 7 профессиональных стандартов в области информационной безопасности: «Специалист по защите информации в автоматизированных системах», «Руководитель проектов в области информационных технологий», «Специалист по автоматизации информационно-аналитической деятельности в сфере безопасности», «Специалист по безопасности компьютерных систем и сетей», «Менеджер по информационным технологиям», «Специалист по защите информации в телекоммуникационных системах и сетях», «Специалист по технической защите информации».

Результаты анализа представлены в Таблице 1. Отобранные компетенции (ОПК-4, ПК-2, ПК-12) представлены в первой строке таблицы. В столбце представлены трудовые функции, трудовые действия и необходимые умения, которые, по нашему мнению, соответствуют отобранным компетенциям.

Из 7 профессиональных стандартов, с учетом уровня бакалавриата (уровень квалификации 6), соответствие установлено лишь для 2 трудовых функций профессионального стандарта «Специалист по защите информации в автоматизированных системах». В пересечениях между отобранными компетенциями и трудовыми

Таблица 1

Соответствие компетенций профессиональному стандарту по направлению ИБ (уровень бакалавриата).

Наименование компетенции	ОПК-4 Способность понимать значение информации в развитии современного общества, применять информационные технологии для поиска и обработки информации	ПК-2 Способность применять программные средства системного, прикладного и специальные средства, языки и инструментальные средства, языки и системы	ПК-12 Способность принимать участие в проведении экспериментальных исследований системы защиты информации
Специалист по защите информации в автоматизированных системах			
Диагностика систем защиты информации автоматизированных систем В/01.6			
Трудовые действия	Идентификация инцидентов в процессе эксплуатации автоматизированной системы	Обосновано необходимостью поиска дополнительных сведений об особенностях инцидентов безопасности	Обосновано необходимостью применения перечисленных средств для идентификации инцидентов
	Оценка защищенности автоматизированных систем с помощью типовых программных средств	-	Обосновано необходимостью применения перечисленных средств для оценки защищенности
Необходимые умения	Применять технические средства контроля эффективности	-	Обосновано необходимостью применения инструментальных средств контроля эффективности
Аудит защищенности информации в автоматизированных системах В/06.6			
Необходимые умения	Применять инструментальные средства контроля защищенности в автоматизированных системах	-	Обосновано необходимостью применения инструментальных средств контроля защищенности
			Контроль защищенности осуществляется, в том числе с применением экспериментальных исследований

действиями, необходимыми умениями нами сформулировано краткое обоснование соответствия.

Таким образом, разработанный лабораторный практикум формирует 3 компетенции, которые представлены в профессиональном стандарте, т.е. одобрены работодателями.

Список литературы

1. Digital Security: прогноз тенденций и угроз ИБ-2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dsec.ru/news/press/digital_security_forecast_of_the_trends_and_threats_to_information_security_2017/ (дата обращения 26.11.2017).

2. Аналитика. Positive Technologies. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/> (дата обращения 26.11.2017).

3. M-Trends 2017 Cyber Security Trends. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fireeye.com/current-threats/annual-threat-report/mtrends.html> (дата обращения 26.11.2017).

4. Информационная безопасность в 2017 году: тенденции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osp.ru/cio/2017/1/13051454/> (дата обращения 26.11.2017).

5. Машинное обучение надежда в борьбе с ки-

бератаками. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cio.ru/articles/1043> (дата обращения 26.11.2017).

6. Машинное обучение в области кибербезопасности станет причиной возникновения большого объема данных, информации и роста расходов на аналитику. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/tsarev/339164.php> . (дата обращения 26.11.2017).

7. Чернобровкина И. И. Методологическое обеспечение организации лабораторного практикума по дисциплинам искусственного интеллекта // Открытое и дистанционное образование. – 2015. – № 58. – Т. 2. – с. 35-40.

8. Курс Р. В. Шамина «Машинное обучение и искусственный интеллект в математике и приложениях». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mathnet.ru/conf1243> (дата обращения 29.11.2017 г.).

9. Шамин Р. В. Лекции по машинному обучению и искусственному интеллекту в МИАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLEaWFQiR5rGP2lbmBaybBWmBqvM6XlknL> (дата обращения 25.11.2017 г.).

Статья поступила в редакцию 6 ноября 2017 г.

УДК 338.45

*РАЗВАДОВСКАЯ ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА,
РУДНЕВА КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА*

КАПИТАЛОВООРУЖЕННОСТЬ ТРУДА И ДИНАМИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА ОСНОВНОГО КАПИТАЛА В ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

АННОТАЦИЯ

В данной статье мы фокусируем внимание на оценке текущего состояния и перспектив использования основного капитала в капиталоемких и трудоемких отраслях отечественной промышленности. Научное экономическое обоснование данной оценки базируется на основных положениях классической марксистской школы, а также опыте развитых стран в применении статистических показателей и индикаторов в системе долгосрочного планирования и прогнозирования экономической динамики. В статье формулируется альтернативная оценка средств труда с выделением активной и пассивной части основного капитала.

Ключевые слова: ресурсы российской промышленности; органическое строение капитала; капиталовооруженность; техновооруженность; долгосрочное стратегическое планирование.

*RAZVADOVSKAYA Y. V.,
RUDNEVA K.S.*

LABOR CAPITAL EMPLOYMENT AND THE DYNAMICS OF REPRODUCTION OF THE MAIN CAPITAL IN THE INDUSTRIES OF THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY

ABSTRACT

In this article, we focus on assessing the current state and prospects for using fixed capital in the capital-intensive and labor-intensive industries of domestic industry. The scientific economic basis of this assessment is based on the main provisions of the classical Marxist school, as well as the experience of developed countries in the application of statistical indicators and indicators in the system of long-term planning and forecasting of economic dynamics. The article formulates an alternative assessment of the means of labor with the allocation of active and passive parts of fixed capital.

Keywords: resources of Russian industry; organic capital structure; capital-labor ratio; technical capacity; long-term strategic planning.

Об особенностях взаимосвязи таких важнейших индикаторов макроэкономического планирования и прогнозирования как уровень загрузки производственных мощностей и степень износа

основных производственных фондов в российской экономике мы отмечали в статье посвященной исследованию тех «провалов», которые возникают, когда мы пытаемся измерить фактическую и потен-

* Исследование подготовлено в рамках гранта Президента № МК – 3692.2017.6 «Обоснование взаимосвязи качественных характеристик ресурсов «земля, труд, капитал» и параметров инновационного потенциала в системе планирования пространственной организации экономической деятельности»

циальную производительность основного капитала [1, с.63]. Действующая в настоящее время система учета и оценки основного капитала формирует так называемые «статистические иллюзии» связанные с завышением оценок потенциального выпуска товаров, которыми планируется покрытие потребностей страны в условиях внешних ограничений. Именно проблема в оценке текущего состояния и перспектив использования ресурсов национальной экономики являются основным фактором не реалистичности формируемых долгосрочных прогнозов и программ стратегического развития отраслей добывающего и обрабатывающего секторов российской экономики.

В данной статье мы попытаемся обосновать необходимость применения научно – обоснованного подхода к выявлению и обоснованию взаимосвязи между такими факторами как труд и капитал. Полученные оценки обеспеченности отраслей промышленного сектора экономики средствами труда, которые могут стать верными ориентирами в системе долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования развития национальной экономики. Базируясь на методологии классической марксистской школы, а именно теории органического строения капитала, в статье формулируются предположения относительно альтернативных индикаторов оценки потенциала промышленного сектора экономики.

В экономике развитых стран показатели капиталовооруженности, производительности труда и загрузки производственных мощностей признаются в качестве индикаторов, характеризующих динамику структурных изменений в экономике [2, с.226]. В отечественной системе экономического анализа и учета интенсивности и эффективности использования капитала на макроуровне используются показатели фондовооруженности и фондоотдачи, характеризующие степень обеспеченности труда основными средствами и уровень эффективности использования основных производственных фондов. В практике статистического учета обеспеченности труда основным капиталом применяется показатель фондовооруженности, рассчитываемый как отношение стоимости основных производственных фондов к числу занятых. Важно отметить, что имеющие статистические данные о динамике фондовооруженности труда имеют существенные

недостатки, связанные, во-первых, с тем, что уровень оснащенности работников производственными фондами рассчитывается не по отдельным видам экономической деятельности, а по секторам экономики. Во-вторых, данный показатель рассчитывается с использованием данных о количестве занятых, что в условиях технологического прогресса и роста стоимости труда может давать искаженное представление о состоянии и динамике уровня технологичности производства. И наконец, показатель фондовооруженности рассчитывается по полному кругу основных фондов, и включает как активную, так и пассивную части основного капитала. В связи с перечисленными проблемами в отображении реального изменения обеспеченности занятых производственными фондами нами формулируется вывод о необходимости применения альтернативных индикаторов оценки эффективности использования основного капитала как материальной основы национального богатства.

Как отмечает Т. Тинкер «Марксистская теория стоимости является богатой фундаментальной основой для исследования и интерпретации динамики экономических изменений» [3,с.652]. Опираясь на данное утверждение, мы базируем наш научный анализ состояния ресурсов российской промышленности, а именно динамики использования основного капитала. По определению Маркса органическое строение капитала – это «стоимостное строение капитала, – поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменение технического состояния».

На рисунке 1 представлено соотношение динамики показателя фондовооруженности труда и рассчитанного показателя органического строения капитала за период с 2003 по 2015 года. Как видно из представленных данных обеспеченность труда производственными фондами в первом случае намного выше, а также наблюдается рост данного показателя на всем исследуемом промежутке времени. В отличие от фондовооруженности показатель органического строения капитала за анализируемый период остается практически неизменным, а начиная с 2014 года, наблюдается его снижение.

Применение показателя органического строения капитала, обеспечивающего учет стоимости труда, позволяет оценивать техническое строение

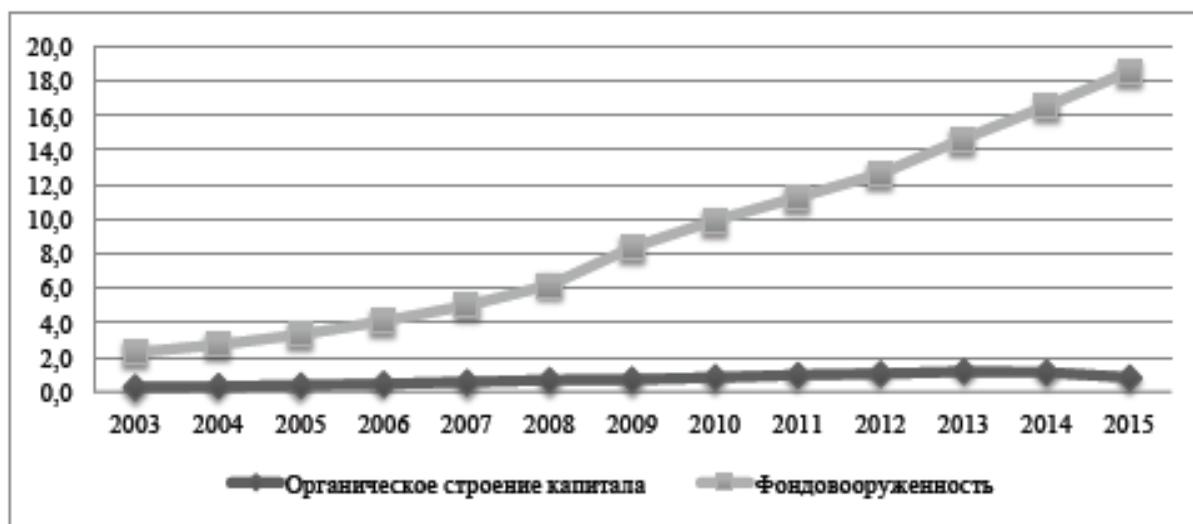

Рисунок 1 – Динамика показателей фондовооруженности и органического строения капитала в промышленном секторе экономики России за период с 2003 по 2015 гг.

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики

капитала, а именно стоимость основных производственных фондов к стоимости труда.

Современная теория экономического анализа базируется на положении о том, что одним из важнейших факторов роста объема производства продукции в промышленном секторе экономики «является его обеспеченность основными средствами в необходимом количестве и ассортименте и более полное и эффективное их использование» [4, с.116]. Однако, как показывает практика, наиболее важной частью основного капитала является его активная часть, которая, служит базой для оценки технического уровня производственных мощностей, и что наиболее важно оказывает непосредственное воздействие на производительность труда. В системе микроэкономического анализа показатель технической вооруженности труда определяется отношением стоимости производственного оборудования к среднесписочному числу рабочих. В настоящее время данный показатель в отечественной статистике рассчитывается только по сектору научных исследований, хотя зарубежный опыт свидетельствует о том, что показатель техновооруженности труда используется в качестве индикатора, обеспечивающего учет и оценку технического стояния всех без исключения отраслей промышленного сектора экономики.

Отметим, что в отличие от фондовооруженности показатель технической вооруженности труда

в отечественной экономике растет более низкими темпами. За период с 2005 по 2015 года наблюдает рост фондовооруженности труда на 420,5%, при одновременном росте показателя технической вооруженности труда на 381% (рис. 2).

Следуя логике нашего исследования, которая заключается, в том числе в использовании стоимостных показателей оценки фактора «труд» при расчете показателей, характеризующих уровень капиталовооруженности, рассмотрим изменение активной части капитала к числу занятых и к стоимости труда в целом по экономике. На рисунке 3 отчетливо видна разница между перечисленными показателями.

Если исходить из предположения о том, что в условиях бурного научно-технического прогресса на современном этапе развития мировой экономики квалифицированный труд становится одним из основных факторов экономического роста, то соответственно при оценке таких показателей как фондовооруженность труда или техновооруженность труда необходимо использовать стоимостные характеристики труда, отражающие его квалификацию. Исследование динамики технической вооруженности труда с учетом стоимости последнего также свидетельствует о росте обеспеченности средствами труда, но намного меньшем, чем тот, который наблюдается при использовании показателя числа занятых.

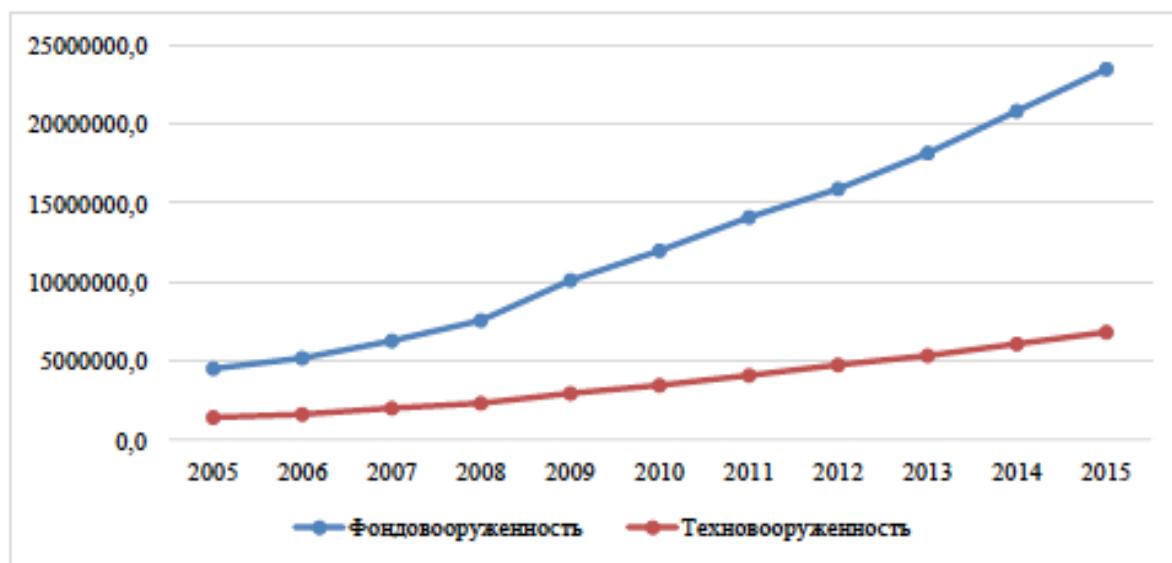

Рисунок 2 – Динамика показателей фондовооруженности и технической вооруженности труда в промышленном секторе экономики России за период с 2005 по 2015 гг.

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики

Рисунок 3 – Динамика показателей технической вооруженности труда с учетом числа занятых и с учетом стоимости труда за период с 2005 по 2015 гг.

В отраслевом разрезе наблюдаемая динамика техновооруженности труда не противоречит общей тенденции, сложившейся в отечественной экономике. Наиболее высокие значения и темпы роста показателя характерны для отраслей добывающего сектора экономики, производства кокса и нефтепродуктов, химического производства. Наиболее низкие значения техновооруженности труда наблюдаются в ключевых отраслях обрабатывающего сектора экономики, призванных обеспечить реализацию целей индустриализации отечествен-

ной экономики, а также инициативы, заявленные в стратегии импортозамещения.

Одним из ключевых выводов, который мы формулируем в результате проведенного анализа, является вывод о том, что наблюдаемое в отечественном промышленном секторе экономики более интенсивное наращивание пассивной части основного капитала на фоне незначительных темпов наращивания активной его части свидетельствует о преобладании стационарного типа воспроизводства основного капитала (табл. 1).

Рисунок 4 – Динамика показателя технической вооруженности труда с учетом стоимости труда по отдельным видам экономической деятельности за период с 2005 по 2015 гг.

Таблица 1.

Индекс изменения активной и пассивной части основного капитала по видам экономической деятельности (в%, изменение по отношению к 2005 году)

ВЭД	Активная часть			Пассивная часть		
	2005	2010	2015	2005	2010	2015
Добыча полезных ископаемых	100	40,7	49,6	100	68,2	107,0
Обрабатывающие производства	100	16,1	51,1	100	-2,0	45,1
Обработка древесины и производство изделий из дерева	100	74,6	144,6	100	44,8	113,6
Производство кокса и нефтепродуктов	100	32,0	83,7	100	27,7	228,3
Химическое производство	100	31,8	47,8	100	-17,5	1,4
Производство машин и оборудования	100	31,8	47,8	100	-17,5	1,4
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	100	-19,6	1,9	100	-42,0	-26,8
Производство транспортных средств и оборудования	100	-3,6	2,5	100	-15,3	-9,7

Рассчитано авторами по данным сборника «Промышленное производство в России, 2016г.».

Такая динамика имеет право на существование и оправдывает себя, о чем свидетельствует опыт многих развитых стран, использовавших стационарный тип воспроизводства капитала в различные исторические периоды времени. Так данный тип воспроизводства был характерен для японской эко-

номики в период до 70-х годов прошлого столетия, американской экономики в период с 90-х годов XX века до 2008 года, а также характерен был для ФРГ в послевоенный период, который сопровождался высокими темпами наращивания производственного потенциала (табл.2).

Таблица 2.

Технологическая структура инвестиций в 1965-1974 годах в японской обрабатывающей промышленности, в% [5, с.132]

Обрабатывающая промышленность	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974
Доля инвестиций в активные элементы	71,6	71,2	71,2	71,2	71,5	72,0	72,5	69,9	70,6	68,8
Доля инвестиций в пассивные элементы	28,4	28,8	28,8	28,8	27,5	28,0	27,5	30,1	29,4	31,2

При этом как свидетельствует опыт данных стран в определенный период времени приходят кардинальные структурные изменения в распределении капиталовложений в пользу активной части капитала.

Отличительной особенностью распределения капиталовложений в японской экономике является значительное превышение их доли в активные элементы основного капитала (более чем в 2 раза) над пассивными. Наблюдаемая динамика связана с резким снижением в структуре инвестиций в основной капитал доли затрат, связанных с капитальным строительством. Такое перераспределение инвестиций определялось необходимостью внедрения энерго- и материалосберегающего оборудования.

Проведенный анализ позволяет нам сформулировать вывод о том, что выявленная разница в показателях «фондовооруженность» и «органическое строение капитала» по отраслям добывающего и обрабатывающего секторам экономики свидетельствует о том, что замена физических показателей на стоимостные в оценке ресурса «труд» приводит к альтернативным оценкам технологического уровня отраслей экономики. В целом в экономике страны наблюдается более активное наращивание пассивной части основного капитал, что говорить о расширении масштабов промышленного сектора экономики, а не его качественное изменение.

Предлагаемый нами показатель техновооруженности труда с учетом оплаты труда может

служить альтернативным индикатором, характеризующим состояние и динамику использования ресурсов российской промышленности в условиях индустриализации экономики, а также тип воспроизводства основного капитала. Учет данного показателя в системе стратегического планирования обеспечит содержательное наполнение процесса планирования и прогнозирования технологических параметров отраслей обрабатывающего и добывающего секторов российской экономики.

Список литературы

1. Ложникова А. В., Розмаинский И. В., Развадовская Ю. В. Техника как национальное богатство России: институциональные аспекты, «статистические иллюзии» и проблемы прогнозирования // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований) – 2015. – Т. 7. – № 4. – С. 60-86.
2. Duménil G. and Lévy D. A stochastic model of technical change: an application to the US economy (1869–1989) // *Metroeconomica* – 1995. – no. 46. – pp.213–245.
3. Tinker T. Mickey marxism rides again! // *Critical Perspectives on Accounting*. – 1999. – № 10, 5. – pp. 643–670.
4. Савицкая Г. В. Экономический анализ. – М.: Новое издание, 2005. – 651с. –
5. Лебедева И. П. Структурные изменения в японской промышленности. – М.:Наука, 1986.

Статья поступила в редакцию 13 октября 2017 г.

ТЕХНОСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ЭКОЛОГИЯ ЖИВЫХ СИСТЕМ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

УДК 327:57.01

КИРСТА ЮРИЙ БОГДАНОВИЧ

О КЛИМАТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И РЕГУЛЯЦИИ ЦИКЛОНОВ

АННОТАЦИЯ

Рассмотрен столетний климатический цикл, охватывающий территорию России. Вплоть до его окончания Россию ожидают аномальные погодно-климатические события, которые обусловлены рассогласованием ритмики человеческой деятельности и ритмики развития растительности, влияющих на иерархическую динамику метеорологических процессов. Выдвинута гипотеза о информационно-физическом воздействии экспериментов по спутниковой квантовой связи на движение циклонов и антициклонов. В результате могут формироваться аномальные осадки и аномальные температуры воздуха. Показана теоретическая возможность регуляции движения и силы циклонов и тайфунов с помощью мощных лазерных пучков запутанных фотонов.

Ключевые слова: вековой климатический цикл; информационно-физический закон; циклоны; запутанные фотоны; Россия.

KIRSTA YU. B.

TOWARDS THE CLIMATIC SAFETY OF RUSSIA AND REGULATION OF CYCLONES

ABSTRACT

The century climatic cycle that spreads over the territory of Russia is considered. Until its completion Russia is expected to undergo abnormal weather-climate events, which are caused by misalignment of the rhythm of human activity and the rhythm of vegetation development that affect the hierarchical dynamics of meteorological processes. The hypothesis of information-physical impact on the movement of cyclones and anticyclones by satellite quantum communication experiments is putted forward. As a result, the abnormal precipitation and abnormal air temperature can be formed. The theoretical possibility to regulate the movement and strength of cyclones and typhoons by the powerful laser beams of entangled photons is shown.

Keywords: century climatic cycle; information-physical principle; cyclones; entangled photons; Russia.

1. Введение

Настоящая работа продолжает исследования по ритмике климатических процессов, обусловленных одновременным влиянием биосферы и человеческого общества (социосферы) [1]. Многоритмичный характер колебаний климата от короткопериодических (десятки лет) до длиннопериодических (миллионы лет) наблюдается на протяжении всей истории биосферы и часто

связывается с ритмикой воздействующих на атмосферу космофизических факторов [2]. Например, существование вековых климатических циклов объясняется воздействием вековой ритмики солнечной активности, известной как цикл Гляйсберга [3]. Колебания климата также связываются с ритмикой развития наземной растительности. Например, указывается связь вековых климатических циклов с вековыми сукцессионными сменами рас-

тельности [4]. Установлена также связь изменений климата с развитием и падением цивилизаций в историческом прошлом Европы [5].

Предлагаемое исследование основывается на информационно-иерархическом подходе к анализу сложноорганизованных природных систем и установленном информационно-физическом законе накопления в них информации, характеризующей их организацию [6, 7]. Строгое выполнение закона подтверждено на многочисленных примерах природных систем: квантово-физических, молекулярно-генетических, метаболических, организменных, экологических, этнических, метеорологических и др.

Организации социосферы и биосферы, начинаясь от молекулярно-генетических иерархических уровней (ИУ) до этнических и экосистемных, гомологичны друг другу. Временные циклы функционирования каждого ИУ включены в больший цикл следующего более высокого по рангу ИУ и образуют соответственно социосферные и биосферные многоуровневые биологические часы, отсчитывающие время от секунд до тысячелетий. Иерархически организованные биосфера и социосфера с их многоуровневыми биологическими часами совместно образуют сопутствующие системы «растительность-человек», которые обуславливают иерархическую динамику климатических процессов с конкретными статистическими информационными характеристиками [7, 8]. Можно сказать, что по отношению к атмосфере Земли биосфера и социосфера подобны иерархической системе клеточного метаболизма, контролирующей внутреннюю среду клеток. К сопутствующим системам «растительность-человек» относится, например, исламская с циклом 3267 лет ($1089 \times 3 = 3267$). В соответствии с информационно-физическим законом она состоит из трех этнических 1089-летних циклов и параллельных им трех 1089-летних циклов первичных сукцессий наземной растительности [7, 9, 10, 11]. Данная система формирует 3-тысячелетнюю ритмику климатических процессов. Другая сопутствующая система «растительность-человек» с периодичностью существования 99 лет ($33 \times 3 = 99$) формирует известный вековой климатический цикл. Система образована тремя 33-летними биологическими циклами функционирования человеческого общества и тремя параллельными им 33-летними циклами развития растительности [1,

7]. Первые три «социальных» цикла соответствуют средней продолжительности человека (рассчитываемой с учетом абортных как домладенческой смертности), а вторые «растительные» слагают сукцессионные смены биогеоценозов в различных климатических зонах и близки к известному 35-летнему циклу Брикнера по смене холодных и влажных лет на теплые и сухие.

2. Периоды климатической стабилизации и дестабилизации России

Рассмотрим влияние исламской сопутствующей системы «растительность-человек» с циклом 3267 лет, которая охватила все бывшие среднеазиатские республики и часть России после разрушения СССР в 1991 г. Утвердившись на российской территории (республиках Татарстан, Башкортостан и др.), она продолжает регулировать климатические процессы на основе режима аридного климата, отвечающего ее основной территории размещения. Этим она начинает нарушать широтные потоки теплого и влажного воздуха, идущие с Атлантического океана через европейскую часть страны, Сибирь и далее на восток. Именно под ее влиянием усиливается меридиональный перенос воздушных масс с юга на север и обратно, что показывают и данные наблюдений [12]. Изменения климата и растительности в умеренных широтах Евразии уже охарактеризованы как климатическое опустынивание [13]. В связи с большой продолжительностью каждой 1089-летней фазы 3267-летней исламской сопутствующей системы «растительность-человек», можно полагать, что наблюдающееся потепление климата в России является **долгосрочным**. Показана его **благоприятность** для производства зерновых в целом по стране [14, 15], что подтверждается рекордными урожаями зерновых последних лет.

В свою очередь российская 99-летняя сопутствующая система «растительность-человек» сформировалась на территории России в 1917–1918 гг., когда страна завершила свое 1089-летнее ($33 \times 11 = 1089$) развитие и вступила в 198-летний цикл ($33 \times 6 = 198$) [1, 7]. Социальные 33-летние циклы одновременно входят в 99-летнюю сопутствующую систему и в текущий 198-летний цикл развития России, охватывая всю территорию страны. При этом ход их времени является зада-

ющим в сопутствующей системе вне зависимости от разных сроков начала и окончания 33-летних циклов в сукцессионных сменах большинства биогеоценозов по территории России. Важно, что для всех сопутствующих систем с длительностью существования более 33 лет аборты в слагающих их социальных циклах не учитываются, поскольку прерванная беременность по длительности не превышает годовой шаг отсчета их времени и в них «не видна» [7]. Поэтому ход времени в трех 33-летних социальных циклах сопутствующей системы зависит от традиционно рассчитываемой средней продолжительности жизни населения, которая, например, в 1990-х годах составляла около 66 лет [16].

Известно также, что хозяйственная вырубка лесов меняет время сукцессионных смен [17], а значит и отсчет времени у слагающих их 33-летних циклов. Различающийся ход времени у «социальных» и «растительных» 33-летних циклов в 99-летней сопутствующей системе неизбежно ведет к нарушению ее функционирования, а значит и формируемой ею динамики климатических процессов, то есть к увеличению числа аномальных климатических событий [11]. Частота этих событий стала постепенно нарастать с 1917 г. по мере роста средней продолжительности жизни у российского населения и сейчас уже многократно превышает имевшуюся на начало XX века.

Найдем сроки окончания 33-летних циклов (фаз) российской 99-летней сопутствующей системы и формируемого ею столетнего климатического цикла. Приблизительные оценки по статистическим данным СССР и России (см., например, [18]) дают среднюю продолжительность жизни в СССР около 53 лет для 1917–1970 гг. и 69 лет для 1971–1916 гг. Отсюда получаем окончание первой 33-летней фазы столетнего цикла в $1917+53 = 1970$ г. и второй в $1971+69 = 2040$ г. в начале каждой фазы идет определенная стабилизация климатического режима, но с нарастающей разбалансировкой/дезорганизацией климатических процессов. Последняя обусловлена разницей хода времени у составляющих сопутствующую систему социальных (замедление с 33 лет до 53 и 69 лет) и растительных циклов. Деорганизация метеорологических процессов ведет, например, к значительным локальным выпадениям осадков, высоким температурам воздуха летом, ураганам. После 2040 г. начнется тре-

тья 33-летняя фаза продленного за счет человека столетнего цикла с новой **стабилизацией климатического режима** России в начале фазы.

3. О возможности регуляции движения и силы циклонов и тайфунов

Нами показано, что динамика метеорологических процессов, в том числе осадков и приземных температур воздуха, регулируется иерархически организованными социосферой и биосферой в соответствии с установленным информационно-физическим законом функционирования природных эволюционных систем [1, 7, 11]. Согласно закону, каждый иерархический уровень (ИУ) социосферной и биосферной организаций передает информацию о своей организации на следующий более высокий ИУ через формируемые им информационные материально-энергетические носители/продукты. Последние обладают четырьмя видами информации: H , R , $H \ln H$ и $R \ln R$. Здесь \ln – натуральный логарифм, H – нормированная информация Шеннона, совпадающая с известной последовательностью «обобщенных золотых сечений» и максимизирующая общую сумму указанных видов информации для каждого ИУ, $R = 1 - H$. При этом H характеризует материально-энергетические компоненты продуктов, а R – временную последовательность формирования последних [7].

Все ИУ представляют собой вложенные друг в друга подсистемы возрастающего ранга с одновременным увеличением своих размеров. В то же время их организация характеризуется одними и теми же типами информации. Это означает, что отвечающая им информация не перемешивается между разными ИУ. Отсюда следует, что информация об организации систем как физическая категория [7, 11, 19] **жестко привязана** к размеру конкретной подсистемы, не влияя на остальные.

Информационные материально-энергетические продукты каждого ИУ используются для формирования новых продуктов с наложением на них информации следующего принявшего их ИУ более высокого ранга. Одним из таких продуктов являются осадки и температуры воздуха, иерархическая динамика которых переносит все четыре вида информации H , R , $H \ln H$ и $R \ln R$ [1, 7, 8, 11]. Каждая более высокая по рангу сопутствующая система налагает на эту динамику новую более длительную

ритмику с новыми информационными продуктами. Напомним, что многоритмичный характер колебаний климата охватывает всю историю биосферы [2, 20].

Обратимся теперь к информационному обмену между квантовыми объектами, который определяется информационно-физическим законом. Нами показано, что такие квантовые свойства микрочастиц как волна де Бройля, принцип неопределенности Гейзенберга, описывающие их поведение уравнения Шредингера, Дирака и Клейна-Гордона являются частными случаями проявления этого закона и легко из него выводятся [7]. В свою очередь, фотоны являются информационными материально-энергетическими продуктами энергетически возбужденных систем и переносят информацию $H=1$, $R=H-1=0$, $(H \ln H + R \ln R) = \ln 2$. При этом $H=1$ отвечает синусоидальной форме электромагнитной волны (фотона), $R=0$ означает отсутствие «отсчета» времени, то есть одновременное бесконечное повторение всех циклов движения волны (периодов синусоиды), а $(H \ln H + R \ln R)$ дает соотношение неопределенностей Гейзенберга [7].

Рассмотрим пары фотонов в запутанном квантово-механическом состоянии. Запутать их можно с помощью каскада возбужденных энергетических атомных уровней [21], равновероятного волоконного разветвителя [22], при помощи зеркала, с одинаковой вероятностью их отражающего и пропускающего [23] или иным способом. Фактически они представляют собой один квантовый объект с дополнительно прибавленной к фотонам информацией по аналогии с наложением информации от ИУ более высокого ранга на информационные продукты предыдущего ИУ. Прибавленная информация может передаваться посредством фотонов на другие квантовые объекты [23, 24].

Отметим, что помимо информации об организации систем на фотоны можно налагать и другие типы информации. Возьмем, например, классическую интерференцию света на двух щелях. Она имеет место и для одиночно испускаемых фотонов, если нам неизвестно через какую щель из двух они прошли. В этом случае на одиночный фотон налагается информация о пространственном расположении щелей (изменяется описывающая его Ψ -функция, квадрат модуля которой является плотностью вероятности, то есть информацией

по Шеннону), которая проявляется в интерференционной картине на экране с возможностью узнать по ней положение щелей в пространстве. Условием наложения информации на фотон является лишь сопоставимость длины его волны с расстоянием между щелями.

Пусть мы создали лазерный пучок запутанных по поляризации пар фотонов с помощью равновероятностных разветвителя, зеркала, спонтанного параметрического рассеяния или иным равновероятностным образом. В этом случае информация H запутанной пары равна [1, 7]:

$$H = - \frac{\sum_{k=1}^2 p_k \times \ln p_k}{\ln 2} = - \frac{\sum_{k=1}^2 0.5 \times \ln 0.5}{\ln 2} = 1,$$

где p_k – долевой вероятностный вклад компонента k (фотона с одной из двух возможных поляризаций) в информационный продукт; $\sum_{k=1}^l p_k = 1$. Тогда информация R составит $R=H-1=0$.

В соответствии с информационно-физическим законом переносимая запутанными фотонами информация может быть передана другим природным системам и их информационным продуктам. К последним относится атмосфера как продукт сопутствующих систем «растительность-человек», а значит и возникающие в ней циклоны, антициклоны, тайфуны, торнадо. Перенос информации на данные циклические структуры атмосферы (АЦС) можно осуществить лазерными пучками запутанных фотонов (с земли, самолетов, спутников) через поглощение и рассеяние последних атмосферой. Поскольку информация привязана к размерам содержащих ее систем, то для ее передачи запутанные фотонные пары должны охватывать весь объем АЦС одновременно, для чего необходимы достаточно мощные световые пучки.

Передаваемая запутанными фотонами информация $R=0$ означает отсутствие отсчета времени и многократное повторение циклов вращения АЦС, как это имеет место с одиночным фотоном (см. выше). Иначе говоря, будет осуществляться стимуляция АЦС с увеличением их мощности при соответствующих метеорологических условиях. Следует также ожидать приостановки поступательного движения АЦС в месте облучения фотонами. Подобным образом, видимо, могут локализоваться и пролонгироваться до аномальных не только АЦС, но и другие метеорологические процессы,

в частности осадки. При запутывании фотонов на них может налагаться также информация H , отличающаяся от 1 [7]. Например, информация $H=0.5$, при которой организация систем становится нестабильной, должна привести к ослаблению или разрушению АЦС. Таким образом, мы имеем потенциальную возможность с помощью пучков запутанных фотонов регулировать и силу, и движение АЦС.

Рассмотренный метод регуляции АЦС, видимо, уже имел место (осознанно или случайно) на практике. Например, это появление летом 2010 г. над Восточной Украиной и европейской частью России малоподвижного длительно существующего антициклона, блокирующего доступ на свою территорию других воздушных масс и приведшего к небывалой жаре с массовыми пожарами. По мнению в то время главы Росгидромета А. Фролова такого не было на протяжении более 1000 лет. Незадолго до появления данного антициклона на орбиту с секретной миссией был выведен американский экспериментальный беспилотный орбитальный аппарат X-37B. Его орбита проходила над зоной антициклона в течение всего периода жары, и на нем мог быть установлен лазер, луч которого, по данным печати, наблюдался свидетелями ночами. Если этот лазер использовался, например, для экспериментов по созданию запутанных фотонов для квантовой связи, то мы имеем все требующиеся для регуляции АЦС условия. Следует отметить, что полеты X-37B продолжаются, и в случае экспериментов по квантовой связи с его помощью или помощью других аппаратов в океанах (например, по защищенной квантовой связи DQSC с кораблями, оборудованными боевой информационно-управляющей системой Aegis) следует ожидать появления сверхмощных тайфунов и ураганов.

Другим примером могут служить эксперименты со спутниковой квантовой связью, которые с 2016 г. стал проводить Китай [25]. На спутнике «Micius» с помощью спонтанного параметрического рассеяния китайские физики создавали пучки запутанных пар фотонов и распределяли фотоны из этих пар между двумя наземными станциями. Расстояние между станциями превышало 1000 км, а расстояние до спутника достигало 500–2000 км. Подавляющая часть запутанных фотонов поглощалась/рассеивалась в нижнем 10-километровом слое

атмосферы Земли. До запуска спутника в августе 2016 г. проводились наземные тестовые эксперименты с пучками на дистанциях до 100 км. С 2016 г. в Китае участились случаи продолжительных ливневых осадков, вызывающих наводнения и разрушения дамб, домов, дорог. Например, в июне 2016 г. от таких наводнений пострадало 32 миллиона человек, а убытки достигли 6 миллионов долларов.

Продолжающиеся эксперименты с запутанными фотонами на спутнике «Micius» могут служить причиной и небывалых дождей в Приамурье в августе 2017 г., которые затопили десятки населенных пунктов, включая Уссурийск, и даже размывили Транссибирскую железнодорожную магистраль.

Возможность регуляции человеком АЦС трудно переоценить. Так, у конгресса США запрошено 29 миллиардов долларов для оказания помощи территориям, пострадавшим в 2017 г. от ураганов (атлантических тропических циклонов) «Харви», «Ирма» и «Мария» как одних из самых разрушительных ураганов в истории человечества.

4. Выводы

1. Проанализирован столетний климатический цикл, складывающийся на территории России под влиянием растительности и деятельности человека. Показано, что дезорганизация климатических процессов и рост числа аномальных климатических событий связаны с различиями в ритмиках развития человеческого общества и развития растительности.
2. Дан прогноз дальнейшей дезорганизации климатических процессов до 2040 г. с последующей стабилизацией климата.
3. Объяснено усиление меридионального переноса воздушных масс и прогрессирующего потепления климата в России, повышающего урожайность зерновых.
4. Выдвинута гипотеза о регуляции движения и силы циклонов и тайфунов путем информационного воздействия с помощью мощных лазерных пучков запутанных фотонов.
5. Рассмотрена вероятность осуществления такой регуляции (осознанной или случайной) при катастрофических погодно-климатических событиях последних лет в России и Китае.

Список литературы

1. *Кирста Ю. Б.* Новая мировая динамика: I. Иерархическая динамика биосферы и социосферы и их влияние на климат // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 4(8). – С. 8–15.
2. *Зубаков В. А.* Глобальные климатические события неогена. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 224 с.
3. *Бруевич Е., Розгачева И.* Циклы магнитной активности Солнца и звезд солнечного типа. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 68 с.
4. *Максимов А. А.* Природные циклы: Причины повторяемости экологических процессов. – Л.: Наука, 1989. – 236 с.
5. *Büntgen U., Tegel W., Nicolussi K., et al.* 2500 Years of European Climate Variability and Human Susceptibility // Science. – 2011. – Vol. 331, No. 6017. – P. 578–582.
6. *Кирста Ю. Б.* Биосфера и человечество. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1995. – 33 с.
7. *Кирста Ю. Б., Кирста Б. Ю.* Информационно-физический закон построения эволюционных систем. Системно-аналитическое моделирование экосистем: монография. Изд-е второе, испр. и доп. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 283 с.
8. *Кирста Ю. Б., Курепина Н. Ю., Ловицкая О. В.* Декомпозиция метеорологических полей Северного полушария Земли: 2. Выделение зон наибольшей дестабилизации климата // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 5-1. – С. 63–68.
9. *Одум Ю.* Экология. – М.: Мир, 1986. – Т. 1–2.
10. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. – 496 с.
11. *Kirsta Yu. B., Kirsta V. Yu.* Information-hierarchical organization of natural systems II: Futures of man-biosphere interactions and climate control // World Futures. – 2010. – Vol. 66. – P. 537–556.
12. *Виноградова Г. М., Завалишин Н. Н., Кузин В. И.* Изменчивость сезонных характеристик климата Сибири в течение XX века // Оптика атмосферы и океана. – 2000. – Т. 13, № 6–7. – С. 604–607.
13. *Золотокрылин А. Н.* Климатическое опустынивание / Отв. ред. А.Н. Кренке. – М.: Наука, 2003. – 246 с.
14. *Kirsta Yu. B.* System-analytical modeling – Part II: Wheat biotime run and yield formation. Agroclimatic potential, Le Chatelier principle, changes in agroclimatic potential and climate in Russia and the U.S. // Ecol. Model. – 2006. – Vol. 191. – P. 331–345.
15. *Кирста Ю. Б., Ловицкая О. В.* Прогноз климатических изменений в зернопроизводящих зонах Сибири и России // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 7 (19). – С. 9–13.
16. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1993 г. // Здравоохранение Российской Федерации. – 1995. – № 3. – С. 3–11.
17. *Johnson W. C., Sharpe D. M.* An analysis of forest dynamics in the northern Georgia Piedmont // Forest Sci. – 1976. – Vol. 22. – P. 307–322.
18. *Урланис Б. У.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. – М.: Госстатиздат, 1963. – 136 с.
19. Концепция общественной безопасности «Мертвая вода». – Новосибирск, 2002. – 366 с.
20. *Зубаков В. А.* Глобальные климатические события плейстоцена. – Л.: Гидрометеиздат, 1986. – 288 с.
21. *Aspect A., Grangier P., Roger G.* Experimental tests of realistic local theories via Bell's theorem // Phys. Rev. Lett. – 1981. – Vol. 47, № 7. – P. 460–463.
22. *Salart D., Baas A., Houwelingen van J. A. W. et al.* Space like Separation in a Bell Test Assuming Gravitationally Induced Collapses // Phys. Rev. Lett. – 2008. – Vol. 100. – 220404 (4).
23. *Olmschenk S., Matsukevich D. N., Maunz P. et al.* Quantum Teleportation Between Distant Matter Qubits // Science. – 2009. – Vol. 323, № 5913. – P. 486–489.
24. *Kim M. S., Cho Jaeyoon.* Teleporting a Quantum State to Distant Matter // Science. – 2009. – Vol. 323, № 5913. – P. 469–470.
25. *Juan Yin, Yuan Cao, Yu-Huai Li, et al.* Satellite-based entanglement distribution over 1200 kilometers // Science. – 2017. – Vol 356, Issue 6343, P. 1140–1144.

Статья поступила в редакцию 10 октября 2017 г.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

10 июля 2017 года на площадке Санкт-Петербургского государственного университета состоялся международный круглый стол «Публичная дипломатия на евразийском пространстве» с участием российских, белорусских, казахстанских, узбекских, иранских и британских экспертов. В заседании также приняли участие представители Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, Евразийского Банка Развития и представители общественных организаций. Организаторами мероприятия выступили Санкт-Петербургский государственный университет, Региональная общественная организация «Информационно-аналитический центр «ЕвроНорд» (г. Санкт-Петербург), Некоммерческое партнерство «Информационно-аналитический центр ЕВРАЗИЯ-ПОВОЛЖЬЕ» (г. Саратов) и Российско-казахстанский IQ-клуб.

Целью круглого стола стало содействие и популяризация в российской и зарубежной научной и образовательной среде идей евразийской интеграции. Современная система международных отношений находится в непростой стадии развития, когда происходит перераспределение глобальных игроков и центров силы. Выстраивается новый миропорядок и, одновременно, появляются новые угрозы глобальной безопасности. Начинается новый виток гонки вооружений, и в то же время, растёт влияние факторов «мягкой силы», позитивного имиджа государств и организаций. В мире сформировался устойчивый запрос на новые модели отношений, которые выстраиваются не только в традиционных рамках двусторонних и многосторонних межгосударственных структур, но и привлекая к участию неправительственные организации, бизнес, экспертное сообщество. Именно изменение формата и расширение состава участников призвано помочь установлению реального диалога между представителями политических элит и всеми сегментами гражданского общества с целью разрешения конфликтов и создания новых стратегий развития. Задача экспертного взаимодействия – выявлять проблемы, доносить информацию и обсуждать ее с населением стран ЕАЭС, организовать устойчивый канал обратной связи и диалог с правительствами. Только тогда эта деятельность может быть по праву названа публичной дипломатией, которая является реальным демократическим механизмом модернизации государств и гражданского общества на евразийском пространстве.

В ходе круглого стола эксперты обсудили проблемы формирования имиджа ЕАЭС, роль гражданского общества на евразийском пространстве, роль фактора «мягкой силы», проблемы восприятия процессов евразийской интеграции странами-участницами ЕАЭС и третьими странами. На основе представленных в ходе обсуждения докладов экспертами были подготовлены статьи, которые представлены в данном разделе журнала «Национальная безопасность и стратегическое планирование».

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

АННОТАЦИЯ

Евразийское пространство имеет огромное значение для внешней политики России и её публичной дипломатии. Сегодня то, что принято называть публичной дипломатией в Российской Федерации реализуется в рамках различных направлений внешней политики. Наиболее активно разрабатывается информационное обеспечение внешней политики государства, включая вопросы, связанные с информационной безопасностью России. Традиционным направлением является развитие культурных связей со странами, которые имеют многовековую историю взаимодействия с русской культурой. Новым направлением является развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, поддержка различных форм образования на русском языке. Реализация всех этих направлений носит противоречивый характер. Это определяется тем, что в публичной дипломатии России отсутствует необходимое представление об объекте культурного взаимодействия и отсутствуют устойчивые обратные связи, наличие которых зависит от широкого общественного сотрудничества, неустойчивость общественного движения в сфере международного сотрудничества.

Ключевые слова: публичная дипломатия; информационное обеспечение внешней политики; международные культурные связи; связи с соотечественниками.

FOKIN V. I.

FEATURES OF RUSSIAN PUBLIC DIPLOMACY IN EURASIAN REGION

ABSTRACT

Eurasian region has great importance for Russia's foreign policy and its public diplomacy. Today, Russian public diplomacy is implemented in various directions including information support of foreign policy and support of international information security which grow rapidly. The public diplomacy traditional direction is support of cultural ties with countries which have a centuries-old history of interaction with Russian culture, while its new direction is establishment of ties with compatriots living abroad and support of various forms of education in Russian language. Development of these directions is controversial. It is determined by the lack of understanding what is the goal of cultural co-operation and absence of sustainable feedbacks, which availability depends on broad public cooperation, and instability of public movements in the sphere of international co-operation.

Keywords: Eurasia, public diplomacy; Information support of foreign affairs; cultural co-operation; Ties with compatriots.

Евразийское пространство имеет огромное значение для внешней политики России и её публичной дипломатии, поскольку является регионом, в котором сосредоточены жизненно важные интересы экономического и политического развития страны, её безопасности.

Сегодня то, что принято называть публичной дипломатией в Российской Федерации реализуется в рамках различных направлений внешней политики. Во-первых, это – информационное обеспечение внешней политики государства. Во-вторых, традиционное развитие международных культурных связей страны, тем более на евразийском пространстве, где связи имеют многовековую историю взаимодействия с русской культурой. В-третьих, после распада СССР особенно актуальным стало развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и оказание им помощи в реализации специфических интересов многомиллионной

российской диаспоры, как в ближнем, так и дальнем зарубежье.

В условиях современных информационных войн наиболее активно разрабатывается информационное обеспечение внешней политики государства. Оно призвано разъяснить международной общественности и представителям СМИ содержание внешней политики России и обеспечить поддержку внешнеполитическим мероприятиям РФ необходимую международную поддержку со стороны общественности. Национальные интересы России в информационной сфере определены в доктрине информационной безопасности РФ, как объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития в части, касающейся информационной сферы. Целью обеспечения информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного

стратегического партнерства является формирование устойчивой системы неконфликтных межгосударственных отношений в информационном пространстве. [1] Безусловно, евразийское пространство входит в эту сферу жизненно важных интересов России уже не один век, оно является сферой приложения усилий для информационного обеспечения внешней политики государства, направленной на утверждение сотрудничества стран региона в различных направлениях созидательной деятельности, восстановление и дальнейшее развитие тесных связей, которые ранее существовали как единый народнохозяйственный комплекс и характеризовались отношениями дружбы между народами Советского Союза. В частности, в доктрине предусматривается: «... доведение до российской и международной общест­венности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире, применение информационных технологий в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в области культуры; ...содействие формированию системы международной информационной безопасности, направленной на противодействие угрозам использования информационных технологий в целях нарушения стратегической стабильности, на укрепление равноправного стратегического партнерства в области информационной безопасности, а также на защиту суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве» [1]. Для евразийского региона особое значение имеет постоянно расширяющееся применение информационных технологий как в созидательных, так и разрушительных целях. В доктрине указывается: «Расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривосточной и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств. в эту деятельность вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий» [1].

Мы наблюдали в недавнем прошлом применение методов так называемой «цифровой дипломатии», которые привели в ряде мусульманских стран к катастрофическим последствиям. Для стран Центральной Азии и Кавказского региона особенно опасно распространение исламского фундаментализма и радикализма, террористической деятельности. В доктрине отмечается: «Различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Такими организациями в противоправных целях активно создаются средства деструктивного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры.» [1].

Таким образом в области информационного обеспечения внешней политики России в евразийском регионе достаточно четко сформулированы цели и задачи, которые реализуются различными органами государственного управления. Доктрина предусматривает развитие разнообразных связей в области внешнеэкономической деятельности, образования, науки, культуры и спорта.

Необходимо иметь в виду, что для успешного развития благоприятной информационной среды для международного сотрудничества в евразийском пространстве решающее значение приобретает сотрудничество СМИ в контексте международной политики. Именно оно позволит найти наиболее короткий путь к общественному мнению стран евразийского пространства. Здесь накоплен определенный опыт работы в рамках СНГ и есть попытки создания межгосударственных СМИ, как, например, межгосударственная телерадиокомпания «Мир», но её деятельность носит пока ограниченный характер и требует более широкой поддержки государств-учредителей телерадиокомпании. на ней выходит, например, информационная программа «Вместе», предлагающая информацию из столиц государств-участников СНГ, репортажи с места событий и комментарии специалистов [2]. Однако в целом развитие сотрудничества СМИ в рамках СНГ требует значительного расширения

масштабов и углубления содержания, дополнительного финансирования. Нельзя допускать провалов, подобных тому, что произошёл на Украине, когда украинские СМИ под влиянием многочисленных западных фондов заняли в конечном итоге яростную антироссийскую позицию.

Положительным примером в этой области стало активное развитие информационного сотрудничества с РФ и КНР, где демонстрируется и наличие политической воли и инициативы [3]. В 2014 г. в ходе регулярной встречи глав правительств РФ и КНР были подписаны соглашения об информационном обмене между Международным информационным агентством «Россия сегодня» и Китайским информационным сайтом «Жэньминьван» и договор о сотрудничестве между Международным информационным агентством «Россия сегодня» и Международным радио Китая [4]. С 2002 г. осуществляется регулярное сотрудничество журналистов Хабаровского края и провинции Хэйлунцзян [5]. В ноябре 1997 г. в Пекине было подписано Соглашение о сотрудничестве между ИТАР-ТАСС и Синьхуа. С 2002 г. проходят регулярные заседания Рабочей группы по делам китайско-российского сотрудничества в сфере средств массовой информации в рамках двусторонней комиссии по делам сотрудничества в сфере образования, культуры, здравоохранения и спорта, на котором присутствовали представители СМИ двух государств, в том числе ИТАР-ТАСС и Синьхуа. С 2006 г. информационные агентства, крупные газеты, теле- и радиокomпании двух стран обмениваются делегациями, телепрограммами, проводят совместные семинары и конференции. В 2009 г. в Пекине прошел первый Всемирный медиа саммит. Инициатором его созыва выступило агентство Синьхуа, среди соучредителей – агентство ИТАР-ТАСС. Второй медиа саммит состоялся в июле 2012 г. в Москве. Эти формы сотрудничества приобрели регулярный характер [6]. Более чем за 10 лет уровень взаимодействия китайских и российских СМИ заметно вырос. С каждым годом проводится всё больше мероприятий, на которых представители средств массовой информации обсуждают актуальные проблемы, делятся опытом и налаживают контакты между двумя странами.

В 2015 г. Россия и Китай подписали Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения междуна-

родной информационной безопасности [7]. Страны договорились о тесном сотрудничестве в противодействии международной киберпреступности, обмене информацией между соответствующими правоохранительными органами, обмене опытом в технологиях кибербезопасности и создании каналов коммуникации для быстрого реагирования на киберугрозы. Документ является важным стратегическим шагом в отношении РФ и КНР, укрепляет линию их сотрудничества в процессе становления политики информационной безопасности, которую Россия предлагала урегулировать в международном плане Западу.

В 2016 г. В.В. Путин и Си Цзиньпин подписали Совместное заявление о сотрудничестве в области развития информационного пространства [8]. Оно подтвердило расширение сотрудничества в информационной сфере, противодействие использованию информационного пространства для вмешательства во внутренние дела государств, укрепление экономического сотрудничества в информационной сфере, защиту прав и интересов граждан в информационном пространстве и т.п. По мере того, как происходит развитие отношений России и Китая в политической, экономической и других областях, связи масс-медиа становятся теснее и прочнее.

Для успешной реализации целей и задач публичной дипломатии необходимо четко представлять субъект и объект, включаемые в организацию кросскультурных коммуникаций. Субъектом межкультурных коммуникаций в данном случае являются государственные органы власти и управления региона. За прошедшие годы ими создана международно-правовая основа для развития необходимых связей между государствами в области культурного взаимодействия. Однако реализация нормативной базы носит непоследовательный характер и серьёзно ограничена целым рядом факторов.

Во многом отношения между странами зависят от сложившихся в них этнических стереотипов, через которые формируются отношения между ними. Этнические стереотипы формируются на протяжении десятилетий, иногда столетий. Разрушению целого ряда этнических стереотипов советского времени привело к перестройке общественного сознания на евразийском пространстве,

которое до сих пор не завершено. Эта подвижность во многом определяется такими факторами, как продолжающийся процесс формирования общественного сознания в условиях становления и развития новой государственности и национальной самоидентификации. Противоречивость этого процесса обусловлена тем фактором, что практически во всех случаях государственность формируется на базе становления национальной самоидентификации в обществах, которым от СССР достался мультикультуральный состав. Политическими элитами евразийских государств этот фактор не учитывается в достаточной степени, что чревато известными конфликтами в регионе. В основе этнических стереотипов лежат культурные традиции народов и их религиозные особенности. Эти обстоятельства могут быть использованы различными политическими силами в целях развития отношений сотрудничества или конфликта. Наконец, важный фактор формирования общественного сознания — это идеологические установки, внедряемые в обществе различными политическими силами. С крушением советской системы идеологическая борьба не ослабла, а еще более усилилась на евразийском пространстве, приобрела более разнообразный характер. Эта борьба отражает столкновение различных политических сил внутри отдельных стран, но на евразийском пространстве она включает в себя еще и отношение к интеграционным процессам и отношение к России. От этой борьбы зависит внешняя и внутривнутриполитическая стабильность на евразийском пространстве.

Поэтому для публичной дипломатии на евразийском пространстве важнейшее значение приобретает вопрос об объекте этой дипломатии — общественности, её активном вовлечении в процессы взаимодействия государств, вовлечения в интеграционные процессы на евразийском пространстве. При этом эффективность такой дипломатии во многом связана с включением общественности в разные формы обмена. Она должна стать не пассивным объектом информационного воздействия, а активным участником интеграции стран евразийского региона. Руководители новых независимых государств не могли не осознавать необходимости что-то сделать с развалинами советской культуры. В этом контексте создание Содружества Независимых Государств

представлялось некоторым государственным деятелям как «форма мягкого развода» бывших советских республик, которая позволит избежать каких-то резких эксцессов, другим — попыткой сохранить доставшийся от СССР «культурный багаж» и связи с русской культурой, благодаря которым народы этих стран перешагнули через целые исторические эпохи. Необходимо было также обеспечить граждански мир в полиэтничных обществах. Радикально настроенные руководители — рассматривали СНГ как возможность преодолеть советский мультикультурализм и сформировать монокультурные государства, постепенно выдавливая носителей культур других народов со «своей» территории. По существу такие различные взгляды на культуру независимых государств находили отражение и в отношении СНГ в целом. Однако практика функционирования СНГ в сфере культурной политики в полной мере не удовлетворила никого из них. СНГ не удалось сохранить единое культурное пространство, где многонациональная культура сохранила бы свою целостность, следуя общей системе идеалов. Но представление о единстве интересов народов постсоветского пространства, включая сферу культуры, и некоторых общих ценностях, сформировавшихся исторически, сохранилось на пространстве СНГ. Те государства, руководство которых посчитало нежелательным сохранение общего культурного пространства как пространства взаимного равноправного общения и взаимообогащения культур народов, в конечном итоге утратило интерес к СНГ. Государства-члены Содружества в подавляющем большинстве ясно проявили стремление к сохранению и развитию общего культурного пространства.

Приоритетность культурного сотрудничества и развития культурно-гуманитарных связей нашла отражение в статье 3 Устава СНГ, в котором отмечено, что Содружество основывается на уважении культурной самобытности входящих в него народов, тесном сотрудничестве в сохранении культурных ценностей и культурном обмене [9].

Основная цель культурного взаимодействия стран СНГ в области культуры, обозначенная в документах, — создание условий для формирования общего культурного пространства в сфере культуры, науки, образования, включая туристическую сферу. основополагающее значение

в этом вопросе имеет Соглашение о сотрудничестве в области культуры, подписанное 15 мая 1992 г. в Ташкенте и ставшее первым документом Содружества в области культурных связей. Это соглашение предполагает развитие целого спектра направлений культурных обменов на пространстве СНГ: в области музыкального, театрального, изобразительного, эстрадного и циркового искусства, кино, телевидения, библиотечного и музейного дела, охраны и рационального использования объектов культурно-исторического наследия [10].

В последующие годы на основе ташкентского Соглашения был принят ряд документов, которые определяют важнейшие векторы развития сотрудничества в отдельных областях культурной сферы. Это Соглашение о создании системы межбиблиотечного абонемена государств – участников СНГ [11]; Соглашение о вывозе и ввозе культурных ценностей [12]; Соглашение о совместном производстве фильмов. [13] Практическая реализация этих направлений отражена в программах основных мероприятий сотрудничества государств – участников СНГ в области культуры до 2000, 2005, 2010, 2015 гг. Последняя программа включает период до 2020 г.

В Концепции сотрудничества государств – участников СНГ в сфере культуры, которая и была принята в мае 2011 г., изложен «комплекс согласованных позиций государств-участников СНГ в отношении межгосударственного сотрудничества в сфере культуры на долгосрочную перспективу» [14]. Основное внимание уделено созданию «благоприятных условий для распространения общих гуманистических ценностей народов государств Содружества, в том числе толерантности, дружбы и добрососедства, культуры мира, межнационального и межконфессионального согласия, уважения к культуре, языкам и традициям других народов» [14].

Вопросы укрепления сотрудничества в области культуры и образования были включены и в другие межгосударственные документы, например, «Декларацию глав государств – участников Содружества Независимых Государств о дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества», подписанную 5 декабря 2012 г. в Ашхабаде.

Новая программа культурного обмена, «Основные мероприятия сотрудничества государств

– участников СНГ в области культуры на 2016–2020 годы», была принята 29 мая 2015 г. в Республике Казахстан. В документе были изложены основные направления и конкретные инструменты реализации Концепции сотрудничества в сфере культуры (2011 г.). Для ее практической реализации было разработано более 120 акций международного и национального уровня, сформулирован «целый комплекс мероприятий по углублению взаимодействия в театрально-концертной области, в музыкальной и библиотечной сферах, а также в таких областях, как кино, наука, образование, изобразительное искусство, информационная деятельность и совместная подготовка кадров» [15].

Все эти документы заложили прочные правовые основы взаимодействия государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере культуры, которое динамично развивается на двусторонней и многосторонней основе и включает множество направлений и форм. Культурный диалог в них рассматривается как важнейшая основа духовного единства государств Содружества.

На евразийском пространстве активную роль играет Китайская Народная Республика и её публичная дипломатия, о которой все более широко заявляет китайское руководство [16]. Особенно важное значение для евразийского пространства она приобрела после провозглашения Китаем стратегической инициативы по созданию Экономического пояса Нового Шёлкового пути [17]. Инициатива распространяется на страны, которые являются членами СНГ и так или иначе участвуют в процессах экономической интеграции в рамках ЕАЭС. Китайская инициатива привлекает потенциальной возможностью крупных инвестиций в экономику региона. Возможное сопряжение интересов государств требует координации усилий государств на евразийском пространстве и создание благоприятного климата для сотрудничества. КНР и РФ стремятся сопрягать свои усилия на евразийском пространстве. 8 мая 2015 года Россия и Китай подписали соглашение о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПП) [18].

Современный этап сотрудничества РФ и КНР, наверное, нужно отсчитывать с момента заключения «Договора о добрососедстве, дружбе и

сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» от 16 июля 2001 г. Он играет важную роль в развитии и перспективе российско-китайских взаимоотношений. Договор, представляющий собой итог совместных усилий двух сторон, обобщил достижения, полученные в разных областях сотрудничества между двумя странами в течение 1992–2000 гг. [18]. Говоря о результатах его реализации в гуманитарной сфере, министр иностранных дел России С. В. Лавров отметил: «Впечатляющий прогресс достигнут в сотрудничестве в гуманитарной области. Многократно возросла интенсивность культурных и образовательных контактов. В 2016–2017 гг. проводятся Годы СМИ двух стран: главная задача этой инициативы – упрочение партнерства между журналистскими сообществами. В результате укрепляются взаимопонимание и дружба между нашими народами, социальная основа двусторонних связей. Особенно отрадно, что их «передовым отрядом» становится молодежь, за которой – будущее взаимоотношений наших государств» [18]. Подписание договора способствовало проведению перекрёстных годов – Года России в Китае и Китая в России, а также обмену Годом национальных языков.

В соответствии с договоренностью, достигнутой Президентом Российской Федерации и Председателем Китайской Народной Республики на встрече в г. Пекине 18 июля 2000 г. и решением, принятым на пятой регулярной встрече глав правительств двух стран в 2000 г., была создана Российско-Китайская Межправительственная Комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта [19]. Она была призвана стимулировать российско-китайское культурное взаимодействие в рамках механизма регулярных встреч глав правительств двух стран. Ею были выработаны конкретные планы по расширению и углублению кооперации двух стран в гуманитарной сфере [19]. В октябре 2014 г. в ходе регулярной встречи глав правительств РФ и КНР были подписаны Протокол 15-го заседания Российско-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и Протокол о реализации Плана российско-китайских мероприятий в гуманитарной сфере по празднованию 70-летия Победы во Второй мировой войне. В ходе встречи обсуждались перспективные направле-

ния совместной работы в различных сферах, таких как образование, культура, молодежная политика, здравоохранение, спорт. В мае 2017 г. состоялось первое заседание российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области архивного дела [20].

Российско-китайское сотрудничество в области образования базируется на межправительственных соглашениях о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях (1995 г.); об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации (2005 г.); а также соглашения между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования (2006 г.). Уточнение и дополнение мероприятий сотрудничества проводится в рамках работы российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования [21].

В ноябре 2003 г. Россия и Китай подписали Соглашение об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации. на его основе ежегодно осуществляется обмен студентами, специалистами и персоналом, учебниками иностранных языков, учебных материалов, опытом преподавания и современными информационными технологиями в образовании. При поддержке министерств образования двух стран в России были созданы центры по изучению китайского языка, которые успешно функционируют при Московском горном университете и Дальневосточном государственном университете. Россия также открыла в китайских вузах 10 центров русского языка [22]. Во многих ВУЗах и средних школах России изучается китайский язык. Русский язык также изучают свыше 70 тыс. китайских школьников в 100 школах Китая. Только в Пекине более 700 студентов обучаются по специальности «русский язык». Как иностранный он преподается в ведущих вузах столицы – Пекинском университете, Пекинском педагогическом и Народном университетах, Институте языка и культуры, Институте экономики, Хэйлунцзянском и Даляньском университетах, Пекинском и Шанхайском университетах иностранных язы-

ков и ряде других вузов. Уровень сотрудничества в области образования закладывает основы будущего сотрудничества между нашими странами.

В области гуманитарного сотрудничества крайне важны контакты на разных уровнях: в научной, экономической, культурной сферах. Немаловажную роль играет обмен студентами. Россия в этом направлении уже сделала немало. В Китае также подписано немало документов в этой сфере, конечно, это очень хорошее начало, но теперь странам нужно расширить и продвинуть вперед наше сотрудничество.

Для устойчивого гуманитарного сотрудничества исключительно важное значение имеет диалог общественности. Большую роль в этой сфере играют Российско-китайский комитет дружбы, мира и сотрудничества, и возрождение обществ дружбы России и Китая в субъектах РФ. Они обращаются к традициям хорошо известной в нашей стране и Китае «народной дипломатии». 12 ноября 2014 г. в государственной резиденции Дяюйтай в Пекине состоялась первая встреча сопредседателей Китайско-Российского комитета дружбы, мира и развития — Дай Бинго и Бориса Титова [23]. В июле 2017 г. состоялась встреча руководителей Комитета с главами РФ и КНР [25].

Стратегическая инициатива породила новое направление в научных исследованиях, носящее комплексный характер и изучающее различные аспекты реализации стратегии Нового Шелкового пути. Накануне встречи на высшем уровне в Пекине были обнародованы данные КНР о масштабах и характере международного научного сотрудничества по проблеме «Один пояс, один путь». По неполной статистике, научно-исследовательские структуры и высшие учебные заведения КНР поочередно учредили исследовательские платформы для изучения «Одного пояса, одного пути». К настоящему времени, таких научных центров насчитывается около 300. Более того, существует уже более 50 иностранных «мозговых центров», которые занимаются исследованием «Одного пояса, одного пути». Аналитические центры Центральной Азии, Юго-Восточной Азии и западных стран собирают группы и проводят исследования на эту тему. Серия результатов исследований уже представлена мировой общественности. Китайские «мозговые центры» уже опубликовали более 400 тематиче-

ских книг, а зарубежные аналитические заведения выпустили свыше сотни исследовательских докладов на тему «Одного пояса, одного пути».

Постоянный вице-председатель Китайского отделения Международного экономического центра Чжан Сяоцян отметил, что параллельные тематические заседания позволят экспертам «мозговых центров» обменяться мнениями по вопросам продвижения сотрудничества в рамках «Одного пояса, одного пути», а также по поводу выявления активной роли «мозговых центров». Планируется достичь «Договоренностей по строительству красочного Шелкового пути».

По словам заместителя министра образования КНР Тянь Сюэцзюня, Министерство образования Китая активно продвигает осуществление плана по привлечению иностранных студентов в рамках программы «Шелкового пути» для подготовки посланников между народами разных стран. Была учреждена стипендия китайского правительства «Шелковый путь», по которой ежегодно будет предоставляться 10 тысяч грантов для учебы в Китае новым учащимся стран, лежащих вдоль «Одного пояса, одного пути».

Заместитель министра культуры КНР Дин Вэй рассказал о работе по культурному обмену. Министерство культуры Китая укрепляет межправительственное сотрудничество. К концу 2016 года ведомство уже подписало соглашения по культурному обмену между правительствами более 60 стран вдоль «Одного пояса, одного пути». Китай планирует к 2020 году увеличить число людей, задействованных в культурных контактах между Китаем и странами и регионами вдоль «Одного пояса, одного пути» до 30 тысяч. Более того, КНР планирует пригласить в страну на обмены и повышение квалификации около 800 экспертов, китаистов и переводчиков «мозговых центров», а также подготовить 150 молодых международных специалистов в области восстановления культуры и музейного управления персоналом.

Заместитель начальника Государственного управления по делам печати, издательств, радио, кино и телевидения КНР Тун Ган отметил, что с целью выявления связующей роли радио, кино и новостной индустрии в рамках «Одного пояса, одного пути», Государственное управление

по делам печати, издательств, радио, кино и телевидения Китая, начиная с 2013 года, осуществляет Проект в области кино и телевидения «Шелковый путь» и Образовательный проект «Шелковый путь». В 2014 был проведен международный кинофестиваль «Шелковый путь». В прошлом году в фестивале уже принимали участие 57 стран [26].

Таким образом мы видим, что первоначальный проект осуществления логистического проекта транспортных коммуникаций Китай – Европа, в результате обсуждения быстро до стратегического проекта «экономического пояса Нового Шелкового пути», который предусматривал обширную зону ускоренного экономического развития для стран, находящихся в русле логистики «Шелкового пути», а сегодня представляется как обширная зона межцивилизационного развития.

Инициатива приобрела характер стратегического проекта, который, во-первых, является своеобразным ответом на проект глобального развития стран Запада, который сегодня оказался в определенном тупике и стал отвергаться значительной частью западного общества. Транснациональные корпорации, преодолев сопротивление современных западных национальных демократий, пытаются создать глобальный рынок, освободившись от всяких социальных обязательств перед обществом. Для того, чтобы осуществить этот глобальный проект им приходится отказаться от социализации личности, оставить индивидуальность один на один с чистым рынком, лишив её всякий ограничений морали и культуры, которое вырабатывало человечество на протяжении всей своей истории. Разложение западной цивилизации приобретает пугающий характер. Побочным явлением этого разложения становится международный терроризм, превращающий людей в заложников общества, пренебрегающего человеческой жизнью, вовлекающей человечество в варварство и хаос. Везде, где Запад пытается искусственно внедрить свои идеалы, сегодня процветают коррупция, деградация общественных отношений, преступность и насилие, распад государственности и замена национальной культуры её националистическими извращениями или низкопробной массовой культурой.

Стратегический проект «Один пояс – один путь» предполагает глобализацию не через про-

тивоуправление национального и глобального, а через гармоничное развитие – синтез национального и глобального, который позволяет не разрушать, а созидать новую глобальную реальность на основе уважения национальных особенностей, использования национальных традиций и ментальности в деле формирования новой экономической реальности, которая преобразует в свою очередь образ жизни и культуру народов, вовлеченных в экономическое развитие в рамках пояса Нового шелкового пути. При этом никто не объявляется врагом или отсталым народом, удел которого максимально сократить свою численность, чтобы предоставить «жизненное пространство» для «золотого миллиарда». Взаимное уважение культур народов и сохранение их культурного многообразия – основа гармоничного развития, позволяющего преодолеть межнациональные конфликты и недоверие между народами.

На евразийском пространстве процессы взаимодействия народов, культур, государств все отчетливее приобретают характер созидательного сотрудничества, которое позволит сформировать пространство гармоничного сотрудничества, способное сформировать новое социально-экономическую, культурную и общественно-политическую ситуацию в регионе. Евразийское сотрудничество призвано создать зону стабильности и процветания многих народов мира и внести свой вклад в развитие человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г.) Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г.)
2. Официальный сайт межгосударственной телерадиокомпания «Мир». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mirtv.ru/>
3. Соглашение между Правительством Российской Федерацией и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/5AMAccs7mSlXgbff1Ua785WwMWcA>

BDJw.pdf; Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о взаимодействии в области развития информационного пространства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5099> (Дата обращения 20.04.2017); Россия и Китай создали совместную рабочую группу по сотрудничеству в области средств массовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/551546/pop_up?_101_INSTANCE_WhKWb5DVBqKA_viewMode=print&_101_INSTANCE_WhKWb5DVBqKA_qrIndex=0

4. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/15201/>

5. Сайт информационного агентства Rigmainfo. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rigma.info/news/company/zhurnalisty_kitaya_i_rossii_podpisali_deklaratsiyu_o_sotrudnichestve/

6. ИТАР-ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/tass-dos-e-hronologii/609057>

7. Соглашение между Правительством Российской Федерацией и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/5AMAccs7mSlXgbff1Ua785WwMWcABDJw.pdf>

8. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о взаимодействии в области развития информационного пространства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5099>

9. Устав Содружества Независимых Государств Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187>

10. Соглашение о сотрудничестве в области культуры между Россией и СНГ от 15 мая 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/main.aspx?uid=7602>

11. Соглашение о создании системы межбиблиотечного абонемена государств – участников

СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_69454.html

12. Соглашение о вывозе и ввозе культурных ценностей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.issa.ru/legislation/docsng/docsng_13.html

13. Соглашение о совместном кинопроизводстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.miradx.ru/news/podpisano-soglashenie-o-sovmestnom-filmoproizvodstve>

14. Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере культуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31083225#pos=42;-314

15. Культурное сотрудничество стран СНГ – в планах более 120 мероприятий за пять лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/news.php?id=52501>

16. Китаю и Казахстану нужно создать «экономический коридор Шелкового пути» – председатель КНР Си Цзиньпин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1075402.shtml>; Председатель КНР: новый Шелковый путь превращается из замысла в реальность. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rossaprimavera.ru/news/rech-si-czinpina-na-otkrytii-foruma-royasi-put>

17. ЛюЛимин. Российско-Китайское гуманитарное сотрудничество в рамках «Одного пояса и одного пути» //Русский язык в Китае. Август 2015г. Т.34 №3; Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-азиатскими партнерами в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-gumanitarnogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-s-tsentralno-aziatskimi-partnerami-v-ramkah-shanhayskoj-organizatsii>

18. Статья Министра иностранных дел России С.В.Лаврова «С оптимизмом смотрим в будущее: к 15-летию подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», опубликованная в газете «Жэньминь Жибао» 18 июля 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2356326

19. Дополнительный протокол от 5 декабря 2000 г. к «Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании организационных основах механизма регулярных Встреч глав правительств России и Китая» от 27 июня 1997 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/b80e82bi/201014173127_63081.htm

20. Информационные материалы к заседанию Российско-китайской Межправительственной Комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256bf90029f30a?OpenDocument/>

21. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/15201/>; Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2016/07/04/3056-sostoyalos-xvii-zasedanie-rossiysko-kitayskoj-komissii-po-gumanitarnomu-sotrudnichestvu>; Портал архивы России. Федеральное архивное агентство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusarchives.ru/novosti/novosti-rosarhiva/sostoyalos-pervoe-zasedanie-rossiysko-kitayskoj-podkomissii-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-arhivov-mezhpravitelstvennoj-rossiysko-kitayskoj-komissii-po-gumanitarnomu-sotrudnichestvu>

22. Протокол тринадцатого заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499014883>; Сотрудничество России и КНР в области молодежной политики выйдет на новый уровень. // Официальный сайт министерства образования РФ. Минобрнауки. РФ/новости/8466. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/m/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/8466>

23. ВУЗы России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studychinese.ru/russia-vuz/>; Обзор результатов первого международного форума «Учить и учиться по-русски». //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-rezultatov-pervogo-mezhdunarodnogo-foruma-uchit-i-uchitsya-po-russki>

24. Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian-chinese.com/author/stas/page/50/>

25. Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian-chinese.com/author/stas/page/1/>

26. Инициатива «Один пояс, один путь» связывает народы разных стран. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0514/c31516-9215371.html>

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ США В ЕВРАЗИИ: ВЛИЯНИЕ НА РУССКИЙ МИР

АННОТАЦИЯ

Показаны причины активизации публичной дипломатии США на пространстве Евразии с 2012–2013 гг. Выявлены информационные и образовательные проекты США, направленные на мобилизацию русскоязычного населения вокруг ценностей США. Определен новый механизм публичной дипломатии США.

Ключевые слова: США; публичная дипломатия; Евразия; Русский Мир; пропаганда.

TSVETKOVA N. A.

U.S. PUBLIC DIPLOMACY IN EURASIA: RUSSIAN WORLD AS A NEW TARGET

ABSTRACT

The premises for a new public diplomacy of the United States throughout Eurasia are defined. The informational and educational projects aimed at mobilizing the Russian-speaking audiences are revealed. A new apparatus for the American public diplomacy is examined.

Keywords: United States; public diplomacy; Eurasia; Russian World; propaganda.

Введение

Публичная дипломатия США как инструмент влияния на зарубежные государства при помощи информационных, образовательных, культурных и цифровых проектов кардинально изменилась за последние пять лет. Усилился такой компонент публичной дипломатии как пропаганда, которая в американских официальных документах стала носить название – стратегическая коммуникация, и оцениваться как один из эффективных инструментов внешней политики [4]. В 2012–2013 гг. были активизированы российское и евразийское информационные направления в публичной дипломатии США, а такие инструменты информационного противостояния как радиостанция «Голос Америки» и «Свободная Европа» снова оказались на передовых позициях. Кроме этого, русскоязычное население, проживающее в странах Восточной Европы и Евразии, снова, как в годы «холодной войны», стало приоритетной целевой аудиторией в публичной дипломатии США, а проекты информационного характера стали довлеть над проектами в области образования и культуры. Эти и другие существенные изменения требуют анализа и осмысления. Несомненно, еще рано говорить о каких-то результатах новой политики США в области информации, образования и культуры на территории Евразии, поскольку активизация Евразийской публичной дипломатии США началась в 2014–2015 гг. Однако имеющиеся документы правительства США позво-

ляют нам определить актуальные направления новой политики, а также указать ее перспективы.

В силу этого, цель данной статьи – выявить новые направления публичной дипломатии США на территории Евразии. Статья состоит из двух разделов. В первом разделе будут обозначены причины активизации публичной дипломатии США в государствах Евразии, а также обозначена ее основная стратегия. Во втором разделе будут обозначены значимые проекты нового поворота США в Евразию. В заключении будут приведены предварительные выводы и обозначены перспективы развития данного направления внешней политики США.

Поворот публичной дипломатии США на Евразию: борьба с Россией за русскоязычную аудиторию

В 2013–2015 гг., неожиданно для США, Россия стала лидером по обеспечению мирового сообщества информацией. Москва сумела создать несколько конкурентоспособных источников информации в защиту своих внешнеполитических интересов и оказалось, что 90% всей информации в мире, которая звучит на русском языке, контролируется Россией [6]. Влияние Москвы на русскоязычное население стало заметным на фоне провальной работы таких форпостов американской информационной деятельности США как каналы «Свободная Европа», «Свобода» и «Голос Америки». Из-за отсутствия внятных стратегий работы с русскоязычным населением в странах бывшего социалистического

лагеря в Европе и СССР, эти каналы потеряли значительную аудиторию, и она перешла под влияние российских каналов [2]. в итоге русскоговорящее население в различных регионах оказалось потерянным для влияния США.

В 2015 г. начинается расширение целевой русскоязычной аудитории в международном вещании США и была поставлена задача – вернуть слушателей или зрителей российских каналов Евразии в сторону альтернативных американских новостей. Конгресс США увеличил финансирование и обязал внешнеполитические ведомства остановить в 2016–2018 гг. российские информационные потоки в странах Восточной Европы и на всем пространстве Евразии [8].

Был существенно пересмотрен механизм работы публичной дипломатии На территории Евразии. Вместо таких правительственных ведомств и фондов, которые были закрыты правительством на территории России, как Агентство международного развития, Международный республиканский институт и т.п., правительство США стало использовать малоизвестные и новые неправительственные организации стран Европы, создало новые информационные каналы международного вещания, а основным ведомством по управлению программами публичной дипломатии обозначало Отдел госдепартамента по правам человека вместо традиционных отделов По публичной дипломатии [10].

Новые проекты публичной дипломатии США в Евразии: первые результаты и перспективы

Такие теле- и радиоканалы, осуществляющие пропаганду на русском языке или на языках бывшего СССР, как «Голос Америки» и «Радио Свобода/Свободная Европа» отвечают за влияние на русскоязычных слушателей, зрителей и читателей социальных сетей. Для усиления информационной деятельности США теле- и радиоканалы «Голос Америки» и «Радио Свобода/Свободная Европа» в 2015 г. создали новые программы На русском языке для жителей постсоветского пространства. Американские каналы вещания в Молдавии, Киргизии, Грузии, Армении, Азербайджане и на Украине получили дополнительные часы вещания. Семнадцать языков стали языками международного вещания США. К традиционным языкам вещания добавились аварский, чеченский, белорусский, черкесский,

язык крымских татар, казахский и др. Носители этих языков стали ведущими целевыми аудиториями в американской информационной деятельности на территории Евразии.

Если в России только 2–3 канала используют информацию американских радиостанций в своём эфире, то на территории Украины около 120 каналов имеют такие договоры с США, а на территории постсоветских государств Средней Азии – около 700 по состоянию на 2016 г. на платформе «Радио Свобода/Свободная Европа» были созданы экспериментальные новостные каналы на казахском, киргизском, таджикском, узбекском и русских языках для жителей стран региона, которые должны выступать рычагом информационной деятельности против России [1].

Самая масштабная информационная деятельность США осуществляется на территории Украины. Сегодня «Голос Америки» охватывает более 5.4 млн слушателей, а в 2016 г. канал запустил одночасовое ток-шоу для жителей Донбасса и Восточной Украины в целом. Радио «Реалии Донбасса» вещает на данный регион на волнах FM и через мобильные приложения [1]. Произошла резкая активизация информационной деятельности США в Татарстане, Башкирии и на Северном Кавказе. Транслирование нарушений прав человека – является основным содержанием работы публичной дипломатии США [1].

В России американские каналы международного вещания полностью сконцентрировались на трансляции передач внутри сети Интернет. Социальные сети стали одним-единственным инструментом доступа к российской публике. Цифровой канал – «Настоящее время» (*Current Time TV*) – был создан на Интернет-платформе радиостанции «Голос Америки» и представляет собой американскую интерпретацию российских новостей. по оценкам американских специалистов, передачи данного канала смотрят более 2.4 млн жителей Евразии, а основная аудитория – это молодёжь от 15 до 24 лет, проживающая в России, Казахстане и на Украине. Документы США говорят о том, что передачи канала имеют 180 млн (!) просмотров на таких платформах как Facebook, YouTube, Twitter, а также на русскоязычных платформах – Вконтакте и Одноклассники [1]. Основной метод воздействия на аудиторию – это продвижение собственного взгляда на события в России. Канал трактует события в либеральном

дискурсе и часто использует видео-ролики, снятые молодежью, которые критикуют ситуацию в российском обществе. Один из показательных иллюстраций – это ролик, снятый учеником школы в Самаре, повествующий о жестком отношении учителя к тем учащимся, которые вышли на протестную акцию 26 марта 2017 г. Видео стало одним из самых обсуждаемых на канале. Также, канал использует и принципы пропаганды для распространения позитивного образа США. Короткометражные документальные фильмы, например, *My American Dream*, создают позитивный образ США посредством интервью тех российских граждан, которые постоянно живут в Америке.

Остановить ностальгию по советской империи, которая подогревается российской информационной деятельностью, призваны документальные фильмы, созданные на многих языках постсоветского пространства специалистами канала «Радио Свобода/Свободная Европа». Самый известный проект – фильм *After the Empire, который, как и в годы «холодной войны», показывает населению Евразии необходимость национализма и независимой политики от России* [1].

Часть финансовых средств публичной дипломатии направлена на создание так называемых региональных хабов – организаций, которые беспрепятственно работают с неправительственными организациями или отдельными активистами в России и Евразии. Планируется создать шесть таких хабов и первый уже создан в Праге. Например, «Пражский центр гражданского общества» (*Prague civil society centre*), созданный при поддержке правительства США, начал свою работу в 2016 г.

В 2015–2017 гг. заработали проекты по взаимодействию фондов с русскоязычными активистами на платформах различных организаций в Эстонии, Латвии, Киргизии и в других странах постсоветского пространства. Например, в Киргизии был успешно осуществлен известный проект правительства США под названием «Техкэмп» (*TechCamp*), который собирает представителей СМИ и неправительственных организаций со всей Евразии. Основная задача, поставленная перед активистами, – расширение русскоязычных проектов в социальных сетях, распространение информации и мобилизация граждан [7]. Обучение на семинаре проводилось на русском языке, что являлось редкостью для американских семинаров

до последнего времени. Участники семинара изучали такие вопросы, как создание сети «народных журналистов», публикующих новости на русском языке в странах постсоветского пространства, использование особого компьютерного приложения для получения данных об источниках той или иной новости, идущей из России по социальным сетям.

Еще одно новое направление публичной дипломатии, которое специально создано для русскоязычного населения постсоветского пространства, носит название «развитие медиаграмотности». Начиная с 2017 г. проекты США по расширению медиаграмотности широких слоев русскоязычного населения, проживающих на территории Украины, Молдавии, Грузии, России, других стран постсоветского пространства, а также на территории Восточной Европы, стали применяться в публичной дипломатии. Официально провозглашаемая цель повышения медиаграмотности – это создание критического восприятия потребляемой информации (*to build information consumption critical skills*), которая исходит от России. Управление международным вещанием и известная неправительственная организация IREX взяли на себя функции по реализации подобных проектов на Украине, Молдавии, Грузии, России и других государствах. Был создан широкий рамочный проект под названием *Learn to Discern*, который направлен на обучение населения тому, как надо смотреть или читать новости на русском языке [3]. Используя своих партнеров, правительство США проводит семинары по данной теме, создает преподавательский состав, который в свою очередь, передает азы медиаграмотности широкому кругу потребителей. Созданы особые материалы, которые просто и точно доносят до слушателей различие между информацией и пропагандой.

Самыми известным проектом в данной области является проект на Украине, который охватил несколько миллионов человек посредством челночного обучения и широкой рекламной кампании. Семинары собрали самых разных жителей Украины. Пенсионеры, молодежь, активисты, преподаватели и журналисты были отобраны из 14 регионов восточной и южной Украины для обучения. По словам руководителя данного проекта, жители западной и центральной Украины не привлекались к обучению, поскольку они не являются потребителями русскоязычной информации. Каждый участник должен

был передать свои знания и навыки еще 6 жителям региона после окончания семинара. В итоге, семинары, реклама на украинских телеканалах и масштабные краткие обучающие агитационные материалы в общественных местах охватили 20 млн телезрителей, 8 млн радиослушателей, 10 млн подписчиков на платформе Youtube [5]. Данный проект стал образцом для других стран постсоветского пространства. Например, в Молдове подобный проект был реализован немецкими каналом Deutsche Welle [9]. В России, к проекту о повышении медиagamотности присоединился канал «Настоящее время» посредством создания передачи «Смотри в оба» (*See in both sides*), авторы которой проводят сравнительный анализ новостей, поступающих из России и Украины, а также высшие учебные заведения, которые проводят семинары для студентов.

Заключение

Доступные документы и материалы по данной проблеме позволяют сделать следующие предварительные выводы о публичной дипломатии США на территории Евразии.

Во-первых, русскоязычное население, проживающее в различных государствах Евразии и Восточной Европы, стало основой целевой аудиторией информационных программ. Россия в данном контексте выступает конкурентом Вашингтона, чем объектом публичной дипломатии.

Во-вторых, информационная деятельность посредством традиционного международного вещания и Интернет-телевидения является основным направлением публичной дипломатии, подвинув назад такие инструменты как культурные связи или образовательные обмены.

В-третьих, произошли существенные изменения в механизме управления проектами публичной дипломатии – расширилось применение сетевого принципа финансирования проектами.

В-четвертых, финансирование проектов США обозначено в законах Конгресса до конца 2018 г., с возможностью продолжения и в последующие пять-десять лет в зависимости от внешней политики РФ.

В-пятых, внушительные изменения публичной дипломатии США в отношении России и Евразии в целом, внутривполитический контекст в самой Америке свидетельствуют о том, что стратегия

отрыва русскоязычного населения рассчитана на годы вперед.

Список литературы

1. Broadcasting Board of Governors. Annual Report 2016 . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbg.gov/strategy-and-performance/annual-reports/>
2. Inspection of U.S. International Broadcasting to Russia. Office of Inspector General, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oig.state.gov/system/files/217908.pdf>
3. Learn to Discern. IREX [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.irex.org/project/learn-discern>
4. Letter from The President Regarding the Administration's Comprehensive Interagency Strategy for Public Diplomacy and Strategic Communication, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whitehousepressbriefings.com/statement-releases/letter-president-regarding-administrations-comprehensive-interagency-strategy-public-diplomacy-and-strategic-communication/>
5. One Goal, Two Approaches: Addressing Disinformation in Eurasia. Panel Discussion. Broadcasting Board of Governors. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbg.gov/2017/07/10/one-goal-two-approaches-addressing-disinformation-eurasia/>
6. Putin's Invasion of Ukraine and the Propaganda that Threatens Europe. Hearings before U.S. Senate Committee on Foreign Relations, U.S. Congress. 3.11.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.foreign.senate.gov/hearings/putins-invasion-of-ukraine-and-the-propaganda-that-threatens-europe-110315p.>
7. TechCamp Kyrgyzstan. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://techcampglobal.org/techcamp-kyrgyzstan-connecting-russian-speaking-communities/>
8. Ukraine Freedom Support Act of 2014. PL 113–272. U. S. Congress. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/113/plaws/publ272/PLAW-113publ272.pdf>
9. Using Media Literacy to Fight Disinformation. Deutsche Welle <<http://www.dw.com/en/using-media-literacy-to-fight-disinformation/a-19410261>>
10. Цветкова Н. А. «Русский мир» в публичной дипломатии США: направления на 2015-2018 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – № 8 (560). – С. 59–72.

ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АННОТАЦИЯ

Дана подробная характеристика технологических и социальных смыслов понятия «умный город».

Раскрыты основные положения программы цифровой интеграции стран-членов ЕАЭС на примере формирования системы «умных городов». Определены и рассмотрены особенности публичная дипломатия ЕАЭС в условиях цифрового общества.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; «умный город»; цифровая интеграция; интеллектуальный капитал; публичная дипломатия.

VASILIEVA N. A.

THE EEU IN TERMS OF THE FOURTH SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL REVOLUTION

ABSTRACT

Given a detailed characteristic of technological and social meanings of the concept of “smart city”.

The basic points of digital integration of the countries-members of the EEU on the example of formation of the system of “smart cities” are defined. Are defined the peculiarities of public diplomacy of the EEU in a digital society.

Keywords: Eurasian economic Union; smart cities; digital integration; intellectual capital; public diplomacy.

Становление Евразийского экономического союза происходит в период стремительного изменения основ современной экономики, что обусловлено новым этапом научно-технологического прогресса, в основе которого цифровые инновации. Если 80-90-ые годы XX века определялись понятием «информационное общество», а первые десятилетия XXI века характеризуются как «общество знаний», то ближайшая перспектива – «цифровое общество», основанное на «умных» технологиях во всех сферах жизни. Поэтому как никогда актуально рассмотреть пути и формы вхождения стран ЕАЭС в новый этап общемирового развития на примере одного из направлений развития цифрового общества – формирования системы «smartcities» («умных городов»).

1. Технологические и социальные смыслы понятия «умный город»

Сам термин «smart» был введен в употребление американским экономистом П. Друкером еще во второй половине XX века и представлял собой аббревиатуру из пяти элементов, необходимых для эффективного управления: smart (умный); specific (конкретный); measurable (измеримый); achievable (достижимый); realistic (реалистичный); time (определенный во времени) [1]. Однако в настоящее время смысловые акценты сместились, более того, фактически стала использоваться не аббре-

виатура, а само английское слово «smart» (умный). К этому надо добавить, что нет единого термина, поскольку в широком употреблении существуют сходные понятия: «digitalcity», «e-communities», «IQ-city», «datadrivencity». Если проанализировать всю эту линейку терминов, то можно вычлени те признаки, которыми должен обладать город цифрового общества: применение разнообразных информационных и цифровых технологий (ИКТ) для трансформации деловой и социальной городской среды, а также для повышения эффективности городских управленческих систем. Кроме того, цифровые технологии призваны повысить деловую и гражданскую мобильность граждан. Таким образом, в определении «умный город» можно выделить два важнейших аспекта – технологический и социальный.

Если дать развернутую характеристику технологическому аспекту развития «умных городов», то на первый план выходит проблематика экономического и экологически обоснованного использования городских систем жизнедеятельности на основе цифровых технологий последнего поколения. В этой связи акцент делается на интеграции информационных и коммуникационных технологий и Интернета вещей для управления основными городскими системами жизнеобеспечения населения: школы, библиотеки, транспорт, больницы, электростанции, системы водоснабжения и

управления отходами, правоохранительные органы и другие службы. С технологической стороны проект «умный город» включает целый ряд составляющих (инженерные и энергетические сети, здания, транспортную систему, экологические стандарты), которые призваны создать условия для комфортного проживания и ведения бизнеса.

Однако технологический аспект формирования «умных городов» имеет и политико-управленческий подтекст. Об этом в знаменитых антиутопиях писали и Е. Замятин, и Дж. Оруэлл, когда «умный город», напичканный цифровыми технологиями, может превратить горожанина в «стеклянного человека», полностью контролируемого властью. Кроме того, в технократически интерпретированной идее «умного города», как замечает С. Н. Максимов, светлое будущее «умных городов» олицетворяется в виде всеобщей компьютеризации и могущества ИТ-технологий, что на практике означает лоббирование «вполне прозаических интересов разработчиков соответствующих технологий и техники вроде HP, CISCO, IBM, обещающих решить с их помощью все проблемы современных городов» [2].

Однако данная сугубо технократическая трактовка цифрового урбанистического проекта, который продвигают крупные компании, по мнению профессора М. Климовского, теряет свою первостепенную значимость, поскольку «сейчас в тренде концепция «Умный город 3.0» – уход от позитивистского отношения к городу, от стремления централизовать управление и упора на «hard» (на «железо», на системы контроля и учета). <...> Суперкомпьютеры, которые изначально были главными героями первых smart-концепций, отступают на второй план; идет уход от ключевой идеи сверхцентрализации к децентрализации, кроссплатформенным решениям. И значение именно человека сегодня первично» [3].

Касательно социального аспекта становления системы «умных городов» нужно отметить необходимость развития самих горожан (социальные нормы поведения граждан, уровень и качество образования, мобильность, познания в области информационных технологий и др.), которые должны соответствовать новым условиям жизни и работы. Справедливо замечание М. Климовского, что «появление мобильных технологий и развитие Интернета, программного обеспечения с откры-

тым исходным кодом приводит к тому, что «soft», различные приложения и целые цифровые среды могут продвигать отдельные люди. Рынок цифровых технологий стремительно вырос. Почти все решения сейчас сосредотачиваются в мобильных телефонах, которые используют люди, и в какой-то момент люди стали основной движущей силой. «Умный город» сегодня создают умные горожане, максимально вовлеченные в городское управление и развитие» [3].

В этом контексте представляется оправданным введение в научный оборот понятия «креативный класс» [4], который, по мнению его создателя Р. Флориды, можно использовать (по аналогии с концептуальными понятиями К. Маркса – классы буржуазии и пролетариата как основа индустриального или капиталистического общества) для характеристики цифрового общества. «Креативный класс» включает в себя производителей разнообразного «интеллектуального капитала», задействованных как в научно-техническом секторе экономики, так и в других сферах творческой деятельности, где принципиально важно создавать новые идеи и технологические решения, определяющие перспективные направления развития (например, в архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, индустрии развлечений, бизнесе, финансах и др.).

Однако процесс повышения технологической культуры горожан тесно связан и с процессом становления новых форм прямой демократии. Именно о социальных последствиях использования информационных технологий гражданским обществом писал еще во второй половине XX века американский политолог Б. Барбер, когда рассуждал о развитии «демократии участия» (participatory democracy): создание общенациональных систем дебатов, региональных ассамблей местных жителей («ассамблеи соседей»), организация гражданского обучения политической культуре и т.д. Одним словом, не выходя из дома, каждый гражданин имеет возможность участвовать в электронных политических форумах, активно вникать в животрепещущие проблемы города и страны [5].

Все эти научные прогнозы становятся практикой повседневной жизни в странах, активно вступающих в период цифровой научно-технологической революции. Стремительное вовлечение

миллиардов людей, в основном проживающих в городах, в компьютерную сетевую взаимосвязь привело к формированию реальных условий повышения гражданской активности людей. Люди, а не суперкомпьютеры, становятся основной движущей силой цифрового общества. Проектная идея формирования «умных городов» содержит в себе целый ряд инновационных решений для коммуникации бизнеса, граждан и органов власти. Как отмечает профессор В. Кайсарова, «умный город» – это «открытая платформа» для активного участия горожан, их массовой интеграции, желая достичь результатов в решении городских проблем. «Но такое вовлечение в процессы модернизации должно быть основано на интеллектуальном управлении и интегрировании информационных технологий для достижения эффективности при поиске решений проблем».[3]Этому способствуют технологические новации, повышающие уровень независимости людей в самых различных сферах:

- в Интернет-пространстве создаются возможности для получения информации из разнообразных источников, а также возможности обмена информацией и координации гражданских инициатив;
- в энергетической сфере использование альтернативных источников энергии снижает зависимость от централизованных систем электро-тепло-водоснабжения;
- в сфере торговли новые виртуальные форматы меняют традиционные логистические схемы и т.д.

Данные тенденции развития цифровой экономики еще более способствуют тому, что в формирующихся «умных городах» система управления, как отмечает профессор С. Н. Максимов, «все больше перестает быть иерархической системой с доминированием вертикальных связей и становится системой гетерархической, под которой понимается сложная система, образованная пересекающимися и разнообразными структурами управления с высокой степенью независимости отдельных элементов системы»[2]. Таким образом, концепция «умный город» именно в социальном плане создает невиданные ранее возможности для активного вовлечения горожан, представителей креативного класса в демократическую трансформацию городской среды обитания.

2. Цифровая интеграция стран-членов ЕАЭС: формирование системы «умных городов»

В декабре 2016 года Высшим евразийским экономическим советом принято решение «О формировании цифровой повестки Евразийского экономического союза» [6], что предполагает «формирование цифрового пространства Евразийского экономического союза (далее – Союза) как необходимой составляющей не только процесса интеграции стран Союза между собой, но и включения стран в широкомасштабные процессы глобальной цифровой трансформации, приводящей к новым ландшафтам экономических процессов» [7]. Фактически речь идет о новом уровне интеграционного взаимодействия стран-участниц ЕАЭС в условиях четвертой научно-технологической революции. При этом в документах Евразийской комиссии особо отмечается, что «в условиях развития цифровой экономики на передний план, выходят человеческие ресурсы, которые способны менять социо-технические миры, создавать уникальные сущности для цифровых пространств, виртуальных реальностей, трансформировать структуры деятельности, выстраивать механизмы цифровизации традиционных процессов» [8]. В планах ЕАЭС до 2025 года значится создание цифрового пространства и решение на его технологической платформе ряда задач:

- на базе цифровых технологий реализовывать стратегии и программы развития стран;
- создать условия для формировании совместной цифровой экономики;
- стать совладельцами новых цифровых активов;
- предоставить странам, их бизнесу и гражданам возможность существенно более активного участия в развитии цифровой экономики и трансформации экономики традиционных укладов [9].

Цифровая интеграция стран-участниц ЕАЭС предполагает комплексные программы, среди которых необходимо отметить разработки в сфере транспорта. Так, с участием автодорожных компаний государств-членов ЕАЭС ведутся разработки концепции «Умного Шелкового пути»; рассматривается концепция беспилотных транспортных систем в рамках ЕАЭС. Пилотными проектами

в рамках ЕАЭС для тестирования и применения могут быть проекты по созданию транспортно-логистических коридоров и хабов – «Западная Европа–Западный Китай», «Север–Юг» [10].

В этом же информационно-аналитическом отчете для Евразийской экономической комиссии «Цифровая трансформация промышленности» особое внимание уделено проектам по внедрению наилучших практик развития концепций «Умный дом» и «Умные товары». Отмечается, что в данном направлении имеется большой потенциал для сотрудничества стран ЕАЭС. Только объем рынка бытовой техники в рамках ЕАЭС оценивается в 1,5 трлн руб. Кроме того, как отметил И. Шувалов, «для расширения единого цифрового пространства на периметре ЕвразЭС задачей минимум должно стать создание механизмов трансграничного обмена сведениями и документами внутри союза. Как максимум в обозримом будущем где-то трех-пяти лет желательно обеспечить унификацию регулирования этой новой сверхдеятельности в рамках ЕАЭС» [11]. Особое внимание в рамках ЕАЭС на перспективу до середины XXI века предполагается уделить реализации концепции «умных городов»: усиленное внимание к вопросам гармонизации социальной и природной среды обитания; энергосбережение; экологические нормы; безопасность; доступность разнообразных государственных услуг для населения и полномасштабное внедрение электронного правительства в управленческие структуры.

Если говорить отдельно по странам-участникам ЕАЭС, то в России в июне 2017 года Министерство связи и массовых коммуникаций РФ представило проект программы «Цифровая экономика» по восьми направлениям: законодательная и регуляторная среда, кадры и образование, цифровое здравоохранение, инфраструктура, информационная безопасность, научные исследования и разработки, «умный город», система управления и государственное управление [12]. По распоряжению Президента В.В.Путина направление «Цифровая экономика» вошло в перечень основных направлений стратегического развития РФ до 2018 и на период до 2025.

Предполагается создание к 2025 году 50 «умных городов» с населением порядка 50 млн. человек. Такие города будут застроены технопарками,

в них повсеместно будет доступен Wi-Fi, жильцы с помощью электронных сервисов будут участвовать в принятии решений городскими властями, дома будут строиться с помощью цифровых технологий, а по улицам начнут ездить беспилотники. В 2019 году планируется утверждение единых стандартов информационного обеспечения и вовлечения граждан в процессы управления городом. В 2020 году в пилотных городах будет введена в эксплуатацию система городских информационных порталов и сервисов.

По планам программы «Цифровая экономика», города России должны занять достойное место в международных рейтингах «умных городов», однако в стране нет ресурсов, поэтому к 2024 году появится примерно 5 пилотных городов, в которых будет функционировать беспилотный транспорт [13]. В стадии разработки находится проект «умного города» Циолковский на базе космодрома «Восточный» в Амурской области, который должен стать экспериментальной площадкой для реализации проекта «Умный и безопасный город» [14]. По пути пилотных проектов идут и остальные государства-члены ЕАЭС. Так, в Армении при финансовой помощи ЕЭК ООН в городе Горис начата работа по его превращению в «умный город», что должно дать старт такого рода проектам в кавказском регионе [15]. В Киргизии объявлено о начале работы по осуществлению в Бишкеке проекта «Таза коом» («Чистое общество»), который должен стать главным проектом в Национальной стратегии развития до 2040 года [16]. Наиболее амбициозные планы у руководства Казахстана. Проект «SmartAstana» подразумевает создание уже в 2017 году единой городской инфраструктуры, за счет которой жители города смогут получать более широкий спектр цифровых услуг [17]. Проекты по созданию «умных» городов предполагается внедрить до 2020 года в белорусских городах – Бресте и Витебске [18]. При всех плюсах внедрения цифровых урбанистических проектов, есть и ряд проблемных точек: сложность разработки интегрального и комплексного подхода к реализации идеи для конкретного города; риски монополизации больших ИТ-компаний, которые попытаются использовать идеи внедрения «умного города» как витрину для своей экспансии; возможность несанкционированного доступа к персональным

данным и закрытой информации без создания безопасных режимов доступа и единой централизованной инфраструктуры в городе; риски развития «цифрового неравенства» горожан; долговременность отдачи инвестиций в умных людей и другие [3]. Однако в любом новом проекте существуют «узкие» места, поэтому крайне важно государствам ЕАЭС сформировать единую интегральную платформу по созданию системы «умных городов» по примеру ЕС.

3. Публичная дипломатия ЕАЭС в цифровом формате

Цифровое общество, как уже отмечалось, является новым качественным шагом по пути развития человеческих коммуникаций во всех сферах жизни. Сетевой принцип структурирования общественных связей создает предпосылки для сближения народов стран ЕАЭС. Необходимо создавать привлекательный позитивный образ ЕАЭС, тех стран и народов, которые формируют новое интеграционное пространство. При этом важно сформировать такой имидж Союза, как на международной арене, так и внутри самого ЕАЭС, который бы свидетельствовал об устремленности к целям социально-экономического процветания на основе важнейших трендов мирового развития, которые определяются четвертой научно-технологической революцией. Как справедливо замечает профессор К. П. Боришполец, «адекватным средством решения этих задач являются ресурсы публичной дипломатии, способной сблизить разные группы населения, создать по сути общую информационно-интеллектуальную среду стран ЕАЭС» [19]. Именно эта задача – создание общей информационно-интеллектуальной среды – самым непосредственным образом может быть решена в рамках цифровой интеграции не только государств, но и народов ЕАЭС. Для эффективного развития цифрового пространства ЕАЭС требуется проектирование и внедрение в жизнь разработок по использованию человеческих ресурсов, что означает особое внимание к центрам концентрации интеллектуального капитала (университеты, сетевые сообщества и т.п.). Все это должно «дать эффект по всем направлениям цифровой повестки, как на уровне стран, так и на уровне Союза» [9]. В условиях становления цифрового общества, по мнению ряда экспертов,

наблюдается переход «от технологий high-tech технологиям high-hume» [20], что сопряжено и с изменением человеческого сознания – индивидуального и коллективного. В условиях четвертой научно-технологической революции востребованной становится креативная личность, способная производить интеллектуальную продукцию. Именно она становится центральным звеном глобальных общественных перемен, что обуславливает необходимость концентрации усилий государств ЕАЭС на создании условий для количественного и качественного роста интеллектуального ресурса.

Именно публичная дипломатия может стать тем инструментом, с помощью которого можно сформировать позитивный имидж ЕАЭС как интеграционного объединения, устремленного в будущее, ставящего в центр внимания интересы и запросы творческих людей (креативного класса), потенциально и на практике способных производить важнейший для цифрового общества продукт – интеллектуальный капитал. Необходимо привлекать внимание экспертного сообщества, различных международных организаций, государственных институтов, СМИ, общественных организаций и т.д. к формированию образа ЕАЭС как пространства для интеграционного развития креативных возможностей творческих людей стран-членов ЕАЭС. Как отметил российский эксперт Г. Никитин, «топливо для инноваций – человеческий капитал, и главная конкуренция идет за него. Будет человеку комфортно созидать, производить, будут модернизации и инновации. на сегодняшний день, глобальная конкуренция — это конкуренция не технологий и инновационных решений, а конкуренция за человека. Не Америка создала Google и Facebook, а люди, для которых была предложена правильная платформа, и они свои инновационные идеи смогли внедрить» [21]. Поэтому формирование «умных городов», где центральным звеном становится университет (фабрика знаний), может помочь не только остановить отток молодых интеллектуалов из ЕАЭС, но и привлечь интеллектуальную молодежь (развитие междууниверситетского обмена и пр.) из развивающихся стран. Именно поэтому необходимо широко использовать ресурсы публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС в условиях «цифрового общества», что, по мнению К. П. Боришполец, можно свести к следу-

ющим составляющим: исторически сложившиеся человеческие связи народов; новые возможности повышения культурного, образовательного, научно-технического статуса; общая информационно-интеллектуальная среда, способная сблизить разные группы населения. Свой тезис профессор К. П. Боришполец иллюстрирует на примере НТО «Евразийское содружество» – международной общественной организации содействия общественной дипломатии, научно-образовательному и молодежному сотрудничеству. Практически все пространство СНГ охвачено ее деятельностью (более 60 вузов и молодежных движений России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Грузии, Таджикистана, Узбекистана и Украины, т.е. как стран ЕАЭС, так и других постсоветских государств), которая в основном касается научной проектной деятельности. Так, например, форум «Ломоносов», где проводятся конкурсы научных работ и инновационных проектов научной молодежи, «Фестиваль науки стран СНГ», Школы молодых ученых и пр. «Эти проекты способствуют созданию единого интеллектуального пространства евразийского формата с учетом запросов молодого поколения» [19]. Представляется, что это направление публичной дипломатии, где внимание сосредоточено именно на творческих потенциалах молодежи, может стать одним из важных инструментов успешного продвижения ЕАЭС по пути научно-технологического прогресса.

Подводя итог, можно отметить, что формирование ЕАЭС совпало по времени с началом активной фазы развития четвертой научно-технологической революции, а потому есть все объективные предпосылки (интеллектуальные ресурсы, научно-материальная база и пр.) для того, чтобы цифровая интеграция (система «умных городов», трансграничные цифровые коммуникации и пр.) стала не элементом украшения, а основной несущей конструкцией в строящемся здании евразийского сообщества народов.

Список литературы

1. Друкер П. Эффективное управление.– М.: Изд-во Астрель, 2004.
2. Максимов С. Н. «Умный город»: к вопросу о понятии и концепции// Проблемы современной экономики. – 2017. № 1 (61). – [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5995> (дата обращения 16.07.2017).

3. Скляренко М. Там, где все счастливы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/northwest/2017/27/tam-gde-vse-schastlivyi/> (дата обращения 16.07.2017).

4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. / Р. Флорида. — М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. — 432 с.; Florida R. What Critics Get Wrong About the Creative Class and Economic Development. The Fall of the Creative Class? Not so fast. July3, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.citylab.com/work/2012/07/what-critics-get-wrong-about-creative-class/2430/> (дата обращения 16.02.2016).

5. Barber B. Pagloss. Pandora or Jefferson? Three scenarios for the future of technology & democracy// Information Technology: the public issues. L. 1988

6. Создание единого цифрового пространства обсудили на заседании Высшего Евразийского экономического совета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/events/36309/> (дата обращения 20.07.2017).

7. Цифровая повестка ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Pages/docs.aspx> (дата обращения 20.07.2017).

8. Общие подходы к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents.pdf> (дата обращения 20.07.2017).

9. Стратегические направления формирования и развития цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents.pdf> (дата обращения 20.07.2017).

10. Евразийская экономическая комиссия. Цифровая трансформация промышленности. Информационно-аналитический отчет.- М., 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom.013.02.2017.pdf (дата обращения 20.07.2017).

11. Шувалов: 50 млн россиян заживут в «умных» городах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/86903> (дата обращения 20.07.2017).

12. В Москве обсудили подготовку основных направлений реализации цифровой повестки ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bujet.ru/article/321344.php> (дата обращения 20.07.2017).

13. Мухамедзянова Д. К 2024 году в умных городах России будет жить 50 млн человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hightech.fm/2017/05/24/smart-city>(дата обращения 20.07.2017).

14. Амурский Циолковский станет первым «Умным городом» в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ampravda.ru/2016/11/24/071261.html>(дата обращения 20.07.2017).

15. Горис станет первым «умным городом» в Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://city-smart.ru/news/2606.html>(дата обращения 20.07.2017).

16. «Таза коом» – это новая модель управления, строительства чистого и открытого об-

щества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.gezitter.org/politic/60467_taza_koom_-_eto_novaya_model_upravleniya_stroitelstva_chistogo_i_otkryitogo_obschestva/ (дата обращения 20.07.2017).

17. Smart Астана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smart.astana.kz/about.html>(дата обращения 20.07.2017).

18. Зеленая карта Бреста разработана по проекту «умного города» SymbioCity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://virtualbrest.by/news45050.php>(дата обращения 20.07.2017).

19. *Боришполец К. П.* Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденции развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/005_borishpoleckp.pdf (дата обращения 20.07.2017).

20. *Андреев Э. М.* Потенциал человеческого развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ponjatija.ru/node/8785>(дата обращения 20.07.2017).

21. Инновации: человеческий капитал и эффективное управление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://open.gov.ru/events/5511223/> (дата обращения 20.07.2017).

МЕГА-СОБЫТИЯ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В СТРАНАХ СНГ

АННОТАЦИЯ

Сотрудничество с государствами СНГ является приоритетным направлением внешней культурной политики и культурной дипломатии Российской Федерации. Культурные связи России с государствами СНГ многообразны. Однако среди этого многообразия форм особое место занимают культурные-мега-события – крупные международные проекты с большим числом участников, обширной программой и широким медийным освещением. Повышение интереса к организации мега-событий становится заметной тенденцией современного культурного обмена, т.к. подобные мероприятия обладают универсальностью, и в отличие от многих других форм межкультурного диалога они позволяют решать не только сугубо культурные, но и политические, и экономические, и социальные задачи. Культурные мега-события, организуемые в странах Содружества Независимых государств, обладают не только богатейшим творческим потенциалом, но значительным эффектом с точки зрения культурной дипломатии. Они имеют большой объединяющий, интеграционный, коммуникационный ресурс, способствуют культурному сближению стран СНГ, вносят вклад в популяризацию национальных культур. Однако надо отметить, что потенциал культурных мега-событий не до конца использован государствами СНГ и учитывая особенности современных культурных связей, спектр таких мероприятий мог бы быть значительно больше и разнообразнее.

Ключевые слова: Россия; СНГ; культурная дипломатия; международные культурные связи; культурный обмен; мега-события.

**BOGOLIUBOVA N. M.,
NIKOLAEVA JU. V.**

MEGA EVENTS AS A FORM OF CULTURAL DIPLOMACY IN THE CIS COUNTRIES

ABSTRACT

The priority direction of the external cultural policy and cultural diplomacy of the Russian Federation is cooperation with the CIS countries. Russia's cultural relations with the CIS countries are diverse. However, among this variety of forms a special place is occupied by cultural mega-events – large international projects with a large number of participants, an extensive program and wide media coverage. Increasing interest in the organization of mega-events is becoming a noticeable trend in contemporary cultural exchange. Such events are universal. Unlike many other forms, they allow solving not only cultural, but political, economic and social tasks. Cultural mega-events organized in the countries of the Commonwealth of Independent States have not only creative potential, but significant effect from the point of view of cultural diplomacy. These events have a great unifying, integration, communication resource. Moreover, the events contribute to the cultural rapprochement of the CIS countries, contribute to the popularization of national cultures. However, it should be noted that the potential of cultural mega-events has not been fully used by the CIS countries and given the features of contemporary cultural relations, the range of such events could be much larger.

Keywords: Russia; CIS; cultural diplomacy; international cultural relations; cultural exchange; mega-events.

Характерной чертой культурного обмена начала XXI века стал значительный рост интереса к организации масштабных международных мероприятий с большим числом участников, значительным общественным резонансом и широким медийным освещением. За такими мероприятиями закрепилось название «мега-событие». Мега-события как глобальное мероприятие, может проводиться в сфере политики, экономики, культуры, спорта [16. р. 15].

Сегодня существуют различные подходы к определению и типологии мега-событий, которые предлагают в основном зарубежные исследователи, представители различных направлений гуманитарного знания. Известный социолог, Мартин Мюллер, выделяет четыре критерия, которые раскрывают сущность мега-событий: привлекатель-

ность для посетителей, доступность, стоимость и эффект в экономической, культурной, имиджевой сферах [4, р. 5; 16]. Большое внимание автор уделяет именно последнему критерию, рассматривая мега-события как важный инструмент развития имиджа города, региона, где происходят масштабные мероприятия в культурной, спортивной, политической, экономической сферах. Важно, что именно благодаря данным мероприятиям формируется позитивный имидж региона, увеличивается поток туристов, формируется инфраструктура региона, создаются объекты долговременной эксплуатации, которые активно используются и после проведения масштабных мероприятий.

Обращаясь к различным примерам мега-событий и анализируя их природу, экономический

и имиджевый эффект. М. Мюллер дает следующее определение мега-событию: «это мероприятие с установленными временными рамками, которое привлекает большое количество зрителей, освещается средствами массовой информации, имеет большую стоимость, а также сильно влияет на его место проведения и население» [4, р. 12].

На международную природу мега-событий обращает внимание в своей книге «Мега-события и современность» английский ученый, профессор Шеффилдского университета М. Рош. По его мнению, «мега-события – это культурные (включая коммерческие и спортивные) мероприятия большого масштаба, которые привлекают внимание и интерес со стороны мирового сообщества и имеют международную значимость» [15, р. 11].

Определяющими критериями мега-событий Дж. Хорн назвал значительные социальные, политические, экономические и идеологические последствия для города, региона и страны, в котором оно проводится. Таким образом, автор показал исключительные возможности данных мероприятий для решения актуальных задач в разных сферах [13, р.2].

Таким образом, обобщая мнения специалистов, можно предложить следующее определение данных мероприятий. Мега-события – это многоцелевые мероприятия, которые отражают процессы глобализации современной культуры, международных отношений, возрастающее влияния политики и экономики на их программу и подходы в организации и проведении. Стоит отметить, что по своему содержанию мега-события, к какой бы сфере они не относились можно рассматривать как многожанровые фестивали культуры и искусств.

Несмотря на сложную природу и жанрово-видовую направленность данных мероприятий, можно выделить следующие направления, формы и типы мега-событий:

1) Культурные мега-события – это масштабные мероприятия в рамках театральной, музыкально, кинематографической, художественной жизни, которые проводятся в форме фестивалей, конкурсов, премий... А также культурные мега-события, которые проводятся в рамках современных международных отношений, например, сезоны культур, перекрестные годы культур, крупные международные фестивали, праздники.

2) Спортивные мега-события – Олимпийские игры и другие международные спортивные игры, чемпионаты мира, региональные чемпионаты по разным видам спорта, крупнейшие международные спортивные события, такие как Чемпионат мира по футболу, Олимпийские игры, универсиады и т.д.

3) Политические мега-события – встречи глав-государств, официальных лиц и политиков разного уровня, саммиты, форумы крупного международного масштаба.

4) Прочие мероприятия, имеющие сложную природу, международные социальные, гуманитарные проекты. Например, Экологическая акция «Спасем амурского тигра».

Безусловно, предложенная типология нуждается в уточнении и детализации и может быть дополнена другими интересными примерами мега-событий.

Мега-события – это инструмент государственной политики, способ заявить о своих политических амбициях и продемонстрировать свои достижения в различных сферах. в период холодной войны они часто использовались для демонстрации успехов и достижений той или иной идеологической системы. Например, Олимпийские игры в Москве в 1980 году – социалистической, Игры в Лос-Анджелесе – капиталистической, и безусловно, сегодня мега-события, являются одним из наиболее действенных и масштабных инструментов дипломатии

Современные мега-события весьма разнообразны, но особой популярностью и интересом пользуются мега-события в области культуры и спорта. В качестве формы культурной дипломатии мега-события выполняют ряд важнейших функций. Они способствуют углублению межкультурного сотрудничества и культурного обмена, популяризируют национальную культуру, привлекают к культурному диалогу молодежь. Проведение культурных мега-событий открывает для стран и городов новые возможности для самопрезентации, увеличивает их шансы в конкуренции с другими территориями, способствует росту популярности и известности, положительно влияют на рост числа туристов, активизируют культурную жизнь [22, с. 33]. Нередко культурные мега-события используются в качестве элементов национальных имиджевых и брендинговых кампаний, поскольку с их

помощью можно удачно подчеркнуть привлекательность и уникальность страны. Они также способствуют формированию положительного имиджа страны-организатора и вносят определенный вклад в укрепление ее репутации.

Традиционно мега-события проводятся разными странами, но сегодня получила распространение практика проведения мега-событий, которые подготовлены целыми регионами, политическими объединениями и гуманитарными организациями. Такие мега-события, кроме вышеперечисленных функций, решают задачи интеграции участников, формирования единого политического, экономического культурного пространства. Например, к интересным примерам европейских мега-событий можно отнести многожанровый фестиваль «Культурная столица Европы», который демонстрирует единство и многообразие культурных традиций народов Европы.

В странах СНГ сегодня также сложилась скоординированная система проведения культурных мега-событий, в которых принимают участие практически все государства-члены. Большинство из них стали уже традиционными, проводятся на регулярной основе и привлекают большое число участников и зрителей. К числу таких культурных мега-событий можно отнести молодежные Дельфийские игры государств-участников СНГ, которые впервые состоялись в 2002 году в Брянске. Это соревнования молодых деятелей искусств в возрасте от 10 лет до 21 года, главная цель которых – приумножение культурных традиций, сохранение и развитие национальной культуры, а также укрепление культурных связей между странами СНГ. Популярность Игр у зрителей, их освещение в СМИ позволяют использовать Игры как инструмент общественной дипломатии, поскольку они направлены на поддержку взаимопонимания между народами Содружества, популяризируют общие культурные ценности, гуманистические идеалы.

Программа Игр включает конкурсную и фестивальную части. Участники выступают в различных номинациях, в народных, классических и современных видах искусств: фортепиано, скрипка, эстрадное пение, народное пение, академическое пение, эстрадный танец, народный танец, цирк, фотография, плакат, граффити, ди-джей, веб-

дизайн, народные инструменты, духовые инструменты, народные художественные промыслы и ремесла, кулинарное искусство. Игры проходили в различных городах государств СНГ: Кишиневе (2004), Киеве (2005), Астане (2006 и 2012), Минске (2008), Ереване (2010). Среди российских городов Игры принимали у себя Новосибирск (2013), Волгоград (2014). В 2017 году участники Дельфийских состязаний встретились в Свердловской области. Дельфийские игры государств-участников СНГ признаны Международным Дельфийским комитетом и Комиссией РФ по делам ЮНЕСКО [5].

Сочетание культурных, спортивных и гуманитарных аспектов в программе Игр делает их уникальным примером спортивных соревнований. Они способствуют развитию межкультурного общения, формированию уважительного отношения к культурам стран СНГ, их сохранению и популяризации.

Одним из известных мега-событий Содружества стал ежегодный Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», в центре программы которого лежит международный конкурс исполнителей эстрадной песни. Фестиваль также включает международный детский музыкальный конкурс, кино- и театральные программы, вернисаж произведений современных художников под открытым небом, «города мастеров», в котором представлены народные промыслы, гала-концерты мастеров культуры Беларуси, России, Украины, программы «Фестиваль без границ», «Театральные встречи», «Звездный час» [9]. Впервые «Славянский базар» состоялся в 1992 году.

«Славянский базар в Витебске» – один из крупнейших культурных проектов Союзного государства, который, безусловно, способствует развитию культурного диалога между странами СНГ и с этой точки зрения может рассматриваться как эффективный инструмент культурной дипломатии. В культурном пространстве Содружества «Славянский базар в Витебске» получил статус престижного и весьма уважаемого фестиваля. Дважды, в 2000 и 2004 годах, он был признан лучшим фестивалем года Международной Федерацией фестивальных организаций за профессионализм, безупречное качество организации, мастерство исполнителей, за популяризацию высоких гуманистических целей на международном уровне.

Фестиваль как культурное мега-событие создает особую, неповторимую атмосферу, объединяющую большое число участников, зрителей и организаторов. Актуальность фестивальных форм в культурной дипломатии подтверждается их особыми возможностями в осуществлении межкультурного, творческого общения, использованием диалогового принципа продвижения национальных культур, широтой и многообразием направлений и форм участия.

Дипломатический потенциал фестиваля «Славянский базар» велик. Он формирует дух взаимопонимания между участниками, содействует культурному сближению стран СНГ, способствует обмену национальными песенными, музыкальными традициями, рождает у участников и зрителей чувство культурной общности, но при этом вносит вклад в популяризацию национальных музыкальных традиций и культур, служит ареной для демонстрации лучших творческих достижений. Не следует забывать и об имиджевом характере фестиваля, поскольку он считается одним из ключевых культурных проектов стран Содружества. Общественный, медийный, политический резонанс фестиваля «Славянский базар» также позволяет отнести его к действенным рычагам культурной дипломатии на пространстве СНГ.

Еще одним примером культурного мега-события на пространстве СНГ служит межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества» [10], разработанная в 2011 году для поддержания интереса к национальным культурам государств-членов и придания нового импульса для культурного развития нестоличных городов СНГ. в качестве культурной столицы СНГ каждый год в двух государствах выбирают по одному нестоличному городу, в которых затем организуются масштабные культурные мероприятия с целью презентации и популяризации их потенциала. За историю существования программы культурными столицами стали СНГ становились: в 2011 году Ульяновск (Россия) и Гомель (Беларусь), в 2012 году – Астана (Казахстан) и Мары (Туркменистан), в 2013 году – Габала (Азербайджан), Гюмри (Армения), Могилев (Беларусь), в 2014 году – Алматы (Казахстан) и Ош (Кыргызстан). В 2015 году культурными столицами Содружества были выбраны Воронеж (Россия) и Куляб (Таджикистан),

в 2016 году – Дашогуз (Туркменистан), в 2017 году – Гянджа (Азербайджан), в 2018 году культурной столицей станет Горис (Армения)[6].

Говоря о ценности этой программы с точки зрения культурной дипломатии, отметим, что она, в первую очередь, состоит в укреплении и расширении культурных связей между странами и городами Содружества, в активизации межкультурного диалога, продвижении общих культурно-гуманитарных ценностей. Города, признанные культурной столицей СНГ, становятся более известными, узнаваемыми. На год они становятся «витриной», визитной карточкой культуры своей страны, повышают уровень осведомленности о ней за пределами государства. Культурные столицы привлекают туристов, в них проводятся различные фестивали, выставки, концерты, способствующие оживлению их культурной жизни. Кроме того, происходит более активное развитие инфраструктурных проектов, реализуются проекты по благоустройству этих городов.

В начале XXI века получил распространение и такой вид культурных мега-событий как год культур, когда страна или страны-организаторы проводят многочисленные культурные мероприятия, продвигая, таким образом свои лучшие культурные достижения. Большое число участников, организаторов, мероприятий, их медийность позволяют отнести такие культурные акции к числу мега-событий. Годы культур как международный мега-проект объединяют многие виды искусства, кроме того, они включают университетские, технологические, научные, промышленные и экономические обмены. Их программа исключительно насыщена и обычно включает нескольких сотен событий.

Говоря о значении годов культур с точки зрения культурной дипломатии, отметим их репутационные, коммуникационные возможности: они способствуют культурному сближению стран, популяризации национальной культуры и языка стран-организаторов. Заслуживает внимания роль годов культур в процессе формирования благоприятного образа страны-организатора. Это и довольно эффективная форма событийного пиара, своеобразная реклама туристического, научного, делового потенциала стран-организаторов, важный компонент национального брендинга [2, с. 34-35].

Первоначально идея годов культур в странах СНГ была реализована на основе тематического принципа. В 2008 году все страны Содружества приняли активное участие в проведении Года литературы и чтения, в время которого было поддержано множество совместных издательских и просветительских инициатив, организованы различные литературные конкурсы. В 2009 году был проведен Год молодежи, а 2010-й стал Годом науки и инноваций. Позднее идея проведения тематических годов была реализована и продолжена в форме Годов по гуманитарной тематике, или Гуманитарных годов. Это масштабные межгосударственные мероприятия, которые позволяют государствам-участникам организовать более тесное сотрудничество в отдельной сфере культуры. Первым опытом стал Год историко-культурного наследия СНГ (2011), цель которого расширение межкультурного диалога, поддержка изучения историко-культурного наследия народов Содружества, популяризация их истории и культуры, разработка тематических туристских маршрутов, сохранение и развитие историко-культурного наследия. Были также организованы 5 молодежных археологических отрядов, которые вели исследования исторических объектов в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане и 2 реставрационных отрядов в Армении и Украине [7].

Каждый из последующих тематических годов посвящался определенной проблематике: 2012-й год стал Годом спорта и здорового образа жизни, 2013-й – Годом экологической культуры и охраны окружающей среды, 2014-й – Годом туризма, 2015-й – Годом ветеранов Великой Отечественной войны, 2016-й – Годом образования в СНГ, а 2017-й год объявлен Годом семьи в СНГ. Мероприятия включали разнообразные фестивали, выставки, гастрольные проекты.

Многие важные вопросы культурного сотрудничества в формате СНГ требуют коллегиального обсуждения. Для этого начиная с 2006 года проводятся форумы творческой и научной интеллигенции государств Содружества, на которых вырабатываются решения и формулируются практические рекомендации для стран СНГ, позволяющие укреплять и развивать культурно-гуманитарные связи в различных областях. Такие

форумы состоялись: в Москве (2006), Астане (2007), Душанбе (2008), Кишиневе (2009), Москве (2010), Киеве (2011), Ашхабаде (2012), Минске (2013), Москве (2014), Астане (2015), Бишкеке (2016) [8]. Как форма культурной дипломатии форумы творческой и научной интеллигенции вносят ощутимый вклад во взаимообогащение культур, развитие гуманитарных связей, укрепление культурного сотрудничества народов государств Содружества.

Форумы можно рассматривать в качестве крупнейших ежегодных дискуссионных площадок для обмена мнениями между представителями творческих, профессиональных и научных элит стран СНГ, на которых обсуждаются важнейшие проекты культурно-гуманитарного взаимодействия в СНГ. Благодаря своему масштабу, актуальности обсуждаемых вопросов и решаемых задач форумы творческой и научной интеллигенции государств Содружества по праву можно отнести к числу важнейших культурных мега-проектов в СНГ.

С 2007 года ежегодно устраивается форум переводчиков и издателей стран СНГ и Балтии в Ереване. Армения была выбрана местом проведения форума не случайно: именно здесь сложились давние традиции печатного и переводческого дела. Во время работы форума проходят встречи, тематические обсуждения и мастер-классы. Форум стал настоящей площадкой для налаживания новых связей между переводчиками и издателями, для создания новых проектов, объединяющих молодых издателей и переводчиков. Еще одним итогом форума является издание новых книг, журналов, появление интересных издательских и переводческих проектов. Среди других знаковых культурных форумов можно назвать молодежный театральный форум, который включает показ спектаклей, творческие встречи актеров и режиссеров, обсуждение пьес молодых сценаристов, выставки художников-сценографов. Форум объединяет все страны СНГ, Балтии и Грузию.

Крупным культурным событием стал Всемирный форум по межкультурному диалогу. В мае 2017 года состоялся уже IV-й такой форум в Баку. Темой форума-2017 стали проблемы укрепления межкультурного диалога в странах СНГ. Участники обсуждали новые возможности для человеческой безопасности, мира и устойчивого развития. Целью форума является дальнейшее продвижение и под-

держание устойчивого взаимопонимания и диалога как внутри культур, так и между ними [4].

Форумы вносят свой вклад в развитие культурной дипломатии, поскольку они служат открытой дискуссионной площадкой для обмена мнениями по различным вопросам культурного сотрудничества.

Задачи культурной дипломатии заключаются, с одной стороны, в популяризации культуры и укреплении культурных связей, а с другой – в формировании положительного имиджа государства за рубежом. С этой точки зрения культурные мега-события создают массу возможностей для реализации этих задач, поскольку именно они формируют новые и укрепляют уже существующие культурные связи, рождают новые культурные проекты, вносят вклад в развитие культурного обмена.

Самостоятельным и весьма важным направлением взаимодействия на пространстве СНГ является спорт, спортивные мероприятия, которые отличаются значительным масштабом и, безусловно, могут быть названы мега-событиями. Значение спорта в современной жизни велико. Многие исследователи подчеркивают, что классические мега-события связаны именно со сферой спорта, спортивных мероприятий самого разного уровня. Они обладают исключительными возможностями, как правило, сопровождаются культурной программой, объединяют большую международную аудиторию, как зрителей, так и спортсменов и обладают очевидным политическим, имиджевым эффектом.

При поддержке Международного фонда гуманитарного сотрудничества (МФГС) в государствах СНГ проводятся различные спортивные мега-события, целью которых является развитие массовых физкультурных движений, детско-юношеского спорта, утверждение здорового образа жизни. Среди таких мероприятий: Международные Иссык-Кульские спортивные игры стран СНГ и ШОС; Международный турнир по футболу «Кубок Содружества»; соревнования по отдельным видам спорта; открытый конноспортивный фестиваль стран СНГ и Балтии «Кубок Содружества»; фестивали единоборств; детские конкурсы и турниры (в том числе, среди школьных команд); научно-практические форумы, конференции, семинары по спортивной проблематике.

Повышенный интерес к вопросам спорта нашел свое отражение и в том, что 2012 год был объявлен Годом спорта и здорового образа жизни в Содружестве Независимых Государств. На примере этого тематического года можно рассмотреть многочисленные формы спортивных связей и показать роль спорта как инструмента современной дипломатии [12].

Осознавая значимость спорта в современном мире, мероприятия в рамках тематического Года проводились как в области физической культуры и спорта, так и в области охраны здоровья населения, экологии и природопользования. Открытие мероприятий Года началось с XX-го Международного турнира по футболу «Кубок Содружества –2012» (Санкт-Петербург), в котором приняли участие 8 стран СНГ (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина), а также Латвия, Литва, Эстония и Иран. Спортивная эстафета Года была подхвачена Всероссийской федерацией школьного спорта при поддержке МФГС, ставших инициаторами Международного турнира по мини-футболу среди детей «Честная игра». в турнире приняли участие 8 детских команд из Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, России, Таджикистана, Украины. В ходе церемонии награждения участников турнира в зал были внесены один горящий факел и десять незажженных, которые предназначались юным участникам турнира и стали символом эстафеты Года спорта и здорового образа жизни в СНГ. Звания лучшей команды турнира удостоился украинский клуб «Стирол» [11].

Серебряную медаль завоевал клуб «Дина» (Россия), бронзовую – клуб «Кайрат» (Казахстан). В церемонии награждения приняли участие прославленные футболисты: олимпийский чемпион Мельбурна Алексей Парамонов, экс-защитник московского «Спартака» и сборной России Юрий Ковтун, звезды 90-х годов Игорь Кольванов и Сергей Кирьяков, главный тренер сборной России по пляжному футболу, чемпион мира и Европы Михаил Лихачев. Организаторы, гости, участники в своих выступлениях отметили особенный вклад спорта, спортивных мероприятий в развитии сотрудничества на пространстве СНГ как в настоящем, так и в будущем. [11].

Ярким событием Года спорта и здорового образа жизни стал и III-й Открытый конноспор-

тивный фестиваль стран СНГ и Прибалтики «Кубок «Содружество», в рамках которого в окрестностях города Спасск – Рязанский (Россия) прошли соревнования по дистанционным конным пробежкам: Кубок «Содружество» для команд стран СНГ, международные соревнования и национальные квалификационные соревнования на различные дистанции. в состязаниях приняли участие более 120 спортсменов из стран СНГ, Аргентины и ряда стран Европы. Первое и третье места в командном зачете заняли российские команды, серебро – сборная Казахстана. Фестиваль проходил при поддержке МФГС [13].

Следует отметить, что стартовавший в России Год спорта и здорового образа жизни в СНГ получил широкое распространение и на площадках государств Содружества.

В июле 2012 года на спортивных базах городов Караганды и Темиртау прошла III Спартакиада ветеранов спорта Республики Казахстан, в которой приняли участие 1020 спортсменов из Астаны, Алматы и 13 областей Казахстана. Основной целью ежегодной Спартакиады является привлечение населения к систематическим занятиям физической культурой и спортом, внедрение принципов здорового образа жизни, популяризация и развитие народных и национальных видов спорта в Республике Казахстан и пропаганда массового спорта среди ветеранов. Программа Спартакиады включает 13 видов спорта: волейбол, стритбол, мини-футбол, гиревой спорт, легкая атлетика, шахматы, шашки, настольный теннис и национальные виды спорта. Кроме того, в Астане (Казахстан) при поддержке МФГС СНГ состоялся Первый международный турнир детских команд по баскетболу «Серебряная корзина». Организаторами турнира выступают Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Общероссийская общественная физкультурно-спортивная организация «Всероссийская федерация школьного спорта». в турнире приняли участие 8 детско-юношеских баскетбольных команд (мальчики в возрастной группе 14-15 лет) из России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Туркменистана, Белоруссии, Армении. Как было отмечено организаторами тур-

нира, «участие в турнире дает детям возможность почувствовать настоящий дух соревнований, приобщает к здоровому образу жизни, способствует налаживанию эффективного взаимодействия между государствами-участниками СНГ в сфере детского спорта»[13].

В Чемпионате СНГ по альпинизму, проходившему в Республике Таджикистан, приняли участие 17 команд: из стран Содружества (Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Узбекистана, Украины), а также Грузии, Латвии и Хорватии. Здесь же состоялся Чемпионат Азии по таэквон-до (ИТФ) с участием представителей Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, России, Узбекистана и других стран, а также Международный турнир по стрельбе из лука на Кубок Зебуниссо Рустамовой.

На побережье озера Иссык-Куль (Кыргызская Республика) при поддержке МФГС прошли VIII Международные спортивные игры государств -участников СНГ под девизом «В Содружестве – мир и здоровье». В соревнованиях, наряду с хозяевами, приняли участие спортсмены из Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Украины. На 17 спортивных сооружениях прошли соревнования по 15 видам спорта: дартсу, легкой атлетике, мини-футболу, пляжному футболу, теннису, настольному теннису, плаванию, волейболу, пляжному волейболу, стритболу, армрестлингу (среди мужских и женских команд), гиревому спорту, перетягиванию каната, поднятию тяжестей, кыргызской национальной борьбе куреш.

В рамках Игр состоялась Международная конференция на тему «Спорт за интеллектуальное и нравственное развитие общества», в которой приняли участие около 100 представителей государственных, общественных, научных, медицинских и спортивных организаций; ученые, спортсмены, тренеры, видные общественные деятели стран Содружества. Круг обсуждаемых вопросов составил более 10 направлений, среди которых социальные, нравственные, духовные, экономические и правовые проблемы физической культуры и спорта, туризма; проблемы теории и методики физического воспитания различных групп населе-

ния; современные достижения теории и практики спорта и т.д.

В 42-м Международном турнире Гран-при по вольной борьбе на призы трехкратного олимпийского чемпиона Александра Медведя (Минск, Республика Беларусь), приняли участие спортсмены из 12 стран СНГ и ближнего зарубежья. Именные турниры на призы Александра Медведя стали проводиться в Минске с 1970 года. С 1994 года по решению Международной федерации борьбы турниру была присвоена категория Гран-при. Здесь же был проведен традиционный юношеский Международный турнир «Медвежонок», посвященный 75-летию со дня рождения Александра Медведя» [11].

В соответствии с Планом мероприятий по реализации Концепции председательства Туркменистана в СНГ в 2012 году в Ашхабаде успешно прошел Международный турнир по футболу на Кубок Президента Туркменистана, собравший юношеские сборные команды из 9 стран Содружества: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины. Первое место завоевала сборная Туркменистана, второе и третье – соответственно сборные Украины и России.

Наряду со спортивными мероприятиями Программа Года предусматривала деятельность «площадок» научно-просветительского характера с привлечением специалистов из разных областей науки, образования, здравоохранения.

Масштабным событием Года спорта и здорового образа жизни стал первый Межгосударственный форум государств – участников СНГ «Здоровье населения – основа процветания стран Содружества» (Москва). Форум проводился в целях развития сотрудничества стран СНГ в сфере повышения качества и уровня жизни населения, формирования здорового образа жизни и культуры здоровья, что нашло отражение в темах научно-практических конгрессов: «Формирование здорового образа жизни: международный и национальный опыт», «Физическая культура и массовый спорт в основе здоровьесберегающих технологий», «Здоровьесберегающие технологии в образовании», «Культура общества – культура здоровья – культура личности», «Здоровье населения и институты гражданского общества». В рамках конгрессов состоялись

научно-практические конференции и круглые столы, где получили широкое обсуждение вопросы о роли информационных технологий в формировании здорового образа жизни и многие другие.

Кроме того, в рамках Пленарного заседания Форума Сопредседатель Оргкомитета Форума, академик РАН и РАМН Л. А. Бокерия представил очередное издание Атласа здоровья России, который по сотням признаков характеризует состояние здоровья у россиян и представляет серьезный интерес для руководства страны и регионов России. в аспекте формирования здорового образа жизни граждан Содружества – для всех стран-участниц.

Помимо обширной научной программы в рамках Форума состоялась презентация тематической выставки, в которой приняли участие все страны СНГ, продемонстрировавшие государственные, национальные, общественные и корпоративные программы развития спорта и формирования здорового образа жизни в странах Содружества [8].

Среди мероприятий, посвященных инновационным методикам оздоровления населения, следует отметить прошедший в Ереване в апреле 2012 года при поддержке МФГС VIII конгресс «Мужское здоровье». В конгрессе приняли участие более 1500 человек из стран СНГ, а также ближнего и дальнего зарубежья (Венгрия, Чехия, Испания, Германия, Грузия). Премьер-министр Республики Армения Тигран Саркисян, открывая конгресс отметил, что первая встреча специалистов сферы здравоохранения позволила укрепить взаимные связи и разработать новые направления развития медицинской отрасли [11].

Обзор содержания программ научно-познавательных мероприятий Года спорта и здорового образа жизни позволяет прийти к выводу, что объектом исследований на пространстве СНГ становится широкий спектр проблем: от определения путей эффективного управления спортивными сооружениями; обсуждение инновационных методов управления; до – обмена достижениями в сфере предоставления населению спортивных услуг и облегчения доступа к занятиям физической культурой и спортом в регионах.

Одной из инновационных форм спортивного сотрудничества стран СНГ можно назвать IX Красноярский экономический форум (февраль, 2012), который стартовал с открытия молодежной пло-

площадки «Поколение–2020» под девизом «Универсиада. Город, живущий спортом».

Площадка уникальна тем, что готовилась силами молодежи и собрала более 600 участников. Молодые люди предложили конкретные идеи и проекты по различным направлениям: «Спортивная инфраструктура», «Студенческий спорт», «Город, живущий спортом» и другие. (Красноярск был одним из претендентов на проведение Всемирной зимней Универсиады в 2019 году). Участники молодежной площадки выразили уверенность, что их молодежные проекты будут поддержаны и в других городах не только России, но и стран Содружества.

Итоговым мероприятием Года стала Молодежная сессия государств-участников СНГ по физической культуре, спорту и здоровому образу жизни в котором приняли участие победители и призеры Олимпийских игр из бывших советских республик [11].

Подведение итогов Года состоялось на заседании Совета постоянных полномочных представителей государств – участников Содружества при участии глав Правительств стран СНГ. К заседанию была подготовлена книжная выставка «2012 – Год спорта и здорового образа жизни в СНГ», организованная Президентской библиотекой Республики Беларусь.

Очевидна масштабность мероприятий, каждое из которых отвечает всем признакам мега-событий и практика реализации спортивной Стратегии на пространстве СНГ, предложенная в рамках Года спорта и здорового образа жизни: содержание программ, охват участников (возраст, институты и территории, партнёры), инновационный характер оформления, включая освещение в СМИ, рекламные мероприятия, стратегию продвижения.

В целом, спортивные мега-события на пространстве СНГ отличаются комплексным и системно-целевым подходом к развитию спорта и спортивного сотрудничества. Можно отметить оформившуюся на пространстве СНГ, тенденцию интеграции действий всех заинтересованных участников в разработку определённой модели взаимоотношений, создание которой, несомненно, будет способствовать решению проблемы формирования единой (общей) спортивной и культурной среды. Особая роль в данных процессах, безусловно, принадлежит мега-событиям

В настоящее время в странах СНГ сложилась определенная система проведения масштабных культурных мероприятий различного характера, имеющих собственные традиции, широкий общественный резонанс, большое число участников. Однако проводимые мероприятия, на наш взгляд, не исчерпывают всех возможностей культурных мега-событий как инструментов культурной дипломатии. Недостаточно внимания уделяется современным культурным достижениям стран СНГ, мало используется цифровое пространство и связанные с ним новые формы культуры. Также можно активнее использовать и такие востребованные направления культурного обмена как национальная кухня, мода, дизайн, т.к. во всем мире в культурной палитре обязательно присутствуют мега-события подобного содержания. Поэтому, полагаем, перспективы использования мега-событий в практике культурной дипломатии на пространстве СНГ довольно обширны и требуют более креативного, инновационного подхода к их реализации.

Список литературы

1. 26 апреля в Казани завершился Второй международный фестиваль школьного спорта среди государств-участников СНГ /Интернет портал СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfgs-sng.org/activity/culture/1665.html> (дата обращения: 10.09.2017)
2. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Культурные мега-события в дискурсе внешней культурной политики современных государств // *Фундаментальные и прикладные науки сегодня (Fundamental and applied SciencetodayXII)*. Материалы XII международной научно-практической конференции, 25-26 июля, 2017 г. North Charleston, США. Ed. SPCAcademic 2017. Vol. 1. С. 30-35.
3. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Культурные сезоны как форма внешней культурной политики (на примере России и Франции) // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. – 2011. – № 2. – С. 30-35.
4. Всемирный Форум по межкультурному диалогу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.unesco.org/events/4-y-vsemirnyy-forum-po-mezhkulturnomu-dialogu> (дата обращения: 19.08.2017)
5. Дельфийские игры государств-участни-

ков СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://delphic.world/games/cis/first/informatsiya/> (дата обращения: 08.09.2017)

6. Исполнительный комитет СНГ. Межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=19155> (дата обращения: 08.09.2017)

7. Историко-культурное наследие для будущих поколений (2011 год – Год историко-культурного наследия в СНГ). Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-cis.info/page.php?id=19623> (дата обращения: 25.08.2017)

8. Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfsg-sng.org/mfsg/smi/> (дата обращения: 19.08.2017)

9. Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске» Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fest-sbv.by/> (дата обращения: 25.08.2017)

10. Положение о Межгосударственной программе «Культурные столицы Содружества» от

5 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=23214> (дата обращения: 25.08.2017)

11. Сборник аналитических, информационных и научных материалов о деятельности Содружества Независимых Государств. Минск, 2013. С. 92-111 / Интернет портал СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/foto/pages/19180/54db5e914a193.pdf> (дата обращения: 10.09.2017)

12. Тематика годов в гуманитарной сфере на 2011 и 2012 годы в СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfsg-sng.org/mfsg/smi/417.html> (дата обращения: 25.08.2017)

13. *Horne J.* Sports mega-events – three sites of contemporary political contestation // *Sport in Society: Cultures, Commerce, Media, Politics*. 2015.

14. *Müller M.* What makes an event a mega-event? Definitions and sizes // *Leisure Studies*. 2015. №34. P. 5-16.

15. *Roche M.* *Mega-events and Modernity*. London: Routledge, 2000.

16. *Sage G.H.* *Globalizing Sport. How Organizations, Corporations, Media, and Politics are Changing Sports*. Boulder, London: Paradigm Publishers, 2010.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ УЧАСТНИКИ

АННОТАЦИЯ

Евразийская экономическая интеграция в формате Таможенного союза и четырех общих пространств стала возможна, прежде всего, благодаря политической воле и договоренностям высшего руководства стран-основательниц Евразийского экономического союза (Республики Беларусь, Казахстана и России). Модели управления евразийской интеграционной политикой основных стран-участниц, как и их продукт – модель ЕАЭС, иерархичны. В них мало места для акторов, не относящихся к высшему политическому руководству и национальным бюрократиям. Вместе с тем, мировой опыт продвинутых региональных экономических объединений указывает на существенное представительство в их моделях управления разнообразных неправительственных участников (бизнес, эксперты, профсоюзы, общественные организации, депутаты национальных парламентов). Предполагается, что такое представительство способствует эффективности принимаемых решений и устойчивости интеграционных проектов в долгосрочной перспективе. В предлагаемой статье на примере российской модели управления евразийской интеграцией страны проанализированы возможности и ограничения для участия в процессе акторов, не относящихся к политическому руководству и бюрократии. Сделаны выводы относительно целесообразности расширения их участия в интеграционной политике и институтах ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; интеграционная политика; Россия; бизнес; экспертное сообщество; регионы.

TRESHCHENKOV E. YU

EURASIAN INTEGRATION OF RUSSIA AND NONGOVERNMENTAL ACTORS

ABSTRACT

Eurasian economic integration in the format of the Customs Union and four common spaces became possible primarily due to the political will and agreements of the leadership of the founding countries of the Eurasian Economic Union (Belarus, Kazakhstan and Russia). Eurasian integration governance models of the main participating countries, like their product – the EAEU model, are hierarchical. They have little room for actors who do not belong to the highest political leadership and national bureaucracies. At the same time, the experience of enhanced regional economic agreements shows a significant representation in their governance models of a variety of non-governmental participants (business, experts, trade unions, non-governmental organisations, national parliaments). It is assumed that such representation contributes to the effectiveness of decisions taken and the sustainability of integration projects in the long term. In the proposed paper, by referring to the Russian model of managing the Eurasian integration of the country, the possibilities and limitations for participation in the process of actors not related to political leadership and bureaucracy were analysed. Conclusions are made regarding the reasonability of expanding their participation in the national policy of integration as well as in the institutional structure of the EAEU.

Keywords: Eurasian Economic Union; integration policy; Russia; business; experts' community; regions.

В условиях глобализации государства уже не могут единолично эффективно управлять все более усложняющимися и приобретающими трансграничный характер экономическими, социальными, демографическими процессами на своей территории. Это вовсе не предполагает утерю центральными правительствами контроля над ситуацией или отказ от ключевых функций государства, а приводит, скорее, к пересмотру ими моделей управления. Говоря о странах Запада, Мишель Фуко характеризует эти процессы через понятие рационализации управления. Он называет такой тип управления либеральным, однако четко отделяет его от одноименных политической и экономической идеологий. Здесь либерализм заключается в стремлении к децентрализации и в неотъемлемой

критике излишнего управления и бюрократизации [1, с.406]. Неолиберальные управленцы исходят из того, что в современных условиях отдельные функции успешнее реализуются за счет активного участия неправительственных акторов, будь то бизнес, регионы или профсоюзы, в процессе. Также для решения тех или иных задач государства объединяют усилия в рамках региональных интеграционных соглашений. Прежде всего, в этом преуспела условная западная модель управления, к опыту которой постоянно обращаются другие страны и регионы.

Такова ситуация, например, с постоянными апелляциями к опыту Европейского союза при формировании евразийских Таможенного союза и четырех общих пространств. Отцы-основатели

ЕАЭС указывают на то, что опыт заимствуется творчески и выборочно, с учетом допущенных европейцами ошибок [2]. Вместе с тем, характерным является упущение из вида того обстоятельства, что европейский интеграционный проект неотделим от внутривнутриполитических и внутриэкономических практик его стран-основательниц. От последних существенным образом зависит то, какая модель управления будет реализовываться в интеграционном объединении.

Несмотря на обвинения в бюрократизации, звучащие со стороны популистов и евроскептиков, модель Евросоюза довольно децентрализована, а численность всей «брюссельской бюрократии» на порядок меньше количества чиновников отдельно взятых Франции или Германии. С одной стороны, в ЕС есть типичные межправительственные органы управления – Европейский совет, Совет Европейского союза и ассистирующий ему Комитет постоянных представителей. С другой стороны, существуют сильные наднациональные институты, обладающие реальными полномочиями в отдельных сферах – Суд Европейского союза, Европейская комиссия, Европейский парламент. Значимость наднациональных институтов тесно связана с наличием у Европейского союза бюджета, формируемого не только из вкладов государств-членов, но и из «собственных доходов», а также с наличием полноценного законодательства.

Европейская интеграционная модель также включает в себя уникальную сеть специализированных агентств – несколько десятков, начиная с Европейского агентства по окружающей среде и заканчивая Европейским агентством по безопасности продуктов питания, автономных как от национальных правительств, так и от Брюсселя.

Наконец, внутригосударственные акторы стран-участниц имеют свой собственный голос в наднациональном интеграционном процессе. Местные и региональные власти представлены в Комитете регионов, бизнес и профсоюзы – в Европейском экономическом и социальном комитете. Предусмотрены механизмы прямого контроля над интеграционным процессом со стороны национальных парламентов [3].

Обеспечение баланса между различными уровнями управления (наднациональным, госу-

дарственным и локальным) обеспечивается путем реализации принципа субсидиарности [4, ст.5]. Он заключается в том, что решение должно приниматься и реализовываться на том уровне, на котором это наиболее эффективно для достижения поставленной цели.

Как показывает практика, модель управления, сложившаяся в Евросоюзе, не является идеальной, но трудно отрицать ее устойчивость и способность находить выход из кризисов, а также прямую взаимосвязь с эволюцией моделей управления в странах-основательницах Сообществ. Речь идет о разветвленности уровней управления, об активном вовлечении региональных и местных властей в процесс принятия решений, о сильных и независимых судебной и законодательной ветвях власти.

В этом контексте, особый интерес представляет складывающаяся модель управления Евразийского экономического союза. Очевидно, что при ее формировании должны были обнаружиться естественные пределы заимствования опыта Евросоюза. Целью предлагаемого исследования является выявление возможностей и ограничений на пути вовлечения в евразийский интеграционный процесс участников, не относящихся к центральным правительствам государств-членов ЕАЭС. Имеются в виду бизнес, экспертное сообщество, парламентарии, региональные органы власти. Основная гипотеза заключается в том, что поскольку национальные модели стран-участниц ЕАЭС характеризуются высокой степенью централизации и бюрократизации, то и на уровне самого Евразийского союза участие бизнеса, региональных властей, депутатов национальных парламентов будет также серьезным образом ограничено.

В первой части статьи охарактеризована интеграционная модель ЕАЭС с акцентом на его институциональную структуру. Здесь же в привязке к уровням институциональной иерархии объединения проанализирована российская модель управления евразийской интеграцией страны. И, наконец, в заключительной части определено место отдельных неправительственных участников (бизнес, экспертное сообщество, региональные власти) в выработке российской интеграционной политики, а также возможности и ограничения их представительства как на национальном уровне, так и на уровне ЕАЭС.

Институциональная структура Евразийского экономического союза иерархична, а для процесса принятия решений и их реализации характерен межправительственный подход (intergovernmentalism). Последнее означает, что государства-участники ни на минуту не теряют контроль над интеграционным процессом, а автономия наднационального элемента (Коллегия Евразийской экономической комиссии и Суд ЕАЭС) в интеграционном объединении сведена к минимуму. Безраздельное доминирование государств подкрепляется отсутствием у ЕАЭС так называемых «собственных доходов» бюджета и межгосударственным характером его права. Положение о наличии у ЕАЭС собственной «международной правосубъектности» [5, ст.1] также нивелируется процессом принятия решений и местом в нем наднациональных органов, а именно Коллегии ЕЭК.

Динамика интеграции зависит от политической воли и договоренностей между политическими лидерами стран-участниц. Именно они находятся на вершине институциональной иерархии. На этом уровне возникают и решаются, помимо прочего, споры, не имеющие прямого отношения к сфере ведения ЕАЭС, но периодически тормозящие развитие интеграционного проекта. При этом, Евразийская экономическая комиссия, как орган по факту подчиненный правительствам стран-участниц, в таких случаях не способна повлиять на ситуацию.

Высшим органом ЕАЭС является Высший Евразийский экономический совет, состоящий из глав государств. Высший совет определяет стратегию и ключевые решения в рамках объединения, назначает судей Суда, утверждает состав Коллегии ЕЭК. Принципиальным является то, что Высший совет может отменять решения нижестоящих инстанций, а именно Межправительственного совета и Комиссии (в том случае, если ее решение не смог отменить Межправительственный совет) [5, ст.12].

На этом уровне Россию представляет Президент. По факту, и в России и в других ключевых странах-участницах ЕАЭС действующие главы государств добились высокой степени консолидации политических режимов, сконцентрировав в своих руках полномочия, пронизывающие все ветви власти.

Контроль над евразийской интеграционной политикой также является для них принципиальным, поскольку любое углубление сотрудничества и, тем более, вывод его на уровень регулирования наднациональными институтами, может представлять собой угрозу сложившемуся внутривнутриполитическому балансу. на наличие взаимосвязи между степенью консолидации политических режимов в государствах постсоветского пространства и их подходом к вопросам региональной интеграции, в частности, указывает А. Либман [6].

Возвращаясь к России, по вопросам евразийской интеграции определенную экспертную и организационную поддержку Президенту оказывают и Администрация (соответствующие помощники и советники), и Совет безопасности. Однако ключевая роль в качестве центра экспертизы, выработки и реализации конкретных направлений евразийской интеграционной политики страны принадлежит Правительству, а также профильным министерствам (Министерство экономического развития, Министерство промышленности и торговли) и службам (Федеральная антимонопольная служба).

Соответственно, следующий уровень иерархии ЕАЭС – Межправительственный совет, состоящий из глав правительств. Поскольку главы правительств Республики Беларусь, Казахстана и России представляют в своем лице национальные бюрократии, на этом уровне решаются ключевые неполитические вопросы интеграции. Вместе с тем, основная подготовительная и техническая работа сосредоточена в рамках следующего уровня иерархии евразийской модели – в рамках Евразийской экономической комиссии, именуемой в Договоре о ЕАЭС «постоянно действующим регулирующим органом Союза» [5]. При этом Комиссия имеет двухступенчатую структуру – состоит из Совета и подчиняющейся ему Коллегии. Совет, в свою очередь, состоит из представителей правительств стран-участниц, что автоматически означает его межгосударственный характер и подчиненное по отношению к Межправительственному совету место.

На уровне Совета ЕЭК находится ключевое звено выработки и реализации евразийской интеграционной политики России. Речь идет о представителе страны в Совете и первом заместителе председателя Правительства И. И. Шувалова.

лове. Фактически, первый вице-премьер обладает в вопросах евразийской интеграции большим аппаратным весом, чем председатель правительства. За И. И. Шуваловым стоит внешнеэкономический блок Правительства, он является председателем Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции. В Комиссию входят главы профильных министерств, представители ключевых финансовых институтов страны (Сбербанк, ВТБ, Внешэкономбанк), губернаторы двух российских регионов (Тульская и Московская области), представители комитетов Государственной Думы по бюджету и экономической политике, помощник Президента РФ по экономическим вопросам. Присутствуют в составе Правительственной комиссии и представители экспертного сообщества (традиционно, в большинстве подобных советов при органах государственной власти это РАНХиГС и НИУ Высшая школа экономики). При этом примечательно, что в составе Комиссии не нашлось места ни МИДу, ни комитетам Государственной Думы по международным делам и по делам СНГ [7].

Последний уровень иерархии евразийской модели управления – Коллегия ЕЭК, формируемая по схожим с Европейской комиссией принципам, на деле оказывается связана в своих решениях тремя вышестоящими инстанциями. Называть ее наднациональным органом ЕАЭС было бы преувеличением. Скорее, Коллегия ЕЭК выполняет функции единого центра экспертизы и регулирующего агентства.

Отдельное место в институциональной структуре ЕАЭС занимает Суд. Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза или решений органов Союза. В Суд могут обращаться не только государства-члены, но и хозяйствующие субъекты. Последними в Суде оспариваются решения, либо действия (или бездействие) Комиссии, а не государств-членов [5]. Очевидно, что подчиненное по отношению к Высшему совету ЕАЭС положение Комиссии, а также отсутствие у нее действенных полномочий в отношении отдельных государств-членов, сказывается на ее возможностях эффективного разрешения экономических споров. Также эксперты отмечают зависимость Суда ЕАЭС от Высшего совета и государств-участников, отсутствие у него ряда инстру-

ментов, необходимых для обеспечения решений [8; 9]. Видимо, неслучайно ежегодная судебная практика Суда ЕАЭС в количественном выражении выглядит довольно скромно [10]. Бизнес предпочитает улаживать возникающие разногласия в рамках сложившихся национальных формальных и неформальных практик.

В отличие от Евразийского экономического сообщества, у ЕАЭС отсутствует парламентское измерение. Вопрос о необходимости формирования среди институтов будущего Евразийского союза органа межпарламентского сотрудничества активно обсуждался еще в 2011-2012 гг. Одним из ключевых лоббистов стала Государственная Дума в лице ее председателя С.Е. Нарышкина. Свою роль сыграли и депутаты, имеющие опыт работы в профильных комитетах, а также в делегациях Федерального собрания в межпарламентских ассамблеях СНГ и ЕврАзЭС. По всей видимости, политическим руководством России будущий Евразийский парламент, по аналогии с ролью в политическом процессе Государственной Думы последних нескольких созывов, не рассматривался в качестве института, способного ослабить контроль центральных властей над интеграционной политикой.

В качестве программы-минимум выдвигалась идея формирования Парламентской ассамблеи по образцу МПА ЕврАзЭС. По своей сути, это был бы консультативный орган, состоящий из делегаций парламентов стран-участниц Евразийского союза и занимающийся вопросами гармонизации законодательства. Программа-максимум предполагала постепенное формирование Евразийского парламента, депутаты которого избираются путем прямых выборов гражданами стран-членов ЕАЭС. Как и Европарламент, такой орган участвовал бы в формировании права Союза и в принятии бюджета [11]. Поскольку второй вариант не без основания воспринимался многими в духе развития политической составляющей интеграции, неудивительно, что политическое руководство партнеров России по ЕАЭС способствовало тому, чтобы в Договоре не оказалось упоминаний о парламентском измерении. Объективно, учитывая роль парламентов в современных России, Казахстане и Республике Беларусь, орган межпарламентского сотрудничества лишь перегружал бы институциональную структуру Евразийского союза.

Также не представлены в институциональной структуре ЕАЭС и интересы регионов стран-участниц. Последнее представляется логичным, исходя не только из внутренних практик взаимодействия центра и регионов в странах-основательницах Союза, но и по причине отсутствия у Евразийского союза общей региональной политики. В рамках всего ЕАЭС отсутствуют и вряд ли появятся в ближайшем будущем институты вроде европейского Комитета регионов. Вместе с тем, в 2015 г. председателем Совета Федерации В. Матвиенко была высказана интересная идея формирования форума регионов ЕАЭС. Созданное по образцу не первый год функционирующего форума Союзного государства России и Беларуси, такое мероприятие способствовало бы установлению прямых контактов между регионами стран-участниц ЕАЭС в торгово-экономической сфере. Кроме того, спикер предложила рассмотреть идею формирования объединений приграничных регионов стран-членов ЕАЭС по образцу еврорегионов для реализации совместных инфраструктурных, технологических и промышленных проектов [12]. Пока же отдельные приграничные регионы, более остальных заинтересованные в развитии связей с регионами других стран ЕАЭС, проводят свои форумы. Один из наиболее заметных – Евразийский экономический форум, проводимый администрацией Оренбургской области с 2010 г.

Неоднозначной является ситуация с представительством интересов бизнеса на уровне институтов ЕАЭС. В 2015 г. был сформирован Деловой совет ЕАЭС, учредителем которого с российской стороны стал Российский союз промышленников и предпринимателей. Для взаимодействия с Деловым советом ЕАЭС Коллегия ЕЭК сформировала отдельный механизм, получивший название Консультативного совета, в соответствии с Положением, председателем Консультативного совета является Председатель Коллегии ЕЭК. Заседания Совета происходят не реже двух раз в год [13]. Вместе с тем, пока есть основания говорить о невысокой интенсивности работы обоих советов (Делового и Консультативного) [14]. Помимо Делового совета ЕАЭС существует еще и Евразийский деловой совет, учрежденный ранее российскими бизнес-структурами (РСПП, ТПП, Ассоциация ФПП), однако его влияние на повестку евразийской

интеграции еще менее существенно. Очевидно, что Коллегия ЕЭК нацелена на установление обратной связи с бизнес-сообществами стран-участниц. Вместе с тем, место Коллегии в институциональной структуре ЕАЭС, а также подчиненное по отношению к государству положение бизнеса в основных странах-участницах объединения ограничивают эффективность их взаимодействия.

Децентрализация модели управления ЕАЭС и введение в процесс большого количества разнообразных неправительственных участников лишь усложнило бы процесс и ослабило прямой контроль над ним со стороны политического руководства стран-участниц. Последнее, в свою очередь, спровоцировало бы замораживание интеграционной динамики. Для применения неолиберальных тактик непрямого управления в ЕАЭС не хватает сильного наднационального органа, обладающего соответствующей автономией и полномочиями. к появлению такого страны-участницы еще не готовы. Учитывая сказанное выше, было бы логичным искать возможности для представительства в евразийской интеграции интересов неправительственных акторов на национальном уровне.

Опираясь на проведенный анализ модели управления евразийской интеграцией России, предлагается рассмотреть место в ней следующих участников: бизнеса, экспертного сообщества и регионов. Поскольку ЕАЭС – это региональное экономическое соглашение, бизнес стран-участниц жизненно заинтересован в том, что касается выработки правил объединения. Тем не менее, с представительством его интересов в интеграционной политике России существуют определенные проблемы. Решение о том, допустить ли бизнес до обсуждения тех или иных инициатив, на какой стадии и до какой степени, принимается государственными структурами. Так, бизнес был отстранен от участия в предметном обсуждении первого Таможенного кодекса евразийского Таможенного союза [15]. Отдельные замечания были высказаны созданным под эгидой РСПП и ТПП РФ Евразийским деловым советом уже постфактум [16, с.136]. По всей видимости, предполагалось, что публичность обсуждения проекта Кодекса может повредить перспективам его принятия, а следовательно, и всему проекту евразийской интеграции. Как показывает сложившаяся практика, нацио-

нальные бюрократии ощущают свою ответственность не перед обществом, а перед вышестоящим руководством. Кроме того, у каждого ведомства, задействованного в процессе, есть свои интересы и представление о том, какое решение является оптимальным. Наибольшие шансы донести свою позицию до лиц, принимающих решения, имеют представители государственных корпораций и крупного частного бизнеса, а также их ассоциации (РСПП, ТПП РФ). Именно их включают во всевозможные советы и комиссии при органах государственной власти. Наименее представленным оказывается малый и средний бизнес. Ситуация с активностью крупнейших ассоциаций российского бизнеса также неоднозначна. В некоторых из них обсуждение проблематики ЕАЭС институционализировано (например, Опора России [17]). В тех же, где есть соответствующие рабочие группы (например, Комитет по делам СНГ и развитию евразийской интеграции в Деловой России), работа носит эпизодический характер и, по всей видимости, подстроена под бюрократическую повестку дня (например, активность по вопросам цифровой экономики [18]).

Определенные усилия в вовлечении представителей бизнес-сообщества в процесс предпринимает не столько национальная бюрократия, сколько Коллегия ЕЭК. В частности, на ее площадке и с участием бизнеса государств-членов ЕАЭС состоялось обсуждение последней редакции Таможенного кодекса [19]. Вместе с тем, и сама ЕЭК в формировании экономической повестки дня Евразийского союза исходит не из собственного анализа и экспертизы, а из приоритетов, определяемых политическим руководством стран-членов.

Экспертное сообщество, как и бизнес, функционирует в реалиях доминирования вертикальных связей в российском политическом процессе. Основным заказчиком аналитического продукта прямо или косвенно выступает государственный аппарат. Возможность получения негосударственного финансирования ограничена рядом факторов, среди которых жесткое регулирование иностранного финансирования, а также слабый интерес неправительственных акторов (бизнеса, политических партий) к аналитике, вызванный их минимальным участием в процессах выработки и реализации государственной политики. В этих

условиях основным потребителем аналитики выступает бюрократический аппарат, который и сам располагает разветвленной сетью внутренней экспертизы. Речь идет как о соответствующих подразделениях в органах государственной власти, так и о ведомственных «фабриках мысли» (Российский институт стратегических исследований, Аналитический центр при Правительстве РФ). Интерес к сторонней аналитике возникает в тех случаях, когда бюрократический аппарат сталкивается с затруднениями в реализации конкретных направлений политики, либо когда высшее политическое руководство не удовлетворено качеством внутренней экспертизы. Ярким примером этой ситуации можно считать регулярное вовлечение Центра стратегических разработок в подготовку предложений по государственной политике. Вместе с тем, как представляется, евразийская интеграционная повестка пока слабо интегрирована в предложения ЦСР по стратегии экономического развития России. До определенной степени востребован в сфере евразийской интеграции и продукт академических организаций (Институт экономики РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН), финансируемых государством, но сохраняющих определенную автономию в выборе исследовательских направлений. Отдельно можно выделить различные научные и экспертные советы при органах государственной власти, однако их эффективность самими членами часто характеризуется как невысокая [20, с.89].

Принципиальным обстоятельством, оказывающим влияние на востребованность аналитического продукта экспертного сообщества бюрократическим аппаратом в вопросах евразийской интеграции, является степень сложности указанной проблематики. Существует спрос на экспертные предложения по решению трудоемких технических задач интеграции, в то время как внимание экспертного сообщества сконцентрировано на концептуальных и даже философских вопросах. В целом, можно отметить, что уровень независимой аналитики далеко не всегда удовлетворяет органы государственной власти. Как отмечают наблюдатели, для российских исследований проблематики постсоветской интеграции характерна описательность, идеологизация, слабое владение современной методологией [21, с.11-12].

Место регионов России в выработке евразийской интеграционной политики страны представляет собой отдельную крайне актуальную тему. С одной стороны, торгово-экономическое сотрудничество со странами ЕАЭС для разных субъектов РФ имеет разное значение. Так, на Брянскую область в 2015 г. пришлось более 3% всего экспорта из Республики Беларусь в Россию, в то время как на Республику Адыгея в сто раз меньше [22, с. 73]. Более того, есть регионы, практически не участвующие напрямую во внешней торговле (например, Ненецкий автономный округ [23]), в то время как на Москву в начале 2010-х приходилось около 40% всего импорта в Россию и почти такая же доля экспорта [24, с.8]. Наконец, существует отдельная группа приграничных регионов, для которых, за редкими исключениями, значимость торгово-экономических и прочих контактов с Казахстаном и Республикой Беларусь имеет особое значение. С другой стороны, евразийская интеграция в формате построения четырех общих пространств, очевидно, затрагивает интересы бизнеса и экономических властей всех субъектов РФ, поскольку неизбежно вносит изменения в условия и правила ведения экономической деятельности.

Таким образом, помимо проблематики отношений федерального центра и субъектов, которые наблюдатели с начала 2000-х характеризуют в духе укрепления «вертикали власти», на организацию участия регионов в евразийской интеграционной политике России оказывают влияние и серьезные различия в значимости для них ЕАЭС. Что касается представительства интересов регионов в российской модели управления евразийской интеграцией, то здесь ситуация довольно сложная. Исторически сложившиеся институты представительства интересов субъектов на федеральном уровне сами по себе играют незначительную роль в вопросах евразийской интеграции. В сферу ведения Государственного совета евразийская интеграция не входит.

Совет Федерации формально остается органом представительства регионов на федеральном уровне и, прежде всего, в законодательном процессе. Также, учитывая возврат к выборам в Государственную Думу по смешанной системе, более рельефно оформляется присутствие регионов и в этой палате. Однако все это нивелируется посту-

пательно сокращавшимся с 2000-х годов влиянием парламента на политический процесс. Постепенно оформилась тенденция, согласно которой Федеральное Собрание занимается законодательным обеспечением деятельности правительства, безоговорочно принимая три четверти вносимых им инициатив [25]. В этой ситуации регионам логичнее лоббировать свои интересы непосредственно в правительстве.

В правительстве основным институтом, занимающимся координацией международной и внешнеэкономической деятельности субъектов РФ, является Министерство иностранных дел. Как известно, при нем существует Совет глав субъектов, созданный в 2003 г. По состоянию на 2016-2017 гг. в него входило восемь глав субъектов, а также начальник Управления таможенного сотрудничества Федеральной таможенной службы, начальник Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока, заместители министров экономического развития и промышленности и торговли и т.д. [26] С одной стороны, анализ состава Совета говорит о присутствии в нем большинства значимых с точки зрения евразийской интеграции России ведомств. С другой, количественное представительство самих регионов в Совете крайне небольшое и требует наличия хорошей координации между ними для выработки единой позиции. Кроме того, само Министерство иностранных дел, под эгидой которого и работает Совет, обладает второстепенной ролью в процессе реализации евразийской интеграционной политики России.

Ограничения участия неправительственных акторов в выработке евразийской интеграционной повестки существуют на обоих рассмотренных уровнях – и на уровне институтов Евразийского экономического союза, и на национальном уровне (Россия). В первом случае сложившаяся модель управления характеризуется высокой степенью централизации и доминированием в процессе высшего политического руководства и подчиненных ему национальных бюрократий. Страны-члены ЕАЭС не заинтересованы в появлении в институциональной структуре объединения сильного и автоном-

ного от их правительств наднационального органа управления, поскольку это лишило бы политические режимы контроля над процессом. Не нашлось в ЕАЭС и полноценного места для межпарламентских органов, а также для представительства бизнеса и интересов региональных и местных властей. Более того, если бы они и были представлены, то не играли бы принципиальной роли, а лишь усложнили бы существующий механизм.

На национальном уровне реализуются свои практики участия бизнеса, общественности, местных органов власти в выработке интеграционной политики. Российская евразийская интеграционная политика в стратегическом плане определяется Президентом, но разрабатывается и реализуется Правительством и, прежде всего, первым вице-премьером и профильными министерствами и службами (Министерство экономического развития, Министерство финансов и Федеральная таможенная служба, Федеральная антимонопольная служба). Участие неправительственных акторов в процессе регламентировано и ограничено. При этом и бизнес, и экспертное сообщество, и местные органы власти, как правило, сами поддерживают вертикальный характер взаимодействия. Практически всеми экспертами высказывается идея более активного вовлечения в процесс формирования евразийской интеграционной повестки разнообразных групп интересов – от бизнеса до общественных организаций [27, с.67; 28, с.230]. Однако без соответствующего импульса и инициативы снизу, без сильных горизонтальных связей их участие рискует быть сведено к симуляции работы в рамках различных советов.

На сегодняшний день политические режимы стран-участниц ЕАЭС одновременно являются двигателем интеграции, но они же создают основные риски устойчивости объединения. Сложившаяся модель управления евразийской интеграцией является их естественным продуктом, и зависит от направлений эволюции политических режимов. Неолиберальные способы управления, характерные для того же Европейского союза, в ЕАЭС будут иметь крайне ограниченное применение. Более того, попытки их введения без соответствующих необходимых предпосылок могут оказывать негативное воздействие на устойчивость евразийской интеграционной модели.

Список литературы

1. Фуко М. Рождение биополитики. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с.
2. Министр ЕЭК Татьяна Валова: «ЕЭК необходимо налаживать конструктивный диалог с Европейской комиссией, что позволит стимулировать взаимовыгодное сотрудничество ЕАЭС и ЕС». Евразийская экономическая комиссия. 22.05.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/26-05-2015-5.aspx> (дата обращения: 20.06.2017).
3. Protocol (no 1) on the role of national parliaments in the European Union. Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal. – 26.10.2012. – С326.
4. Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal. – 26.10.2012. – С. 326.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе. Астана, 29.05.2014 г.
6. Либман А. Политические барьеры для экономической интеграции на постсоветском пространстве // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 11. – С. 175–178.
7. Состав Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции в редакции распоряжения от 28 декабря 2016 г. №2882-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/info/25936/> (дата обращения: 30.07.2017).
8. Исполинов А.С. Первое решение Суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением // Российский юридический журнал. – 2016. – №4. – С.85–93.
9. Кембаев Ж. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. – 2016. – №2 (18). – С. 30–45.
10. Суд ЕАЭС. Судебные акты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://courteurasian.org/page-24161> (дата обращения: 30.07.2017).
11. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. – 2012. – №8. – С.5–15.
12. Матвиенко предложила создать единый форум регионов ЕАЭС. 21 сентября 2015 г. РЕН ТВ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=rkH5noybSgQ> (дата обращения: 30.07.2017).

13. Решение Коллегии ЕЭК №121 «О Консультативном совете по взаимодействию Коллегии Евразийской экономической комиссии и Делового совета Евразийского экономического совета». Москва, 25 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01411658/clcd_27102016_121(дата обращения: 30.07.2017).
14. О Деловом совете ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/about_del_sov.aspx (дата обращения: 30.07.2017).
15. *Дмитриев М.* ЦСР: 10 лет диалога. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.csr.ru/index.php/ru/expert-opinion/164-10> (дата обращения: 10.12.2015).
16. *Мещеряков К.Е., Трещенков Е.Ю.* Евразийская интеграция и Россия. –СПб.: Скифия-принт, 2014.–258 с.
17. Опора России. Комитеты и комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opora.ru/committees-and-commissions/> (дата обращения: 30.07.2017).
18. Протокол экспертной сессии «Формирование отраслевых цифровых экосистем в ЕАЭС. Возможности развития отраслей». Деловая Россия. Москва, 23 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deloros.ru/assets/files/1-2017/protokol-es-23.05.2017-cifrovye-ekosistemy.pdf> (дата обращения: 30.07.2017).
19. Специальный таможенный бюллетень. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. Налоги и право. Ноябрь 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/AvvTMC> (дата обращения: 30.07.2017).
20. Об ирландских монахах, или роль независимых экспертных центров и СМИ в российской внешнеполитической дискуссии // Индекс безопасности. № 1. –Том 21. –С.87–94.
21. *Либман А.* Исследования региональной интеграции в СНГ и Центральной Азии: Обзор литературы. – СПб: Евразийский банк развития, Центр интеграционных исследований, 2012.
22. Внешняя торговля Республики Беларусь. Статистический сборник. –Минск, 2016. –396 с.
23. Внешняя торговля субъектов СЗФО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sztu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=section&id=70&Itemid=375 (дата обращения: 30.07.2017).
24. *Зубаревич Н.* Рента столичного Статуса // ProetContra. Ноябрь – декабрь 2012 г. –С.5–18.
25. *Сулашкин С.С., Гаганов А.А.* Постсоветский российский парламентаризм взглядом аналитика. 24 августа 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/docconf/postsovetskij-rossijskij-parlamentarizm-vzgljadam-analitika> (дата обращения: 30.07.2017).
26. Состав Совета глав субъектов Российской Федерации приМИД России (на 2016-2017 гг.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council (дата обращения: 30.07.2017).
27. *Буторина О.В., Захаров А.В.* О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. – 2015.– №2. –С.52–68.
28. *Васильева Н. А., Лагутина М. Л.* Проект «Евразийский экономический союз» в оценках экспертного сообщества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. –2013. –Т. 8. – № 4. – С. 229–242.

ПЕРЕХОД ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ ОТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОМУ МАРКЕТИНГУ

АННОТАЦИЯ

В настоящее время публичная дипломатия как инструмент «мягкой силы» России превращается в стратегические коммуникации с использованием механизма политического маркетинга. По своей сути, политический маркетинг выступает в качестве интеллектуальной формы коммуникации, которая реализуется в сфере политики. До настоящего времени основной упор исследователями и практиками делался на политический маркетинг и стратегические коммуникации в контексте демократии западного типа. Ныне происходит расширение объема данных понятий. Несмотря на определенные успехи, публичная дипломатия России все еще достаточно слаба.

Ключевые слова: публичная дипломатия; мягкая сила; стратегические коммуникации; политический маркетинг; Россия.

RUSHCHIN D. A.

TRANSFORMATION OF PUBLIC DIPLOMACY OF RUSSIA FROM “SOFT POWER” TO STRATEGIC COMMUNICATION AND POLITICAL MARKETING

ABSTRACT

Right now public diplomacy as a tool of “soft power” of Russia becomes a strategic communication with the use of machinery of political marketing. In essence, political marketing serves as the intellectual forms of communication, which is implemented in politics. Up to date the main focus of researchers and practitioners has been done on political marketing and strategic communication in the context of democracy of the Western type. Nowadays there is an expanding of amount of concepts. Despite of some successes, the public diplomacy of Russia is still quite weak.

Keywords: Public diplomacy; soft power; strategic communication; political marketing; Russia

В нынешних условиях глобализации, нового витка информационной революции, а также обострения международной обстановки возрастает роль публичной дипломатии, политического маркетинга, а также стратегических коммуникаций.

Об этом много говорилось на проходившем в июле 2016 года в Смольнинском кампусе СПбГУ 5-ом Международном Форуме по политическому маркетингу (PMF-2016), в котором принимал участие автор данной статьи [1]. На нем отмечалось, что современная политическая реальность не только стала свидетелем многочисленных цветных революций, но и вызвала к жизни революцию нового типа — маркетинговую. «Маркетинговая революция в политике: как прошлая президентская кампания в США может научить нас эффективному маркетингу» — так называется вышедшая в 2016 г. монография американского ученого Брюса Ньюмана [2]. Этот известный на международном уровне эксперт в сфере теории и практики политического маркетинга является профессором чикагского Университета Де Поля (Чикаго, США) и

редактором профессионального издания «Journal of Political Marketing». В его послужной список входит работа в качестве советника администрации президента Билла Клинтона во время выборов 1996 г. Он был ключевым спикером на 5-ом Международном Форуме по политическому маркетингу (PMF-2016).

Вопросы динамики современных политических технологий оказались весьма востребованными. Одним из таких важных обсуждаемых ныне учеными и практиками вопросов стало выявление исторических особенностей взаимодействия старого и нового в современных коммуникационных процессах. К относительно новым феноменам можно отнести политический маркетинг и стратегические коммуникации. По своей сути, политический маркетинг выступает в качестве интеллектуальной формы коммуникации, которая реализуется в сфере политики.

Под термином «стратегические коммуникации», как пишет московский исследователь Екатерина Виноградова, понимается стратегически скоординированная деятельность, направленная

на управление целевыми аудиториями как внутри страны, так и за ее пределами с целью повышения репутации своей страны на международном уровне, а в случае политического конфликта – с целью победы в информационной войне [3].

Несмотря на всю свою противоречивость, политический маркетинг и стратегические коммуникации сегодня становятся неотъемлемой частью политических и коммуникационных процессов. Их использование может дать ощутимый результат, когда речь заходит о расширении взаимодействия с целевой аудиторией, в том числе зарубежной. В этом смысле они могут быть востребованы публичной дипломатией.

До настоящего времени основной упор исследователями и практиками делался на политический маркетинг и стратегические коммуникации в контексте демократии западного типа. Ныне происходит расширение объема данных понятий. Такое расширение позволяет использовать опыт другой политической среды на местном, государственном, региональном и международном уровнях. Фактически речь ныне идет о создании живой плюралистической среды общения ученых, политиков, журналистов, общественности.

Современные политические технологии стремительно совершенствуются в условиях нового витка информационной революции. Например, сегодня политический маркетинг обращается к сетевой модели веб 3.0, ориентированной на потребителя информации. Новыми возможностями обладает стратегическая коммуникация, которая включает в себя общую деятельность различных субъектов и базируется на основе многосторонней экспертизы, нацеленной на координацию и синхронизацию деятельности разных членов экспертной группы (или разных групп).

Петербургский исследователь Н. А. Цветкова отмечает, что программы в области информации, культуры и образования, используемые во внешней политике государств, и обычно определяемые термином публичная дипломатия, переживают сегодня новый виток развития [4, с. 1]. Она выделяет четыре фактора. Наиболее важный из них — это признание всеми государствами того факта, что умелое и активное использование программ публичной дипломатии может обеспечить реализацию таких политических и экономических задач,

как расширение сферы влияния, поиск рынков сбыта, повышение престижа страны и т. п.

Вторым фактором популярности программ публичной дипломатии среди акторов системы международных отношений выступает бурное развитие информационных технологий, прежде всего распространение Интернета и мобильной телефонии (цифровая дипломатия).

Третьим фактором новой волны в развитии публичной дипломатии стало широкое распространение новых научных концепций в данной сфере, которые приобрели популярность не только в академическом сообществе, но и среди политиков, журналистов и различных специалистов. Новые концепции о «мягкой силе», бренде нации и стратегической коммуникации стали основой для обобщения и переосмысления исторического опыта реализации публичной (культурной) дипломатии, а также для дискуссий о развитии современной публичной дипломатии разных стран.

Четвертым фактором актуализации данного дипломатического инструмента является идеологическая война, которая развернулась между США и исламским фундаментализмом в странах Ближнего Востока после известных событий 2001 г. Вашингтон вернул программы публичной дипломатии в актив внешней политики для расширения влияния и улучшения своего имиджа в данном регионе [4, с.2].

Можно также согласиться с мнением Н. А. Цветковой, что публичная дипломатия как правительственный механизм, нацеленный на реализацию внешнеполитических задач, включает в себя такие методы, как: 1) информационные проекты (пропаганда); 2) образовательные и культурные обмены и 3) проекты в сети Интернет (цифровая дипломатия) [4, с.17]. Н. А. Цветкова полагает, что в 2013–2015 годах новая концепция диалоговой пропаганды, официально обозначаемая Вашингтоном как стратегическая коммуникация, стала доминировать во внешнеполитическом дискурсе США. Практическое применение новой концепции выразилось в новой реформе публичной дипломатии, направленной на развитие программ пропаганды [5, с. 121].

В поле зрения современных исследователей оказываются особенности публичной дипломатии, в частности, связанные с практикой использования

«soft power» («мягкая сила» или «мягкая власть»). Любое государство использует для защиты национальных интересов весь арсенал средств внешней политики. Набор механизмов для достижения внешних приоритетов является весьма богатым. Традиционные инструменты внешней политики носят политический, дипломатический, экономический и военный характер. Публичная дипломатия выступает сравнительно новым компонентом этого арсенала. Термин «общественная дипломатия» появился во Флетчеровской Школе права и дипломатии при Университете Тафта, тесно связанной с Государственным департаментом США. Сегодня он подразумевает развитую многоканальную двустороннюю связь между обществами разных стран.

В комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей и задач с помощью информационных и культурных ресурсов в последние десятилетия прочно вошла «мягкая сила». По словам американского ученого-политолога, одного из классиков теории международных отношений Джозефа Ная [6], «мягкая сила» представляет собой способность к достижению результатов посредством «привлечения» или «соблазнения» вместо насилия или подкупа. «Мягкая сила» служит важным ресурсом для повышения эффективности дипломатии. Сегодня в научно-практический обиход все чаще вводятся такие термины, как «smart power» и «intelligent power» («умная сила» и «разумная сила»), а представители исследовательского сообщества и политики призывают использовать симбиоз «жесткой» и «мягкой» силы, тем не менее, последняя сохранила свою значимость для национальной и международной повестки дня. «Цветные революции» стали ярким примером взаимодействия «мягких» и «твердых» форм влияния. Большой проблемой стало ныне то, что «мягкая сила» используется как дополнение к другим инструментам давления на недружественные страны и многие государства в ответ на применение против них «мягкой силы» отвечают всем арсеналом сил и средств, имеющимся в их распоряжении, в том числе и «жесткой силой».

На протяжении последней четверти века Россия использовала преимущественно традиционные инструменты – «hard power» и экономические рычаги. Положительным явлением стало увеличение влияния и качества российской диплома-

тии. Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) отмечает, что «используя классические рычаги, Москва добилась того, что ее позиция и интересы стали в большей степени учитываться ведущими игроками. Апогеем стала российско-грузинская война в августе 2008 года. Несмотря на крайне неблагоприятный для Москвы информационный фон и всплеск антироссийских настроений на Западе, стратегические цели были достигнуты» [7].

В конце февраля 2012 года в статье «Россия и меняющийся мир» Владимир Владимирович Путин характеризовал «мягкую силу» как комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, за счет информационных и других рычагов воздействия [8]. Можно увидеть разницу между определениями, предлагаемыми Дж. Наем и В. Путиным. Она носит далеко не стилистический характер. Американский политолог отмечает привлекательность в качестве ключевого элемента понятия, в то время как российский лидер делает больший упор на рычагах влияния. В период президентства Барака Обамы государственный секретарь США Хилари Клинтон, хотя и была приверженкой идеи Дж. Ная, на практике тоже уповала и на рычаги влияния. В своих мемуарах она писала: «Для меня умная сила означала выбор подходящих инструментов – дипломатических, экономических, военных, политических и культурных – для отдельно взятой ситуации» [9, p. 33].

Тесно связано с понятием публичной дипломатии понятие народной дипломатии. Роль народной дипломатии в общем контексте дипломатии современного государства весьма велика. Автор доклада принимает деятельное участие в работе Международного общественного движения «Гражданский Мир» в качестве председателя экспертного совета. Движение на практике реализует политику народной дипломатии [10].

Сегодня великие державы больше не являются единственными акторами мировой политики и международных отношений, поэтому их монополия на распространение информации по всему миру утрачена. Публичная дипломатия, ориентированная на «соперничество», замалчивание одной точки зрения целевой аудитории посредством

активного поощрения других, не всегда достигает своих целей. В результате повышается интерес к публичной дипломатии, ориентированной на двустороннее сотрудничество, направленное на укрепление атмосферы доверия и принятия взвешенных решений. Не случайно появление концепции новой публичной дипломатии. Московский исследователь А. В. Долинский отмечает, что увеличение количества акторов мировой политики и рост влияния негосударственных акторов в сочетании с изменением международной коммуникационной системы привели к появлению концепции новой публичной дипломатии. В новой публичной дипломатии государства не столько взаимодействуют с зарубежными обществами, сколько стимулируют развитие взаимодействия по линии общество-общество. При этом негосударственные акторы могут играть не только сопоставимую с государством, но и, совокупно, более важную роль. В этой связи все большему количеству государств приходится активно взаимодействовать с негосударственными акторами для повышения эффективности собственной публичной дипломатии [11, с. 13-14].

Россия не стала исключением в процессе расширения взаимодействия с общественностью различных стран мира. В последние несколько лет мы стали свидетелями последовательного развития национальной системы взаимодействия с общественностью других стран. Произошло реформирование Информационного Агентства «РИА-Новости», Радио «Голос России». Было создано в 2008 году в соответствии с Указом Президента РФ Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Оно является правопреемником Российского центра международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентра) при МИДе России. В 2005 году был создан телеканал «Россия сегодня», а в 2007 году специализирующийся на популяризации русского языка и культуры Фонд «Русский мир». Большую роль играют крупномасштабные международные проекты: саммиты G8, G20 и т. д. Кроме того, происходит публикация «Российской газетой» ежемесячных вкладок за рубежом в газетах «Вашингтон пост», «Дэйли Телеграф», «Фигаро», а также в веду-

щих изданиях в Аргентине, Болгарии, Бразилии, Индии, Испании и Италии с общим тиражом в несколько миллионов. В Москве с 1930 года до 2014 года публиковалась на иностранных языках газета «Московские новости», и до 2012 года действовала информационная служба и общественная платформа Russia Profile. Среди мер, направленных на оптимизацию взаимодействия с общественностью других стран, называют сотрудничество российского руководства с американским PR-агентством «Кетчум», «Валдайские встречи» российских лидеров с зарубежными политическими учеными, зимние Олимпийские игры в Сочи 2014 года и чемпионат мира по футболу 2018 года и многое другое. Наконец, в 2010 году, согласно распоряжению российского президента, были созданы Российский Совет по международным делам и Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова.

Телекомпания RT, основанная как «Russia Today» (Россия сегодня), – это наиболее популярный проект российской «мягкой силы». RT – это российская телевизионная сеть, финансируемая из федерального бюджета, которая включает кабельное и спутниковое телевидение, а также интернет-контент, направленный на аудиторию за пределами Российской Федерации. RT International, которая базируется в Москве, представляет круглосуточно выпуски новостей, документальные фильмы, ток-шоу, и дебаты, а также спортивные новости и культурные программы о России. RT работает как многоязычный сервис с каналами на трех языках. Оригинальный английский языковой канал был запущен в 2005 году. На арабском языке Rusiya Al-Yaum был запущен в 2007 году, в то время как канал на испанском языке RT Actualidad был запущен в 2009 году. RT America (с 2010 года), и RT UK (с 2014 года) предлагают некоторый местный контент для этих стран.

Все эти проекты наглядно демонстрируют заинтересованность нашей страны в развитии системы коммуникации с зарубежной аудиторией.

Однако развитие публичной дипломатии в России наталкивается на множество трудностей. Одна из них – отсутствие системы публичной дипломатии, предполагающей наличие единой стратегии, координации, методов оценки эффективности. Российская публичная дипломатия не выработала действенных механизмов сотрудничества с негосу-

дарственными структурами других стран. А ведь проводниками публичной дипломатии, наряду с государствами, все чаще выступают неправительственные организации. Алексей Долинский полагает, что как и США, после террористических атак 11 сентября 2001 года, Россия увеличила число односторонних каналов коммуникации, но не смогла наладить активный диалог с зарубежной общественностью [12].

Важным аспектом является вопрос о положении 25 миллионов соотечественников, которые оказались за границей после распада СССР. К сожалению, проблема положения русскоязычных жителей соседних государств поднималась в основном, исходя из политической конъюнктуры. Эта проблема использовалась в основном как рычаг давления, например, на страны Балтии. Однако вопрос о ситуации с русскими в государствах Центральной Азии почти не поднимался. Это было заметно на примере Туркменистана. Интересы отношений с Ашхабадом газового монополиста «Газпрома» для государства оказывались первоочередными [7]. Таким образом, прагматические экономические интересы и бюрократические проволочки ныне зачастую оказываются решающими в определении внешнеполитического курса в отношении того или иного региона или страны. Хотя Украинский и Сирийский кризисы, несомненно, способствовали усилению роли публичной дипломатии России.

У России нет налаженной системной работы на Евразийском пространстве с деловыми и интеллектуальными элитами, нет реальной структурированной диаспоры. Явно не хватает пророссийских СМИ. Инициативы России зачастую связаны с сиюминутными конъюнктурными интересами рынка и не имеют длительной перспективы и идеи развития. Дело ограничивается взаимными визитами на высоком уровне, экономическими преференциями и списанием долгов.

В целом позитивные отклики в СМИ и блогосфере вызвало назначение на пост директора департамента печати и информации МИД РФ Марии Захаровой. Хотя некоторые теперь воспринимают спикера дипломатического ведомства скорее как представителя шоу-бизнеса.

В условиях информационной войны с Западом в российских СМИ все чаще используются подходы политической коммуникации и пропаганды.

Это в частности проявилось при освещении европейского миграционного кризиса. В российских официальных и официозных СМИ подчеркивается, что европейцы опасаются за свою безопасность, европейские лидеры не могут решить проблемы миграции, европейские правящие круги зависимы от США, европейские политики сознательно искажают информацию о масштабах проблемы.

Российские СМИ зачастую фокусируются на заявлениях крайне правых политиков о вопросах миграции, таких, как лидер французской партии Национальный фронт Марин Ле Пен или представители немецкого Союза правых PEDIGA. Ангела Меркель является одной из главных мишеней для критики в российских СМИ.

Тема мигрантов также важна в российском внутреннем дискурсе. Она призвана продемонстрировать нестабильность в мире, необходимость поддержки существующего строя в России и опасность стремления к переменам. В то же время против России развернута западная пропагандистская кампания, напоминающая, а иногда и превосходящая стилистику времен «холодной войны» [1, с. 183].

Все выше перечисленное свидетельствует о тенденции дальнейшего развития публичной дипломатии как инструмента «мягкой силы» в стратегическую коммуникацию и использования механизмов политического маркетинга. Публичная дипломатия России также действует в русле этого мирового тренда. Тем не менее, публичная дипломатия России все-таки еще достаточно слаба. Это особенно заметно на фоне усиливающейся конкуренции за мировое влияние между США и Китаем.

Список литературы

1. *Виноградова, С. М., Руцин, Д. А.* V Международный форум «Политический маркетинг в меняющемся мире: глобальное, региональное и национальное измерение – PMF-2016». Санкт-Петербург, 20–23 июля 2016 г. [Текст] / С. М. Виноградова, Д. А. Руцин // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4 (41). – С. 181 – 183.
2. *Виноградова, С. М., Руцин, Д. А.* Маркетинговая революция и современные медиа: quo vadis? [Рец. на книгу]: Newman B. The marketing revolution in politics: what recent U. S. presidential campaigns can teach us about effective marketing. Toronto: Rotman-

University of Toronto Press, 2016. 205 p. [Текст] / С. М. Виноградова, Д. А. Руцин // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2017. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 91–94.

3. Виноградова, Е. А. Роль стратегической коммуникации в международных отношениях [Текст] / Е. А. Виноградова // Международная жизнь. – № 6. – 2014. – С. 111–129.

4. Цветкова, Н. А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг. Специальность 07.00.15 — история международных отношений и внешней политики, Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – СПб., 2015.

5. Цветкова, Наталья. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» [Текст] / Н. А. Цветкова // Международные процессы. – Том 13. – № 3. – С. 121–133.

6. Nye, Joseph S., Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – No. 1. – Pp. 94 – 109.

7. Лукьянов, Федор. Парадоксы российской «мягкой силы» // ОБСЕРВО. Аналитический центр при Франко-российской торгово-промышленной палате. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf. (дата обращения: 12.06.2017).

8. Путин, Владимир. Россия и меняющийся мир [Текст] / В. Путин // Московские новости. – 2012. – 27 февраля.

9. Clinton, H. Hard Choices. – New York: Simon & Schuster, – 2014. – 655 p.

10. Руцин, Д. А. Евразийская интеграция и Международное общественное движение «Гражданский Мир» [Текст] / Д. А. Руцин // Ноосферное образование В евразийском пространстве (коллективная научная монография). – СПб., 2015. – С. 426 – 433.

11. Долинский, А. В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Специальность 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2011.

12. Долинский, Алексей. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // Российский совет по международным делам. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=791#top-content (дата обращения: 12.06.2017).

АФГАНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

АННОТАЦИЯ

Раскрыты основные положения политики России и центрально-азиатских стран в отношении Афганистана. Рассмотрены геоэкономические возможности стран-членов ЕАЭС по расширению взаимосвязей с Афганистаном.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; Афганистан; геоэкономика; Центральная Азия; Россия.

BATUR ABDUL GAFAR

THE AFGHAN ISSUE IN THE POLITICS OF THE MEMBER COUNTRIES OF THE EAEU

ABSTRACT

The basic points of Russian policy and Central Asian countries towards Afghanistan. Considered geo-economic capabilities of member countries of the EEU to expand relations with Afghanistan.

Keywords: Eurasian economic Union; Afghanistan; geo-Economics; Central Asia; Russia.

Поступательное развитие интеграционных связей стран-членов Евразийского экономического союза во многом зависит от стабильной политической и социально-экономической ситуации в странах-соседах, так как конфликты, военные столкновения негативно сказываются на развитии региональных связей ЕАЭС, необходимых для расширения партнерских связей государств-членов Союза. Поэтому актуально рассмотреть проблематику взаимоотношений стран-членов ЕАЭС и с Афганистаном, затяжной конфликт в котором сказывается на геоэкономических возможностях развития интеграционного объединения в азиатской части евразийского континента.

Необходимо отметить, что в целом у стран-членов ЕАЭС отсутствует четкая стратегия и отработанные методы восстановления и укрепления раздробленного и охваченного военными конфликтами афганского государства, в котором процветают теневая экономика и наркобизнес, оказывающие дестабилизирующее влияние на ситуацию в обширном регионе. Как отмечают многие эксперты, стабилизация и развитие Афганистана является важнейшим условием стабильности во всем Центрально-Азиатском регионе, включая Таджикистан, Кыргызстан и Евразийский экономический союз в целом. «Отгородиться» от Афганистана, закрыться от проблем, существующих в этой стране, невозможно. Единственной перспективной стратегией является участие в стабилизации и постконфликтном восстановлении Афганистана как будущего важнейшего партнера ЕАЭС в регионе [1].

Если рассмотреть отдельно политику России, как крупнейшего участника ЕАЭС, то, по мнению российского исследователя А. И. Чихриновой, в российском общественном мнении господствует позиция, что не нужно вмешиваться в афганские дела. «Россия должна ограничиваться отдельными акциями гуманитарной помощи и небольшими самокупаемыми проектами скорее символического, нежели практического значения. Исходя из этой точки зрения, России следует и далее признавать необходимость дальнейшего присутствия иностранных войск США, НАТО и международной коалиции на территории Афганистана, поддерживая т.н. войну США и их союзников против терроризма» [2].

Данная позиция определяется тем, что в последние десятилетия в российском общественном мнении сложился негативный имидж Афганистана, где идет гражданская война и где основную геополитическую роль играют США и НАТО. Кроме того, руководство Афганистана зачастую не оказывало поддержки российским инициативам по линии экономических и гуманитарных связей. в тоже время А. И. Чихринова приводит и противоположную точку зрения, согласно которой угроза этнических разногласий в афганском обществе очень велика, а значит «необходимо ограничиться тесными отношениями с северными провинциями Афганистана, населенными преимущественно непуштунскими племенами, и создавать на их территории буферную зону. в случае же дальнейшего ослабления власти в Афганистане следует поддержать раздел страны на два государства – север-

ное и южное – по границам преимущественного проживания различных этнических сообществ» [2]. Однако эксперт справедливо замечает, что в таком случае могут быть спровоцированы процессы распада и соседних государств, что приведет к дестабилизации обстановки в целом в регионе Центральной Азии. Следствием этого станет усиление транс-таджикских и транс-узбекских криминальных сетей и увеличение наркопотока через эти территории.

Однако в последние годы, особенно после создания ЕАЭС, куда вошли соседи Афганистана по региону – Казахстан и Киргизия, а в планах значится расширение Союза за счет Таджикистана, возможно, Узбекистана, позиция России по отношению к региону Центральной Азии стала более конструктивной. Так, значительно повысилась активность ОДКБ в регионе, что отражало намерение России защитить своих союзников от «афганских угроз». Важно отметить, что и с афганской стороны предпринимаются шаги на постепенное сближение с Россией и соответствующими региональными организациями (например, ШОС). Более того, ввиду ослабления военного присутствия США власти Афганистана официально обратились к России с просьбой помочь в снабжении, обслуживании и обучении армии и полиции [3]. Постепенный разворот Афганистана в сторону России и в целом в сторону ЕАЭС вполне экономически оправдан. Президент Афганистана А. Гани поддерживает повышение уровня сотрудничества с Россией. Так, например, по словам атташе по торгово-экономическим вопросам посольства Афганистана в Москве М. Касема, Афганистан предложил России инвестировать в восстановление 124 объектов экономики (тоннель «Саланг», хлебокомбинат в Кабуле, политехнический университет, авторемонтный завод «Джангалак», электростанция в городе Пули-Хумри и др.) [4].

Широкий афганский геополитический тренд для внешней политики стран-членов ЕАЭС обусловлен не только географическими (хотя Казахстан и Киргизия не имеют общих границ с Афганистаном), но и этническими факторами: «в приграничных районах Афганистана проживают значительные таджикские, туркменские и узбекские меньшинства. Не относящиеся к пуштунам этнические группы на севере страны часто объединяют в одну политическую группу – «Северный

альянс» и его составляющие» [5]. Поэтому, несмотря на отсутствие прямых границ с Афганистаном, Казахстан и Киргизия также косвенно вовлечены в афганский конфликт и его урегулирование.

Так, Казахстан на протяжении долгого периода активно оказывает поддержку Афганистану в гуманитарной и экономической сферах. В число вопросов, волнующих руководство Казахстана, входят борьба с наркотрафиком, проблемы восстановления экономики и социальной сферы жизни афганского общества. Именно поэтому Президент РК Н. А. Назарбаев предлагает усилить миссию ОБСЕ в регионе, что после вывода войск США и НАТО из Афганистана в 2014 году может способствовать развитию мирных процессов. Таким образом, по его мнению, «необходимо изменить саму парадигму борьбы с вызовами современности – сместить акцент с военно-полицейских методов в сторону ликвидации источников этих вызовов. Помочь афганцам взять на себя ответственность за стабильность в стране, перевести общество с вооруженного противостояния на созидательные рельсы – такой мы видим основную цель деятельности ОБСЕ и международной коалиции» [6].

Основная проблема, с которой столкнулись руководители Киргизии связана с активизацией боевиков и наемщиков, которые проникают на территорию Киргизии, также не имеющей общих границ с Афганистаном, через Таджикистан. К сожалению, «в последние годы члены местных исламистских группировок, в основном молодые узбеки и киргизы из южных областей, проходили подготовку в Афганистане. У киргизской армии нет достаточных ресурсов, чтобы справиться с регулярными нападениями боевиков» [7].

Хотя Таджикистан и Узбекистан не входят в состав ЕАЭС, но они тесно связаны политическими и экономическими отношениями с ЕАЭС, поэтому важно рассмотреть и их позицию. Наиболее тесные отношения сложились между Афганистаном и Таджикистаном, причем как позитивного, так и негативного характера. Если касаться отрицательных сторон отношений, то на первый план выходит наркотрафик, который усиливает коррупционность власти в Таджикистане. К этому надо добавить, что через таджикскую территорию в другие страны Центральной Азии (в частности, в Киргизию) проникают экстремистские группы,

поэтому один из ведущих направлений деятельности нынешнего руководства Таджикистана является укрепление границы с Афганистаном [7]. Что касается позитивных аспектов двусторонних отношений Афганистана и Таджикистана, то они развиваются в сфере торговли и энергетики (каскад ГЭС на реке Пяндж), транспортной инфраструктуры (транс-афганская железная дорога, ряд автомобильных путей), создания металлургической отрасли (с учетом инвестиционной программы ТАЛКО), простейших машиностроительных производств, развития приграничной торговли [1]. По мнению эксперта ЦАЭК «Евразийское развитие» Ю.Царика, Таджикистан может реализовать свою уникальную роль в отношениях с Афганистаном. Например, создание зоны свободной торговли между Афганистаном и Евразийским экономическим союзом можно будет осуществить «сразу после или одновременно с присоединением к ЕАЭС самого Таджикистана. И в нем, безусловно, заинтересованы, как Душанбе, так и Кабул, и ЕАЭС в целом. Только совместное развитие с Афганистаном может позволить реализовать стратегию каскада индустриализаций и сформировать общий рынок Центральной Азии» [1].

Новый президент Узбекистана Ш. М. Мирзиёев в основу своей внешней политики положил прагматические соображения относительно взаимодействий с Афганистаном. В продолжение уже начатых проектов узбекская сторона особое внимание уделяет развитию логистических схем экономических взаимодействий с Афганистаном. Так, еще в 2010 году Узбекистан завершил строительство железнодорожной линии Хайратон-Мазари-Шариф, которая открыла возможности для совершения грузовых операций на территории Афганистана [8]. Одной из важных инициатив по поводу решения афганской проблемы можно считать предложение Узбекистана, с которым его лидер выступил еще в 2008 году – с инициативой создания под эгидой ООН контактной группы «6+3» в составе полномочных представителей государств-соседей Афганистана и России, США и НАТО [9]. При этом в основе данной инициативы лежит идея о центральной роли в разрешении конфликта самих афганцев, лишь при поддержке других заинтересованных сторон.

Таким образом, страны Центральной Азии и в целом все страны-члены ЕАЭС чрезвычайно заинтересованы в стабилизации ситуации в Афга-

нистане, так как геоэкономическое положение Афганистана может быть использовано для развития трансрегиональных взаимодействий с такими важными партнерами ЕАЭС как Индия, Пакистан и Иран. Именно об этом говорил, выступая на Петербургском экономическом форуме в 2016 году, В. В. Путин, когда предлагал подумать о создании большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у ЕАЭС уже сложились тесные отношения (Китай, Индия, Пакистан, Иран).

Для того, чтобы реализовать мирные планы развития Афганистана, многие эксперты сходятся во мнении, что в сложившейся в Афганистане политической ситуации, интересам самого Афганистана отвечает реформирование существующей политической системы. Это даст возможность сохранить единство государства при широкой автономии провинций страны, когда за центральным правительством остаются ключевые функции: контроль силовых структур, финансовой сферы, реализация экономических программ развития страны, распределение внешней экономической помощи, осуществление внешней и оборонной политики. В этом контексте интересным представляется аналитический доклад «Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия», подготовленный экспертами российской Академии наук [10]. В этом проектно-аналитическом докладе отмечалась необходимость для России активной региональной политики, кооперации с такими крупными континентальными державами, как Китай, Индия, Иран. В первую очередь речь идет о необходимости противодействия планам реализации американского проекта «Большой Центральной Азии». Согласно авторам доклада, в противовес ему России необходимо превратить территорию Средней Азии и Среднего Востока, от Казахстана до северной Индии и Персидского залива, в принципиально новый макрорегион – Новый Средний Восток, отличающийся стабильностью и промышленным подъемом.

По мнению авторов идеи такого проекта, «только Новый Средний Восток в состоянии решать следующие критические для региона задачи:

- восстановить Афганистан в качестве единого, суверенного и экономически эффективного государства, которое не только

- прекращает экспорт нестабильности, наркотиков и терроризма, но и становится модельным государством ускоренной индустриализации и развития;
- обеспечить прочную кооперативную безопасность и стабильность;
 - провести демилитаризацию присутствия «дальних» иностранных государств на территории стран региона;
 - организовать единое экономическое и транспортно-логистическое пространство, соединяющее российскую Сибирь с «южными морями» (Аравийским морем и Персидским заливом), а со временем – сухопутный «мост» между Северным Ледовитым и Индийским океанами;
 - создать единую инфраструктуру водного обеспечения южных стран региона для решения критической водной проблемы;
 - не допустить создания в Афганистане и Средней Азии плацдарма США и НАТО по контролю Китая, Ирана и России из их «подбрюший»;
 - организовать фундаментальную географическую конструкцию, которая бы принципиально не допускала разлома России по Уралу и отщепления от Европейской части России Восточной Сибири и Дальнего Востока;
 - не допустить войны США и НАТО против Ирана как участника строительства Нового Среднего Востока» [10].

Очевидно, что политическая нестабильность в Афганистане и связанные с этим угрозы являются одной из главных преград в реализации данного проекта, однако, представляется необходимым рассматривать данное проектное предложение как стратегическую линию по продвижению Большой Центральной Азии к процветанию в условиях политической стабильности и безопасности. И роль стран-участниц ЕАЭС может стать ключевой в изменении всей геополитической и геоэкономической ситуации в регионе, где Афганистан займет свое достойное место.

Список литературы

1. Таджикистан, Афганистан и ЕАЭС: уникальные возможности взаимодействия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurazvitiye.org/events/20141205>(дата обращения 26.07.2017)
2. Чихринова А. И. Внешнеполитические интересы России в Афганистане: современные приоритеты: Дис. на соиск. уч. ст. канд. полит.наук / А.И. Чихринова. – М., 2015. – С. 86.
3. Уваров А. Бишкекский спектр: от Молдавии до Афганистана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/pview/2017/04/17/bishkekiskij-spektr-ot-moldavii-do-afganistana-43839.html> (дата обращения 26.07.2017)
4. Афганистан попросил Россию о финансовой помощи для восстановления национальной инфраструктуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rns.online/economy/afganistan-proposil-Rossiye-o-finansovoi-pomoschi-dlya-vosstanovleniya-natsionalnoi-infrastrukturi-2017-03-13/> (дата обращения 26.07.2017)
5. Ляруэль М., Пейруз С., Аксенова В. Отношения Афганистана и стран Центральной Азии: какую роль может сыграть ЕС? Рабочий доклад 13. Март 2013., М.Ляруэль. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fride.org/descarga/WP13_Ru.pdf (дата обращения 20.02.2016)
6. Верхотуров Д. Стратегия по Афганистану: казахстанская глава. / Верхотуров Д. // Казахстанская правда. 2010. – 30 ноября.
7. Мусина И. Афганский фактор в политике государств Центральной Азии. / И.Мусина. // Вестник КазНПУ. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/10993> (дата обращения 21.02.2016)
8. Казиева Р. Туркменистан: Афганский вопрос, оценка перспектив и рисков 2011. / Казиева Р. // Exclusive обзорно аналитический журнал. – 2011. – 19 июля.
9. Посол Узбекистана при ООН рассказал о помощи Афганистану. Центр новостей ООН. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=12629#.WPCokfnuyIU>(дата обращения 21.02.2016)
10. Путь К миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. – М.: АНО Институт демографии, миграции и регионального развития, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.idmrr.ru/> (дата обращения 21.02.2016)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ЕАЭС НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье ставится вопрос о необходимости реализации государствами-членами ЕАЭС совместных проектов и программ, которые могли бы объединить усилия ранее обособленных и конкурирующих между собой общественных организаций (НКО) и коммерческих компаний в деле защиты интересов Союза в мировом информационном и экономическом пространстве. Действуя в международном публичном пространстве сообща и в интересах ЕАЭС, «евразийские» альянсы компаний и общественных организаций стран Союза, фактически создающие товары и информационные продукты под маркой «Сделано в интересах ЕАЭС», способны существенным образом изменить облик и восприятие Евразийского союза и раскрыть весь потенциал интеграции.*

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; ЕАЭС; евразийская интеграция; публичная дипломатия; совместные проекты.

PEREBOEV V. S.

EURASIAN PUBLIC DIPLOMACY: NEW INSTRUMENTS FOR THE PROTECTION OF INTERESTS OF THE EAEU IN GLOBAL WORLD.

ABSTRACT

This article raises the question of the need for the EAEU member states to implement joint projects and programs that could combine the efforts of previously isolated and competing public organizations (NGOs) and commercial companies in protecting the interests of the Union in the global information and economic space. Acting in the international public space from the joint positions and in the interests of the EAEU, the "Eurasian" alliances of companies and public organizations of the Union member states, creating goods and information products under the brand "Made in the interests of the EAEU", could significantly change the nature and perception of the Eurasian Union and realize the full potential of integration.

Keywords: Eurasian Economic Union; EAEU; Eurasian integration; public diplomacy; joint projects.

Прежде чем рассматривать особенности публичной дипломатии на евразийском пространстве, необходимо конкретизировать, что мы понимаем под публичной дипломатией. Наиболее точное определение данного понятия дал в свое время Эдмунд Гуллион – декан Школы права и дипломатии им. А.Флэтчера Университета Тафтса: «Под публичной дипломатией мы понимаем средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения» [1]. То есть, «публичная дипломатия... имеет дело с влиянием общественных установок на осуществление внешней политики» [1]. Центральным элементом публичной дипломатии является управление транснациональным потоком информации и идей, с вовлечением гражданского общества или населения в широком смысле в этот процесс.

Следует заранее сделать оговорку, что в настоящей статье под евразийским пространством

понимается совокупная территория пяти государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а не пространство всего Евразийского континента. Хотя сегодня мы являемся свидетелями большой работы в рамках ЕАЭС, связанной с формированием «Большого евразийского партнерства» или «Большой Евразии», которая уже начинает создавать запрос на выход публичной дипломатии России и других государств-членов ЕАЭС за пределы Евразийского союза с целью защиты интересов всего ЕАЭС на мировой арене.

Каковы же основные акторы (или «игроки») публичной дипломатии на пространстве ЕАЭС? на национальном уровне это, прежде всего, правительства государств-членов Союза (администрации глав государств, министерства иностранных дел и др.), осуществляющие в пределах своих полномочий весь спектр политики взаимодействия государства с обществом, хозяйствующими субъектами, иностранными государствами и их объединениями. При этом посольства России

* Мнение автора настоящей статьи не обязательно отражает позицию Евразийского банка развития по рассматриваемым вопросам.

за рубежом могут играть потенциально ключевую роль в международном позиционировании страны и ЕАЭС, как и посольства других государств-членов Союза, занимая проактивную позицию и проводя соответствующую системную работу.

Важную роль в реализации государством потенциала публичной дипломатии играют специализированные государственные агентства, представляющие интересы страны на мировой арене. Наиболее ярким примером является «Россотрудничество» – Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Как известно, деятельность «Россотрудничества» и его загранучреждений направлена на реализацию государственной политики международного гуманитарного сотрудничества, содействие распространению за рубежом объективного представления о современной России и содействие международному развитию, опираясь, в частности, на российские центры науки и культуры в странах СНГ и работу с молодежью[2].

Вместе с тем, зачастую колоссальный «публично-дипломатический» потенциал российских посольств и центров науки и культуры сдерживается деятельностью загранучреждений США и некоторых дипломатически проактивных стран Европы (Великобритании, Германии, Франции и др.), которые часто стремятся теснить Россию в информационном и социальном пространстве страны присутствия, препятствуя и международному позиционированию ЕАЭС. Эту проблему странам Союза тоже предстоит решать, используя передовые инструменты публичной дипломатии и объединяя свои усилия через реализацию совместных инициатив и проектов.

Особая роль принадлежит специальным фондам и некоммерческим организациям, подотчетным в своей деятельности соответствующим государственным структурам. В России таковыми являются, например, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова[3] и Российский совет по международным делам [4], реализующие блестящие образовательные и дискуссионные мероприятия по всему миру, вовлекающие и объединяющие лучшие умы России и других стран.

Далее следуют крупные государственные научно-образовательные учреждения, направляющие значительные силы на работу в мировом научно-образовательном и информационном пространстве, тем самым позиционируя страну на мировой арене. Также растет влияние национальных и научно-исследовательских организаций, в особенности «фабрик мысли» или “think-tanks”, осуществляющих точечную информационную работу высокого качества.

Особым инструментом публичной дипломатии являются национальные СМИ, влияние которых огромно, но разнонаправленно, так как они не всегда способствуют продвижению интересов ЕАЭС внутри Союза и за его пределами, а иногда и вовсе не заинтересованы в этом. Отдельная проблема заключается также в намеренном искажении имиджа ЕАЭС силами активных иностранных СМИ, особенно тех, которые, например, принадлежат к странам, поддерживающим санкции против России, критикующими евразийскую интеграцию и своей деятельностью сдерживающие «роевразийские» СМИ. Это создает запрос на «информационную интеграцию» в ЕАЭС – то есть на объединение усилий национальных информационных агентств в единую евразийскую информационную структуру или телерадиовещательную компанию, которая составила бы достойную конкуренцию «Евроьюз» и подобным иностранным СМИ. Кстати, согласно данным «Интеграционного барометра ЕАБР», население стран ЕАЭС поддержало бы такую инициативу, о чем речь пойдет в заключительной части данной статьи.

Также свой вклад вносят частные корпорации, многие из которых реализуют социально значимые проекты, выделяют гранты на поддержку общественных инициатив в своей стране и за рубежом и оказывают влияние на политику и информационное поле своих и иностранных государств. Коммерческие компании могли бы усилить свои позиции с выгодой и для себя, и для ЕАЭС через «корпоративную интеграцию», через формирование «евразийских альянсов», совместных союзных предприятий, производящих продукцию под маркой «Сделано в ЕАЭС» (и «в интересах ЕАЭС»). Но об этом чуть позже.

Наконец, особую и все более возрастающую роль в публичной дипломатии играют некоммер-

ческие (общественные) организации, реализующие общественные инициативы, в том числе связанные с евразийской интеграцией. Например, Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия» реализует проект «Курс общественного дипломата» – научно-образовательная программа повышения квалификации по вопросам «мягкой силы» и «публичной дипломатии» [5]. Курс сформирован на основе авторской учебной программы, для студентов МГИМО и составленной в соответствии с требованиями к обязательному минимуму и уровню подготовки магистра по направлению «Международные отношения». Одно из направлений программы – ознакомление со спецификой евразийской интеграции и обучение основам публичной/общественной дипломатии в условиях ЕАЭС. Другой пример – Центр евразийских исследований, организовавший открытый образовательный спецкурс по евразийской экономической интеграции на базе факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, а также цикл ежемесячных научно-практических «Евразийских круглых столов» по евразийской интеграции [6].

Интересен пример образовательной программы «Школа публичной дипломатии», реализуемой Всеармянским молодежным центром «Серунд» при поддержке Российского центра науки и культуры в Ереване и в сотрудничестве с Фондом поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова. Пожалуй, это один из немногих успешных примеров конструктивной кооперации государств-членов ЕАЭС в сфере публичной дипломатии, в данном случае – Армении и России.

Вместе с тем, таких примеров пока очень мало – в странах ЕАЭС наблюдается дефицит совместных проектов, сфокусированных на продвижение или содействие евразийской интеграции (будь то в бизнесе, образовательной деятельности, публичной дипломатии в широком смысле и иных сферах). В деятельности значительного числа участников «публично-дипломатического» пространства ЕАЭС по-прежнему преобладает конкуренция вместо кооперации, в то время как именно совместные проекты и программы, в которых были бы задействованы от двух и более государств-членов ЕАЭС, могли бы раскрыть интеграционный потенциал Союза, причем не на бумаге или на словах, а на деле.

Пока роль основных «интеграторов» всех перечисленных «игроков информационного поля» ЕАЭС играют, в основном, наднациональные (межгосударственные) структуры, создающие условия для более активного взаимодействия национальных организаций пяти государств-членов ЕАЭС друг с другом, стимулирующие реализацию ими совместных программ и проектов. Прежде всего, это Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) – наднациональный регулирующий орган Союза, принимающий, в том числе, решения, обязательные к исполнению в государствах-членах Союза. Подобно Европейской комиссии в ЕС, ЕЭК в ЕАЭС решает задачи достижения целей Договора о ЕАЭС, выступая от лица всех пяти государств-членов по всем вопросам интеграции и развития ЕАЭС, в том числе решая задачи международного позиционирования ЕАЭС.

Отдельная задача, которую решает ЕЭК, заключается в содействии реализации совместных программ и проектов в различных отраслях экономики. в связи с этим стоит подчеркнуть, что евразийская интеграция направлена на углубление сотрудничества государств-членов Евразийского союза и их хозяйствующих субъектов (юридических лиц) друг с другом, на консолидацию потенциала пяти государств Союза. Примеры таких проектов в ЕАЭС уже появляются. Например, такие совместные предприятия, как Объединенная транспортно-логистическая компания, работающая под «евразийским» брендом “EurasianRailAlliance” и объединяющая потенциал и интересы трех ключевых железнодорожных компаний в ЕАЭС – «Российские железные дороги», «Белорусская железная дорога» и «Казахстан темиржолы». Это совместное предприятие, в частности, преследует цель повышения привлекательности железнодорожного евразийского транзитного коридора для грузовладельцев в Китае, Юго-Восточной Азии и Европе и популяризации преимуществ перевозок грузов по железнодорожному маршруту, проходящему через Казахстан, Россию и Беларусь [7]. Созданный недавно Российско-Белорусский фонд венчурных инвестиций также может в дальнейшем преобразоваться в «евразийский» фонд венчурных инвестиций [8].

Это лишь два примера. Создание таких «евразийских» альянсов, холдингов, групп компаний

способны стать двигателями евразийской экономической интеграции и тоже стать акторами публичной дипломатии, защищающими уже интересы всего ЕАЭС на мировой арене. на определенном этапе совместные предприятия, представляющие интересы одновременно нескольких союзных стран-участниц, будут выходить в международное публичное (информационное) пространство и оказывать влияние на общественное мнение, в данном случае – на мнение потребителей их продукции, как внутри ЕАЭС, так и за его пределами. И очень важно, чтобы таких совместных предприятий, объединяющих под своими брендами от двух и более государств-членов ЕАЭС, становилось больше, так как они способны менять представление граждан и бизнес-сообществ о сущности евразийской интеграции. Без таких проектов (или «историй успеха») и без товаров под маркой «Сделано в ЕАЭС» (а точнее – «Сделано в интересах ЕАЭС»), Евразийский союз будет восприниматься лишь как единая таможенная территория, а необходимо, чтобы пространство ЕАЭС отождествлялось с территорией безграничных возможностей сотрудничества стран, народов и компаний Союза друг с другом. по сути, для этого и задумана евразийская интеграция.

Здесь уместно упомянуть о том, что в целях содействия формированию совместных проектов и реализации межгосударственных программ в ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия инициировала создание Евразийских технологических платформ. Это своеобразные открытые для участия межгосударственные коммуникационные площадки, которые объединяют государственные, коммерческие, научно-исследовательские, образовательные и общественные структуры в ключевых отраслях экономики. Потенциал таких платформ велик, так как заставляет вчерашних конкурентов – ранее независимые компании и организации стран Союза – менять свои представления друг о друге, переходя от конкуренции к взаимовыгодной кооперации, создавая совместные продукты и услуги, объединяя свои производственные цепочки и совместно завоевывая мировые экспортные рынки. Именно здесь пересекаются экономическая деятельность и экономическая (в том числе публичная) дипломатия. А потому не исключено, что Евразийские технологические

платформы могли бы создать особый прецедент, когда и государственные органы, и коммерческие компании, и научные и общественные организации вступят в плотное партнерское взаимодействие в интересах не только отдельных отраслей экономики, но и всего ЕАЭС. И здесь могла бы начаться «цепная реакция» интеграционного взаимодействия принципиально нового уровня.

Евразийский экономический союз должен ориентироваться на устойчивый экономический рост, для чего опираться, в том числе, на развитие «корпоративной» и «социальной» интеграции, повышающих объемы, качество и эффект коммуникации и кооперации людей, их сообществ и организаций, а также на качественную аналитическую базу, которая зачастую выполняет функции «строительного материала и оборудования» для интеграции и публичной дипломатии.

Евразийский банк развития (ЕАБР), ставший за 10 лет своего функционирования одним из ключевых межгосударственных интеграционных институтов, действующих на пространстве ЕАЭС, активно способствует решению этих задач, реализуя в странах-членах Союза масштабные инвестиционные проекты, имеющие интеграционный эффект, стимулирующие активизацию торговой и промышленной кооперации, развитие трансграничной инфраструктуры в ЕАЭС. По сути, ЕАБР работает над «корпоративной интеграцией» или «интеграцией снизу» (в том числе совместно с ЕЭК), в то время как ЕЭК обеспечивает «интеграцию сверху», обеспечивая нормативно-правовую базу для успешного сотрудничества государств-членов ЕАЭС. Кроме того, ЕАБР осуществляет мощную информационно-аналитическую поддержку евразийской интеграции, реализуя собственные исследования, публичные мероприятия международного уровня и вырабатывая рекомендации правительствам своих шести государств-участников в области экономической интеграции.

С точки зрения публичной дипломатии, ценными инициативами ЕАБР являются ежегодная международная конференция «Евразийская экономическая интеграция» [9] и ежегодный творческий конкурс для СМИ «Евразийская интеграция и развитие – XXI век» [10]. Конференция Банка объединяет высоких должностных лиц межгосударственных и национальных органов ЕАЭС, глав

и представителей ведущих компаний, международных организаций, научно-образовательных и общественных организаций, действующих на территории ЕАЭС и вовлеченных в процессы евразийской интеграции, а конкурс для СМИ – объединяет талантливых журналистов из стран ЕАЭС. В целом, эти инициативы ЕАБР призваны способствовать распространению объективной информации об интеграционных процессах на евразийском пространстве. До 2015 года Банк также проводил ежегодный конкурс исследовательских и издательских проектов, ориентированных на содействие евразийской интеграции и развитие международного сотрудничества в этой сфере.

Отдельно следует выделить проекты по информационно-аналитическому сопровождению евразийской интеграции, разрабатываемые специализированным структурным подразделением ЕАБР – Центром интеграционных исследований (ЦИИ). Данный Центр проводит прикладные исследования по широкому спектру интеграционных проблем, в том числе в сфере макроэкономической и денежно-кредитной политики ЕАЭС, инвестиционных и торговых потоков, трудовой миграции, общественной поддержки евразийской интеграции и по другим актуальным направлениям, включая анализ внешнеэкономических связей ЕАЭС и мирового опыта региональной интеграции. Проекты реализуются в том числе совместно с ЕЭК, Всемирным банком, ПРООН, ИААА. Практически вся аналитика Центра находится в открытом доступе на сайте организации и доступна для всех, кому небезразлична евразийская интеграция.

Для организации правильной работы инструментов публичной дипломатии Евразийского союза, очень важно использовать объективные индикаторы и ориентиры. Общественное мнение является одним из ключевых индикаторов для оценки восприятия евразийской интеграции со стороны широких слоев населения, влияния проводимой Союзом политики на жизнь граждан и контроля конкурентоспособности и «здоровья» ЕАЭС. И одним из таких «градусников» является «Интеграционный барометр ЕАБР». Проект реализуется с 2012 года совместными силами ЦИИ ЕАБР и международного консорциума «Евразийский монитор» и стал востребованным инструментом оценки интеграционных

предпочтений населения, используемым государственными органами, международным экспертным сообществом. Проект представляет собой проведение ежегодного опроса населения, в ходе которого анализируется общественное отношение к ЕАЭС в государствах-членах и в странах за пределами Союза, выявляются страны и группы стран, предпочтительные в качестве производителей потребительских товаров, поставщиков образовательных услуг, источников иностранного капитала, партнеров по научно-техническому сотрудничеству и т.д.

Например, возвращаясь к вопросу об «информационной интеграции» в ЕАЭС, согласно данным «Интеграционного барометра ЕАБР», от 52 до 72% населения стран ЕАЭС приветствовало бы создание общей телерадиовещательной компании стран ЕАЭС[11]. Это является одним из аргументов в пользу объединения усилий национальных СМИ стран ЕАЭС под эгидой единой информационной структуры с целью повышения качества и эффективности международного позиционирования евразийской интеграции внутри Союза и за его пределами.

Что касается отношения населения государств-членов к ЕАЭС в 2016 году, то его в целом можно оценить как преимущественно положительное. В Беларуси выявлен рост общественной поддержки участия в ЕАЭС за год с 60 до 63%, а в остальных государствах-членах Союза этот показатель хотя и имеет тенденцию к понижению, но доля граждан, положительно оценивающих интеграцию превышает долю тех, кто настроен нейтрально или отрицательно[11]. Так, в Казахстане поддержку участия своей страны в ЕАЭС выразило 74% населения, в Кыргызстане – 81%. Наиболее заметное снижение общественной поддержки участия в Евразийском союзе выявлено в России (с 78 до 69%) и Армении (с 56 до 46%) [11]. Однако снижение уровня поддержки евразийской интеграции произошло преимущественно за счет роста доли граждан, относящихся к Союзу безразлично. Что касается Армении, то здесь причина скорее может быть связана с ситуацией вокруг Нагорного Карабаха, однако нужно сделать оговорку, что ЕАЭС – экономический проект и не соприкасается с военно-политическими отношениями государств-членов Союза и третьих стран.

Скептическое восприятие евразийской интеграции и рост безразличия к ней – абсолютно нормальное явление, как и «евроскептицизм» в странах ЕС. Граждане стран ЕАЭС всё чаще задумываются не столько об интеграционных процессах вообще, сколько о практической значимости интеграции лично для них, насколько она влияет на их конкурентоспособность, на их семейный бюджет и бизнес и т.д. Кстати, в большинстве стран Союза (исключение составил Кыргызстан) материально обеспеченные категории населения в большей степени проявляют позитивное отношение к Союзу, нежели менее состоятельные. Едва ли стоит ожидать столь же высокого уровня общественной поддержки интеграции, как в год подписания Договора о ЕАЭС и присоединения к нему Армении и Кыргызстана. Вместе с тем, на общественное мнение оказывает влияние множество факторов, которые могут меняться как в лучшую, так и в худшую сторону. И качество информационно-аналитического сопровождения интеграции со стороны профильных организаций и СМИ здесь играет не последнюю роль.

В связи с этим, отметим, что чаще в информационном пространстве ЕАЭС преобладает нейтральное позиционирование Союза, как показывает исследование Центра изучения перспектив интеграции и Института социологии НАН Беларуси «Евразийский медиаиндекс». Так, согласно данным «Евразийского медиаиндекса», в информационном потоке стран ЕАЭС преобладают материалы нейтрального характера при малой доле позитивных сообщений о евразийской интеграции [12]. Это во многом связано со спецификой ЕАЭС как экономического объединения, осторожным отношением некоторых стран Союза к выходу интеграции за сугубо экономические рамки и соответствующим (сдержанным) информационным позиционированием интеграции. Как раз здесь публичная дипломатия и успехи «интеграции снизу» могли бы улучшить ситуацию, производя позитивные информационные поводы в публичном пространстве Союза.

Таким образом, в настоящей статье выделено две «ниши», которые в той или иной степени могли бы способствовать повышению качества международного позиционирования ЕАЭС и вооружить Союз новыми инструментами публичной дипломатии. Во-первых – реализация совместных проектов и программ с фокусом на евразийской интеграции и

в интересах всего ЕАЭС, причем как некоммерческими (общественными) организациями, так и частными компаниями стран Союза (или «интеграция снизу»). Во-вторых – более взвешенное, качественное и прогрессивное информационное сопровождение евразийской интеграции внутри и вовне ЕАЭС, в том числе силами профильных государственных органов и учреждений и СМИ с выходом на создание общесоюзной интегрированной информационной инфраструктуры, в том числе в сфере СМИ («информационная интеграция»). При этом очень важно проводить регулярный мониторинг общественного восприятия евразийской интеграции населением и деловым сообществом стран ЕАЭС и приоритетных стран-партнеров, а также мониторинг евразийского и мирового информационного пространства, чтобы видеть эффект применения тех или иных инструментов публичной дипломатии и информационной политики Союза в широком смысле. Здесь следовало бы использовать, прежде всего, опыт Европейского союза, информационная политика которого качественно работает на позитивное международное позиционирование и восприятие этого интеграционного объединения населением, деловыми и политическими кругами, в том числе далеко за пределами ЕС.

Сегодня Евразийскому союзу необходима активизация «интеграции снизу», то есть объединение усилий частных компаний и общественных организаций, существующих в ЕАЭС, которые в своей деятельности могли бы продвигать и защищать интересы, цели, идеи и ценности евразийской интеграции и всего Евразийского экономического союза на мировой арене. Именно в этом вся «соль» евразийской публичной дипломатии. Инициативы «снизу» могли бы дополнять и даже предвосхищать работу государственных и межгосударственных структур Союза по развитию интеграции. Лишь в этом случае возможна полноценная реализация синергетического потенциала евразийской интеграции, что будет выгодно всем, кто приложит к этому усилия.

Список литературы

1. Лукин А. Публичная дипломатия / Международная жизнь, №3. – М.: 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/831>

2. Официальный Интернет-сайт Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству «Россотрудничество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/ru/about>
3. Официальный Интернет-сайт Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gorchakovfund.ru/about/>
4. Официальный Интернет-сайт Российского совета по международным делам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/about/>
5. Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.picreadi.ru/courses/>
6. Центр евразийских исследований. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/category/course>
7. Официальный Интернет-сайт Объединенной транспортно-логистической компании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.utlc.com/about/>
8. *Готовский А.* Евразийские технологические платформы: первые итоги. / Regnum. – М.:Regnum, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/2287426.html>
9. Международная конференция «Евразийская экономическая интеграция» / Евразийский банк развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eabr.org/analytics/conference/>
10. Информация о творческом конкурсе для СМИ «Евразийская интеграция и развитие – XXI век» / Евразийский банк развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eabr.org/press/contest_smi_2016/
11. Интеграционный барометр ЕАБР – 2016 / Доклад № 40 // Евразийский банк развития. – С.-Петербург: Евразийский банк развития, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyu-barometr-eabr-2016/>
12. *Рулева Ю.* Эксперты подсчитали, в СМИ какой страны евразийская интеграция воспринимается лучше всего / Евразия-эксперт. – М.: Евразия-эксперт, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurasia.expert/eksperty-podschitali-v-smi-kakoy-strany-evraziyskaya-integratsiya-vospriimaetsya-luchshe-vsego/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АФАНАСЬЕВ АЛЕКСАНДР ДИОМИДОВИЧ – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной безопасности, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, e-mail: afanasiev-ad2009@yandex.ru

АФАНАСЬЕВА ЖАННА СЕРГЕЕВНА – учитель, лицей №36 ОАО «РЖД», г. Иркутск, e-mail: afanasiev-ad2009@yandex.ru

БАТУР АБДУЛ ГАФАР – аспирант кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

БОБЫЛОВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе, эксперт Российского совета по международным делам, г. Москва, e-mail: msk_2008@mail.ru

БОГОЛЮБОВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА – доцент кафедры международных гуманитарных связей, кандидат исторических наук, СПбГУ, г. Санкт-Петербург

ВАСИЛЬЕВА НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

ДОМАКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ – доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, г. Санкт-Петербург, e-mail: vvdoma@mail.ru

ИРОШНИКОВ ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права и природоресурсное право» Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва e-mail: dv-iroshnikov@mail.ru

КИРСТА ЮРИЙ БОГДАНОВИЧ – доктор биологических наук, профессор, Алтайский государственный технический университет, главный научный сотрудник Института водных и экологических проблем Сибирского отделения Российской академии наук, г. Барнаул, e-mail: kirsta@iwep.ru

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор ФГКУ «ВНИИ МВД России», г. Москва e-mail: pkobets37@rambler.ru

ЛУКИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, действительный член Академии геополитических проблем, действительный член Петровской академии наук и искусств, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН, профессор кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Санкт-Петербург, e-mail: lvn55555@mail.ru

МАТВЕЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры Прикладной математики и информационных технологий Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, г. Санкт-Петербург, e-mail: fcvega_10@mail.ru

МИЛЬКО ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – студент, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, e-mail: dmitry.s.milko@gmail.com

МУСИЕНКО ТАМАРА ВИКТОРОВНА – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, действительный член Академии геополитических проблем, действительный член Петровской академии наук и искусств, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН, заместитель начальника по научной работе Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, профессор кафедры философии и социальных наук, г. Санкт-Петербург, e-mail: tvn77777@mail.ru

НИКОЛАЕВА ЮЛИЯ ВАДИМОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ПЕРЕБОЕВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ – кандидат политических наук, руководитель направления Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, г. Москва

РАЗВАДОВСКАЯ ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: yuliyaraz@yandex.ru

РУДНЕВА КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА – магистрант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: legostaevakristina@rambler.ru

РУЩИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

СИМАНОВИЧ ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса МФПУ «Синергия», член Ассоциации юристов России, член Российской Академии Юридических Наук, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, Московская область, г. Подольск, e-mail: Ludmila.simanovich@gmail.com

ТРЕЩЕНКОВ ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

ФОКИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

ЦВЕТКОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас к публикации в научном журнале

«НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ»

ISSN 2307-1400

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52827

Учредитель журнала:

Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего» (г. Санкт-Петербург)
при поддержке:

- Петровской академии наук и искусств;
- Академии военных наук;
- Санкт-Петербургского государственного политехнического университета;
- Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича;
- Института развития дополнительного профессионального образования;
- Санкт-Петербургского института природопользования, промышленной безопасности и охраны окружающей среды;
- Самарского государственного экономического университета;
- Санкт-Петербургского государственного университета ГПС МЧС РФ.

Тематика журнала: актуальные вопросы обоснования и реализации стратегических национальных приоритетов, которыми определяются задачи важнейших социальных, политических и экономических преобразований для создания безопасных условий жизнедеятельности и реализации конституционных прав граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства.

Периодичность выхода – ежеквартально

Тираж: 1000 экз.

Журнал предназначен для студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, соискателей, молодых специалистов, преподавателей, научных работников. В журнале публикуются материалы по гуманитарным, общественным, политическим, экономическим, техническим, педагогическим, социологическим, юридическим, военным, физико-математическим наукам.

Издается на русском и английском языках. Имеет Международный классификационный номер (ISSN), свидетельство о регистрации СМИ. Обязательные экземпляры журнала рассылаются по основным ведущим библиотекам.

Журнал представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала рассылается через 2-3 недели после окончательной даты приема материалов для очередного номера журнала.

Рубрики журнала:

1. *Управление социально-экономическими системами.*
2. *Общие вопросы обеспечения национальной безопасности*
3. *Стратегическое планирование и обеспечение безопасности в сфере геополитики*
4. *Правовые основы обеспечения национальной безопасности*
5. *Политическая безопасность*
6. *Социальная безопасность*
7. *Информационная безопасность*
8. *Экономическая безопасность*
9. *Военная безопасность и национальная оборона*
10. *Стратегическое планирование*
11. *Наука, инновации и образование*
12. *Здравоохранение и демографическая безопасность*
13. *Техносферная безопасность, экология живых систем и рациональное природопользование*

Требования и условия публикации представлены на сайте: www.to-future.ru

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

191002, Санкт-Петербург, ул. Социалистическая, д.4 литер «А», помещение 2н. Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего».

Тел.: +7-911-7910880.

E-mail: to-future@mail.ru

Сайт: www.to-future.ru

**НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ**

**Научный журнал
№ 4 (20) 2017**

Учредитель – Информационный издательский учебно-научный центр
«Стратегия будущего»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций,
свидетельство ПИ № ФС77-52827

Компьютерная верстка *Матвеева Т.В.*

Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего»
191002, Санкт-Петербург, ул. Социалистическая, д. 4 литер А, пом. 2Н

Подписано в печать 30.12.2017 г. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 13,1. Уч.-изд. л. 14. Тираж 1000 экз. Заказ № 467

Отпечатано в типографии ИП «Павлушкин»
